

Том 5. № 17. 2021

Научно-практический
юридический журнал
Основан в феврале 2017 г.
Выходит 4 раза в год

Vol. 5, no. 17, 2021

Scientific-practical
legal journal
Established in February, 2017
Issued 4 times a year

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. Интернациональная,
д. 33)

The establisher and publisher:
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St.,
Tambov 392000, Tambov Region,
Russian Federation)

- © ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2021. Все права защищены
- © Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2021
- © Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2021
При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна. Ответственность за содержание публикаций несет автор.

- © FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2021. All rights reserved
- © Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2021
- © Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2021
The reference is obligatory while reprinting and citation of materials.
The responsibility for the content rests for the author

Bd. 5. Nr. 17. 2021

Wissenschaftspraktische

Rechtszeitschrift

Gegründet am Februar 2017

Ausgegeben viermal pro Jahr

2021年 第5卷 第17期

科学实践法律杂志

创刊于 2017年 2月

每年发行 4次

AKTUELLE FRAGEN DES STAATES UND RECHTS

国家和法律的现实问题

Gründer und Verleger:

Föderale staatliche

haushaltsplangebundene

Bildungseinrichtung für

Hochschulbildung “Derschawin

Staatliche Universität Tambow”

(392000, Gebiet Tambow,

Tambow, Internatsionalnaya Str., 33)

创办与发行单位:

俄联邦国家预算高等教育机构 “坦波夫杰尔查文国立大学”

(392000, 坦波夫州, 坦波夫市,
国际大街 33 号)

© FSHBH “Derschawin Staatliche Universität Tambow”, 2021. Alle Rechte vorbehalten

© Editorial der Zeitschrift “Aktuelle Fragen des Staates und Rechts”, 2021

© Redaktion der Zeitschrift “Aktuelle Fragen des Staates und Rechts”, 2021

Bei Nachdruck und Zitieren des Materials Verweisung an der Zeitschrift ist obligatorisch.

Der Autor ist verantwortlich für Publikationsinhalt.

© 俄联邦国家预算高等教育机构 “坦波夫杰尔查文国立大学”, 2021年, 《一切权利都受保护》

© 杂志《国家和法律的现实问题》编委会, 2021年

© 杂志社《国家和法律的现实问题》, 2021年再版或援引时务必要有杂志引用出处。

刊物内容的责任由作者承担。

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Стромов Владимир Юрьевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), ректор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Института права и национальной безопасности

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Зелепукин Роман Валерьевич – к.ю.н. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заместитель директора по научной работе Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андряшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Барановичский государственный университет (г. Барановичи, Республика Беларусь), доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), факультет управления интеллектуальной собственностью, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, юридический факультет (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Илиевски Александр – д.ю.н., профессор. Международный славянский университет «Г.Р. Державин» (г. Свети Николь-Битола, Республика Македония), декан юридического факультета, профессор

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., профессор. Чеченский государственный университет (г. Грозный, РФ), профессор кафедры уголовного права и криминологии

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. ЧОУ ВО «Юридический институт» (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная общественная организация «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права» (г. Москва, РФ), президент; член научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Воронежской области (г. Воронеж, РФ), председатель суда

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

Соловьева Виктория Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права

Тычинин Сергей Владимирович – д.ю.н., профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, РФ), заведующий кафедрой гражданского права и процесса

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), и.о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета, профессор

EDITOR-IN-CHIEF:

Candidate of Law, Associate Professor, Rector V.Y. Stromov (Tambov, RF)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Candidate of Law, Associate Professor V.A. Chunyaeva (Deputy Editor-in-Chief) (Tambov, RF), Candidate of Law R.V. Zelepukin (Executive Secretary) (Tambov, RF), Candidate of Law, Associate Professor M.V. Andriyashka (Baranavichy, Republic of Belarus), Doctor of Law, Professor S.F. Afanasev (Saratov, RF), Doctor of Law, Professor E.V. Blinkova (Moscow, RF), Doctor of Law, Professor A.F. Voronov (Moscow, RF), Candidate of Law, Associate Professor N.S. Eltsov (Tambov, RF), Candidate of Law, Associate Professor A.D. Zolotukhin (Tambov, RF), Candidate of Law, Associate Professor N.A. Ivanova (Tambov, RF), Doctor of Law, Professor A. Ilievski (Sveti Nikole, Republic of Macedonia), Doctor of Law, Professor V.P. Kamyshanskiy (Krasnodar, RF), Doctor of Law, Professor T.M. Klimenko (Grozny, RF), Doctor of Law, Professor S.A. Komarov (St. Petersburg, Moscow, RF), Candidate of Law, Associate Professor A.V. Kochetkov (Voronezh, RF), Doctor of Law, Associate Professor I.B. Lagutin (Kursk, RF), Doctor of Law, Professor N.A. Lopashenko (Saratov, RF), Doctor of Law, Professor R.B. Osokin (Moscow, RF), Doctor of Law, Associate Professor K.K. Panko (Voronezh, RF), Doctor of Law, Professor N.I. Polishchuk (Ryazan, RF), Doctor of Law, Associate Professor S.V. Rybakova (Saratov, RF), Doctor of Law, Professor V.V. Solovyeva (Lipetsk, RF), Doctor of Law, Associate Professor V.V. Trofimov (Tambov, RF), Doctor of Law, Professor S.V. Tytschinin (Belgorod, RF), Doctor of Law, Associate Professor A.V. Yudin (Samara, RF)

CHEFREDAKTEUR:

Kandidat der Rechte, Dozent, Rektor V.Y. Stromov (Tambow, RF)

EDITORIAL DER ZEITSCHRIFT:

Kandidatin der Rechte, Dozentin V.A. Chunyaeva (stellvertretende Chefredakteurin) (Tambow, RF), Kandidat der Rechte R.V. Zelepukin (verantwortlicher Sekretär) (Tambow, RF), Kandidatin der Rechte, Dozentin M.V. Andriyashka (Baranawitschy, Republik Belarus), Doktor der Rechte, Professor S.F. Afanasev (Saratov, RF), Doktorin der Rechte, Professorin E.V. Blinkova (Moskau, RF), Doktor der Rechte, Professor A.F. Voronov (Moskau, RF), Kandidat der Rechte, Dozent N.S. Eltsov (Tambow, RF), Kandidat der Rechte, Dozent A.D. Zolotukhin (Tambow, RF), Kandidatin der Rechte, Dozentin N.A. Ivanova (Tambow, RF), Doktor der Rechte, Professor A. Ilievski (Sveti Nikole, Republik Mazedonien), Doktor der Rechte, Professor V.P. Kamyschanski (Krasnodar, RF), Doktorin der Rechte, Professorin T.M. Klimentko (Grosny, RF), Doktor der Rechte, Professor S.A. Komarov (St. Petersburg, Moskau, RF), Kandidat der Rechte, Dozent A.V. Kochetkov (Woronesch, RF), Doktor der Rechte, Dozent I.B. Lagutin (Kursk, RF), Doktor der Rechte, Professor N.A. Lopashenko (Saratov, RF), Doktor der Rechte, Professor R.B. Osokin (Moskau, RF), Doktor der Rechte, Dozent K.K. Panko (Woronesch, RF), Doktor der Rechte, Professor N.I. Polishchuk (Riazan, RF), Doktorin der Rechte, Dozentin S.V. Rybakova (Saratov, RF), Doktor der Rechte, Professorin V.V. Solovyeva (Lipezk, RF), Doktor der Rechte, Dozent V.V. Trofimov (Tambow, RF), Doktor der Rechte, Professor S.V. Tytschinin (Belgorod, RF), Doktor der Rechte, Dozent A.V. Yudin (Samara, RF)

总编辑:

斯特罗莫夫·弗拉基米尔·尤里耶维奇—总编辑, 法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学校长 (俄罗斯, 坦波夫市)

杂志编委会:

舒尼亚叶娃·薇拉·阿纳托利耶夫娜—副总编辑, 法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院代理院长 (俄罗斯, 坦波夫市)

泽列普金·罗曼·瓦列利耶维奇——法学副博士, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院代理副院长 (主管科研) (俄罗斯, 坦波夫市)

安德丽亚什克·玛丽娜·瓦西里耶夫娜—法学副博士, 副教授, 巴拉诺维奇国立大学经济与法律系通用法律学科与国家管理教研室主任 (白俄罗斯, 巴拉诺维奇市)

阿法纳西耶夫·谢尔盖·菲奥多罗维奇—法学博士, 教授, 萨拉托夫国立司法学院仲裁程序教研室主任 (俄罗斯, 萨拉托夫市)

布琳科娃·叶莲娜·维克托罗夫娜—法学博士, 教授, 俄罗斯国家知识产权研究院知识产权管理系民法与企业法教研室教授 (俄罗斯, 莫斯科)

沃罗诺夫·亚历山大·费奥多罗维奇, 法学博士, 教授, 莫斯科国立罗蒙诺索夫大学法学院民事诉讼教研室教授(莫斯科, 俄罗斯联邦)

叶利措夫·尼古拉·谢尔盖耶维奇—法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院国家和法律的理论与历史教研室主任, 坦波夫州联邦国家登记、地籍和制图局主任 (俄罗斯, 坦波夫市)

佐洛图欣·亚历山大·德米特里耶维奇—法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院民事诉讼程序和仲裁程序教研室主任 (俄罗斯, 坦波夫市)

伊万诺娃·内莉·亚历山大罗夫娜—法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院民法教研室主任 (俄罗斯, 坦波夫市)

伊利耶夫斯基·亚历山大——法律博士, 教授, 国际斯拉夫杰尔查文大学法律系主任 (马其顿, 斯维季尼克列市)

卡梅尚斯基·弗拉基米尔·巴甫洛维奇，法学博士，教授，库班国立农业大学民法教研室主任（克拉斯诺达尔,俄罗斯联邦）

克利缅科·塔季扬娜·米哈依诺夫娜——法律博士，教授，坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院刑法与刑事诉讼程序教研室教授（俄罗斯，格罗兹尼）

科马罗夫·谢尔盖·亚历山德罗维奇—法学博士，教授，莫斯科国际大学大城市管理、商业与法律学院国家和法律的理论与历史教研室主任（俄罗斯，莫斯科）

科切特科夫·亚历山大·维克托罗维奇—法学副博士，副教授，沃罗涅日州仲裁法院院长（俄罗斯，沃罗涅日市）

拉古京·伊戈尔·鲍里索维奇—法学博士，副教授，西南国立大学财政法、宪法、民事和行政诉讼程序教研室主任（俄罗斯，库尔斯克市）

洛帕申科·娜塔莉亚·亚历山大罗夫娜—法学博士，教授，萨拉托夫国立司法学院刑法和刑事改造法教研室教授，萨拉托夫组织犯罪和贪腐问题研究中心主任（俄罗斯，萨拉托夫市）

奥索金·罗曼·鲍里索维奇——法学博士，教授，莫斯科俄罗斯内务部基科季大学科研教学和科研干部培训系主任，法学博士，副教授（职称）（俄罗斯，莫斯科）

潘科·基里尔·康斯坦丁诺维奇，法学博士，教授，俄罗斯联邦沃罗涅日国立大学法学院刑法系教研室教授（沃罗涅日，俄罗斯联邦）

波利修克·尼古拉·伊万诺维奇—法学博士，教授，俄联邦处罚执行局研究院国家与法律理论、国际法与欧洲法教研室教授（俄罗斯，梁赞市）

列温·瓦列里·彼德罗维奇—法学博士，教授，俄联邦功勋科学家，俄罗斯自然科学院院士，坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院刑法与刑事诉讼程序教研室教授（俄罗斯，坦波夫市）

雷巴科娃·斯维特拉娜·维克托罗夫娜—法学博士，副教授（学位），萨拉托夫国立司法研究院财政法、银行法和海关法教研室教授（职称）（俄罗斯，萨拉托夫市）

索洛维约娃·维多利亚·维克托罗夫娜—历史学博士，教授，俄罗斯联邦总统国民经济与国家行政学院利佩茨克分院国家和法律的理论与历史教研室教授（俄罗斯，利佩茨克市）

特罗菲莫夫·瓦西里·弗拉基斯拉沃维奇—法学博士，副教授，坦波夫杰尔查文国立大学国家法研究科学研究所所长（俄罗斯，坦波夫市）

特钦娜·谢尔盖·弗拉基米罗维奇，法学博士，教授，俄罗斯别尔哥罗德国立研究大学法学院民法和法律程序教研室主任（别尔哥罗德,俄罗斯联邦）

尤金·安德烈·弗拉基米罗维奇，法学博士，教授，萨马拉国立研究大学法学院民事诉讼和商业法教研室主任，(萨马拉，俄罗斯联邦)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Илюхина В.А.</i> Доктринальные принципы права: понятие и специфика	9
<i>Ларина Е.А.</i> Феномен «юридической силы»: методологические подходы	22
<i>Тишаков М.П.</i> Правовые и организационные основы обеспечения безопасности дорожного движения в УССР в 1948–1953 гг.	39
<i>Тумин А.Ю.</i> Врачебно-полицейский комитет в структуре московской общей полиции в середине – второй половине XIX века	57

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Ельцов В.Н., Козодаева О.Н.</i> Законодательная регламентация преступлений террористического характера в России до Октябрьской революции 1917 г.	68
<i>Карташов И.И., Карташов И.И.</i> Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты	75
<i>Ковалев Н.С.</i> Реализация принципа равенства осужденных перед законом в нормах, регламентирующих институт выезда осужденных за пределы исправительной колонии: некоторые проблемы и пути их решения	90

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Iliukhina V.A.</i> Doctrinal principles of law: concept and specificity	9
<i>Larina E.A.</i> The phenomenon of “legal force”: methodological approaches	22
<i>Tishakov M.P.</i> Legal and organizational basis for ensuring road safety in the Ukrainian SSR in 1948–1953	39
<i>Tumin A.Y.</i> Medical and police committee in the structure of the Moscow general police in the middle and second half of the 19th century	57

SUBSTANTIVE LAW

<i>Eltsov V.N., Kozodaeva O.N.</i> Legislative regulation of terrorist crimes in Russia before the October revolution of 1917	68
<i>Kartashov I.I., Kartashov I.I.</i> Artificial intelligence: criminal and procedural aspects	75
<i>Kovalev N.S.</i> Implementation of equality principle of convicts under the law in the norms regulating the institution of convicts' departure outside the penitentiary: some issues and ways to solve them	90

Крамской В.В. Институт срока
в рамках государственного
(муниципального) контракта:
понятие, виды, проблемы
в их определении и исчислении 99

Хилута В.В. Феномен
административной преюдиции
в контексте понимания сущности
преступления 117

Kramskoy V.V. The institution
of term within the framework
of a state (municipal) contract:
concept, types, issues in their
definition and calculation 99

Khiluta V.V. Phenomenon
of administrative prejudice
in the context of understanding the
essence of crime 117

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

PROCEDURAL LAW

Гончарова А.В. Преодоление
тождества исков при повторном
обращении в суд по гражданским
делам 137

Назаров В.В., Золотухин А.Д.
К вопросу о допустимости
доказательств в гражданском
судопроизводстве 148

Goncharova A.V. Overcoming
the identity of claims when
re-applying to the court
in civil cases 137

Nazarov V.V., Zolotuhin A.D.
On the issue of evidence
admissibility in civil
proceedings 148

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

NATIONAL SECURITY

Парамонов А.В., Харин В.В.
Некоторые аспекты обеспечения
национальной безопасности
в информационной сфере 161

Paramonov A.V., Kharin V.V.
Some aspects of ensuring
national security
in the information sphere 161

ИНФОРМАЦИЯ

INFORMATION

Правила для авторов 171

Regulations for contributors 171

© Илюхина А.В., 2021

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-9-21

УДК 340.114.5; 340.130

Шифр научной специальности 12.00.01

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА: ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА

В.А. Илюхина^{1,2}

¹ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, 1

²ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, e-mail: eva3011@bk.ru

Аннотация. Исходя из понимания доктринальных принципов права как социально значимых идей, сформулированных учеными, практиками, политиками в научных работах и иных текстах, а также в публичных выступлениях и не нашедшие нормативного закрепления, выделяются особенности доктринальных принципов права. Предложено отграничивать доктринальные принципы права от правовых аксиом и нормативно закрепленных принципов права (принципов позитивного права). Сходство доктринальных принципов права и правовых аксиом заключается в том, что они представляют собой идеи. Обосновано, что их отличия состоят в том, что правовые аксиомы – это всегда идеи социально важные и апробированные историческим опытом, а доктринальные принципы могут быть абсолютно любыми, в том числе новыми, совпадающими или не совпадающими с потребностями общества; доктринальные принципы всегда нормативно не закреплены (это их главная специфическая черта), а правовые аксиомы могут иметь или не иметь нормативного закрепления. Выделены основные отличия доктринальных и нормативно закрепленных принципов права. Установлены три пути реализации доктринальных идей до уровня отраслевых, межотраслевых или общеправовых принципов. Обоснована позиция, что доктринальные принципы обладают огромной социальной значимостью и играют важную роль в правовой системе России, так как являются основой инновационных изменений в праве, представляют собой движущую силу развития законодательства исходя из уровня развития научного знания и потребностей общества в конкретно-исторический период.

Ключевые слова: принципы права; доктринальные принципы права; принципы позитивного права; правовые аксиомы

Проблема принципов права является одной из наиболее актуальных и активно обсуждаемых как в теории права, так и в отраслевых юридических науках. В данной статье мы не будем останавливаться на историографическом анализе литературы, посвященной принципам права, так как эта проблема должна быть предметом специального, может быть, даже монографического исследования. Отметим лишь, что, несмотря на активное внимание к принципам права со стороны ученых, отсутствует единая точка зрения на понятие принципов права, на их классификацию и множество других вопросов, с ними связанных.

Дискуссионными вопросами обозначенного проблемного поля являются определение понятия доктринальных принципов права, выделение их специфики и установление соотношения с принципами позитивного права. Именно их решению и посвящена наша статья.

Принципы права являются разновидностью юридических научных идей. При этом необходимо отграничивать принципы права в позитивистском понимании от доктринальных принципов права. Первые представляют собой нормативно закрепленные исходные, руководящие, базовые идеи, лежащие в основе всего правового регулирования, совокупности отраслей права, отдельной отрасли или института права. Вторые – это социально значимые идеи, сформулированные отдельными учеными и практиками в научных работах, публичных выступлениях и не нашедших нормативного закрепления. Принципы права, закрепленные в текстах нормативных правовых актов (принципы позитивного права), – это элемент правовой системы, системы права и механизма правового регулирования. Также это одна из разновидностей норм права, получившая название нормы-принципа.

В.А. Четвернин полагает, что доктринальные принципы права – это выработанные правовой доктриной нормативные правоположения, представляющие собой основополагающие суждения о праве, на которых строятся большие группы правовых норм. В качестве примеров названный ученый относит: «все, что не запрещено, разрешено», «все, что не разрешено, запрещено», «договоры должны соблюдаться», «субъективному праву всегда соответствует юридическая обязанность» и «всякое правонарушение предполагает юридическую ответственность» [1, с. 164-169].

Обратим внимание, что перечисленные выше идеи далеко не всегда находят нормативное закрепление, поэтому трудно согласиться, что это во всех случаях «выработанные доктриной нормативные правоположения». По нашему мнению, такого рода идеи являются не

доктринальными принципами права, а, скорее, правовыми аксиомами. Последние же, как верно указывал Г.Н. Манов, представляют собой «простейшие юридические суждения эмпирического уровня, сложившиеся в результате многовекового опыта социальных отношений и взаимодействия человека с окружающей средой» [2, с. 29; 3; 4]. Правовая аксиома и доктринальный принцип – это разные явления, хотя между ними имеется и определенное сходство. Проблема соотношения правовых аксиом и принципов права уже становилась объектом внимания ученых [5; 6]. Однако, говоря не о принципах права и правовых аксиомах, а именно о доктринальных принципах и правовых аксиомах, считаем необходимым отметить следующие моменты. Сходство заключается в том, что и то, и другое – это идеи. Однако правовые аксиомы – это всегда идеи социально важные и апробированные историческим опытом, а доктринальные принципы могут быть абсолютно любыми, в том числе новыми, совпадающими или не совпадающими с потребностями общества. Другое отличие состоит в том, что доктринальные принципы всегда нормативно не закреплены – в этом и заключается их основная специфическая черта. В случае нормативного закрепления они перестают быть доктринальными и становятся принципами позитивного права. Что касается правовых аксиом, то они могут как не иметь нормативного закрепления, так и содержаться в тексте нормативного акта.

В теории права встречается разграничение правовых принципов и принципов права. Некоторые ученые считают эти понятия синонимами, и такое деление было характерно уже для советской юридической науки. В настоящее время, основываясь на традициях научной школы Института государства и права РАН, Е.А. Скурко отстаивает целесообразность выделения правовых принципов и принципов права. Под правовыми принципами она понимает «исходные идеи правовой системы и их воплощение в любой из форм в характерных для правовой системы компонентах (в правосознании, нормативном компоненте, при структурировании и функционировании организационного компонента правовой системы, в правотворчестве и правореализации/правоприменении), а под принципами права – «нормативно закрепленные в этом качестве базовые идеи, позитивирующиеся в виде норм-принципов, представляющих собой не имеющую самостоятельного значения и/или «вырожденную» норму права, гипотеза и санкция которой определяются другими нормами права...» [7, с. 57-58]. Понятия «правовой принцип» и «принцип права» «не совпадают, в том числе и по крите-

рию нормативности – однако соотносятся как целое и часть (категория «правовые принципы», очевидно, является более широкой)» [7, с. 58]. Е.А. Скурко не оперирует понятием «доктринальные принципы права». Полагаем, что оно частично совпадает, но далеко не идентично понятию правового принципа, так как в последний включается и нормативный компонент.

Доктринальные идеи могут быть востребованы или не востребованы обществом в конкретно-исторический период. Есть идеи, «оперевидившие время», а есть идеи устаревшие, которые не отвечают социальным потребностям новой эпохи. Первые в течение длительного времени остаются неактуальными для общества, в котором они возникли. Вторые – уже не актуальны, носят реакционный, а иногда и ретроградский характер. В качестве примера можно привести идею равенства всех перед законом. В настоящее время она трактуется как равенство граждан, независимо от пола, национальности, социального статуса, имущественного положения и других факторов, а также как недопущение какой-либо дискриминации по этим основаниям. Предложения об ограничении граждан, например, по половому признаку в развитых государствах в XXI веке никто, включая законодателя, всерьез не воспринимает. Совершенно иной была ситуация еще век–полтора назад. Тогда идея о юридическом равенстве полов носила характер доктринального принципа права, и долгое время воспринималась как нонсенс. Только постепенно она стала находить закрепление в нормативных актах и переходить из разряда доктринальных идей в разряд принципов права. В настоящее время идея равенства прав граждан перед законом является уже не доктринальным, а нормативно закрепленным принципом права. Если говорить о Российской Федерации, то этот принцип закреплен как на конституционном уровне (часть 1 статьи 19 Конституции РФ), так и в отраслевом законодательстве (напр., статья 6 ГПК РФ, статья 7 АПК РФ, статья 4 УК РФ и др.) и в целом является общеправовым принципом. Под общеправовыми принципами следует понимать нормативно закрепленные принципы, действующие во всех отраслях права.

В Российской Федерации все общеправовые принципы являются конституционными, так как Конституция РФ является своеобразным цементирующим звеном как для системы права, так и для всей правовой системы. Однако не все конституционные принципы являются общеправовыми. Это обуславливается тем, что в Конституции РФ закреплен ряд специфических принципов, которые носят либо сугубо отрас-

левой, либо межотраслевой характер. Так, закрепленные в Конституции РФ принцип независимости судей (часть 1 статьи 120), состязательности сторон (часть 3 статьи 123), языка судопроизводства (статья 68) и ряд других являются не общеправовыми, а межотраслевыми, характерными для процессуальных отраслей российского права. Межотраслевым является и принцип презумпции невиновности (статья 49 Конституции РФ), так как сфера его применения ограничена производством по уголовным, административным, налоговым делам. Среди ученых идут активные дискуссии по вопросу, является ли презумпция невиновности принципом права [8; 9]. Аргументы сторонников отнесения презумпции невиновности к принципам права представляются нам более убедительными.

Ряд конституционных принципов носит исключительно отраслевой характер. Например, принцип свободы труда, закрепленный в частях 1 и 2 статьи 37 Конституции Российской Федерации, является только принципом трудового права. Другим примером может служить принцип государственной защиты семьи, материнства и детства в семейном праве (часть 1 статьи 38 Конституции РФ).

Без доктринальных принципов невозможно развитие законодательства. Сначала доктринальный принцип появляется именно как идея одного или нескольких ученых. Затем эта идея распространяется в научном сообществе и если она актуальна и представляет практический интерес для государства, то может быть реализована на уровне законопроекта, а потом и стать частью нового закона или дополнения к закону. Е.О. Мадаев верно отмечает, что «все актуальные и необходимые на современном этапе правовые акты первоначально возникают в виде доктринальных идей в научных статьях и работах видных ученых-правоведов и юристов-практиков» [10, с. 138]. Таким образом, доктринальные принципы – это основа инновационных изменений в праве. Правда, необходимо учитывать, что разработка доктринальных идей может идти не только «изнутри» научного сообщества, но и являться следствием государственного заказа. По нашему мнению, абсолютно нормально, когда авторскому коллективу (рабочей группе) поручается разработка нормативного правового акта. В его основу могут быть положены как уже существующие доктринальные принципы, так и идеи, которые возникли в процессе его создания.

Выделим несколько отличий доктринальных принципов от нормативно закрепленных принципов права (обратим внимание, что в рамках позитивистского правопонимания принципы права и принципы за-

конодательства – суть одно и то же, так как право не может существовать вне его форм).

Во-первых, принципы права объективизируются в нормативных правовых актах, а доктринальные принципы содержатся в текстах научных работ либо могут вообще не иметь текстуального выражения (например, были устно высказаны на научных мероприятиях, в выступлениях по телевидению, радио, в сети Интернет, но при этом не формулировались в письменном виде). По этой причине доктринальные принципы всегда субъективны и вариативны. Позитивные принципы тоже могут быть подвержены интерпретации, но при этом само их существование не вызывает сомнения в силу закреплённости в тексте нормативного правового акта. Позитивных принципов существует определенное количество, так как они перечисляются в нормативных актах (правда, иногда их перечень является открытым), а доктринальных принципов может быть бесконечно много. Последнее обусловлено множеством ученых и практиков, а также вариативностью их мнений.

Во-вторых, принципы позитивного права обладают императивностью, а доктринальные принципы – это всего лишь идеи, не имеющие юридического значения. Доктринальные принципы могут признаваться или не признаваться разными учеными, получать или не получать распространение за пределами научного сообщества, а нормативно закреплённые принципы, как минимум, известны правоприменителю (в идеале они должны быть известны всем субъектам права). Следование доктринальным принципам в правоприменительной практике не только не является обязательным, но и в ряде случаев может привести к нарушению норм права и повлечь наступление юридической ответственности. Доктринальные принципы могут противоречить действующему законодательству, а позитивные принципы – это часть законодательства (конечно, нередко имеют место коллизионные нормы, но это уже другая проблема [11]). Среди ученых и любых прочих лиц могут быть противники и сторонники как доктринальных, так позитивных принципов. Однако правоприменитель может быть противником какого-либо позитивного принципа только неофициально, а в своей деятельности он обязан реализовывать соответствующие нормативно закреплённые принципы.

В-третьих, свойством нормативно закреплённых принципов является понятность для правоприменителя и реальная возможность их реализации. Доктринальные принципы могут быть сформулированы

как угодно, в том числе так, что практическая реализация их невозможна вообще или невозможна в конкретно-исторических условиях.

В-четвертых, принципы позитивного права в отличие от доктринальных принципов могут использоваться в качестве инструмента ликвидации пробелов в праве и пробелов в законодательстве.

В-пятых, доктринальные принципы более реактивны, чем нормативно закрепленные. Как известно, законодательство характеризуется стабильностью – его изменение требует определенного времени и специальных процедур. Что касается доктринальных принципов, то они могут меняться как по объективным, так и по субъективным причинам. Один и тот же ученый может неоднократно, в том числе в короткий промежуток времени, менять свои взгляды на определенную проблему, имеет возможность отказаться от сформулированного им же доктринального принципа, скорректировать его или предложить новый.

Реализация доктринальных идей до уровня отраслевых, межотраслевых или общеправовых принципов может идти разными путями.

Первый путь – принятие Конституции, в которой закреплены общеправовые и наиболее важные, с точки зрения законодателя, межотраслевые и отраслевые принципы. Конституция РФ лежит в основе правовой системы и имеет определяющее значение для системы права. Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г., кардинальным образом отличается от Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. Это касается и принципов права. Изменение государственного и общественного строя после 1991 г. привело к закреплению в Конституции РФ идей, которые до этого времени являлись доктринальными, но одновременно стали не только нормативно закрепленными принципами позитивного права, но и в ряде случаев приобрели характер общеправовых принципов.

После принятия Конституции РФ 1993 г. в России проходили кодификационные процессы. В настоящий момент действует 20 федеральных кодексов. Наиболее интенсивно кодификация законодательства велась с середины 1990-х гг. по середину 2000-х гг. Именно в этот промежуток времени было принято большинство кодифицированных актов. Причем арбитражное процессуальное право подверглось кодификации дважды (первый Арбитражный процессуальный РФ был принят 5 мая 1995 г., второй – 24 июля 2002 г.), а Таможенный кодекс РФ от 28 мая 2003 г. утратил силу в связи с принятием федерального закона от 27 ноября 2010 г. «О таможенном регулировании в Российской

Федерации». Последним из кодексов стал Кодекс административного судопроизводства от 8 марта 2015 г.

Все кодексы Российской Федерации принимались после Конституции РФ, соответствуют ей и восприняли принципы права, в ней закрепленные. В ряде случаев конституционные принципы были продублированы и/или конкретизированы в отраслевых кодексах. Кстати, учитывая прямое действие Конституции РФ, принципы отраслей права, которые закреплены в Конституции, но не нашли отражения в тексте отраслевых кодексов, все равно являются и принципами соответствующих отраслей права.

Второй путь реализации доктринальных идей до уровня отраслевых, межотраслевых или общеправовых принципов – закрепление в отраслевом законодательстве какой-либо идеи, а потом «дорращивание» ее до конституционного уровня. Этот путь является для России новым, причем он оказался очень специфическим.

Для российского права и в имперский, и в советский периоды всегда было характерно отрицательное отношение к интимным отношениям между лицами одного пола. Что касается разрешения однополых браков, то этот вопрос никогда даже не ставился ни на каком уровне. Тем не менее, следуя за США и странами Западной Европы, у отдельных общественных деятелей возникла идея о целесообразности придания юридической силы однополым бракам в России.

В части 3 статьи 1 Семейного кодекса РФ от 29 декабря 1995 г. в качестве одной из основ российского семейного законодательства назван «принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины». Этот принцип был закреплен и в предшествующем кодифицированном семейном акте – Кодексе о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. (статья 1). Тем не менее, пытаясь воспрепятствовать дальнейшему развитию доктринальной идеи о разрешении однополых браков в России, государство посчитало целесообразным, а народ в ходе общероссийского голосования согласился с внесением соответствующей поправки в Конституцию. Так, в новом пункте ж. 1 части 1 статьи 72 Конституции РФ к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации отнесена «защита института брака как союза мужчины и женщины». Полагаем, что на этом дискуссия о нормативном закреплении однополых браков в России завершена. Конечно, норму о том, что брак является союзом мужчины и женщины, следовало бы поместить в статье 38. К сожалению, это не реально, так как ста-

тья 135 Конституции РФ устанавливает невозможность изменения положений глав 1, 2 и 9, а статья 38 входит во вторую главу.

Получается, что к изменению Конституции РФ привела доктринальная идея (о разрешении однополых браков), прямо противоположная той, которая была до этого закреплена в СК РФ, и ставшая в дальнейшем конституционной нормой (брак – это союз мужчины и женщины).

Третий путь реализации доктринальных идей до уровня межотраслевых принципов (обратим внимание, речь в данном случае идет только о межотраслевых, а не отраслевых и общеправовых принципах) – это принятие специального федерального закона, которым одновременно вводятся аналогичные нормы-принципы в несколько отраслевых кодексов. Другими словами, доктринальный принцип становится сразу межотраслевым принципом права. Именно так произошло с закреплением процессуального принципа разумного срока судопроизводства.

30 апреля 2010 г. был принят федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Этот нормативный акт стал следствием возрастания роли решений Европейского суда по правам человека в российской правовой системе, а его целью – регламентация института компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. Соответственно актуальность приобрел вопрос о нормативном закреплении принципа разумного срока судопроизводства. Ведь если такого принципа не существует в правовом поле, а он имеется только на доктринальном уровне как явление правосознания, то и компенсация за его нарушение проблематична. Прямым следствием федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» стал федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Статьей 2 указанного выше нормативного акта была введена статья 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства» в УПК РФ, статьей 4 – статья 6.1 «Разумные сроки судопроизводства в арбитражных судах и исполнения судебного акта» в АПК РФ и статьей 5 – статья 6.1 «Разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения судебного постановления» в ГПК РФ. Таким образом, все три действовавших в

тот момент процессуальных кодекса одновременно получили закрепление принципа разумного срока судопроизводства, который до этого являлся доктринальным принципом. Интересно, что и в УПК РФ, и в АПК РФ, и в ГПК РФ этот принцип оказался помещенным в статьях с одинаковым номером «б.1», что, на наш взгляд, свидетельствует о едином подходе законодателя к данному вопросу и попытке привести правоприменителя к единообразному пониманию содержания принципа разумного срока судопроизводства. Правда, полного единообразия не получилось – тексты соответствующих статей различаются как по объему, так в определенной мере и по содержанию, но концептуально они схожи. Несмотря на отличия в законодательной технике, которая использовалась при формулировании УПК РФ, АПК РФ и ГПК РФ в плане закрепления принципов права (в УПК РФ соответствующая статья находится в главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства, а в АПК РФ и ГПК РФ – в главе 1 «Основные положения» среди других норм-принципов), не вызывает сомнения, что «разумный срок судопроизводства» – это именно межотраслевой процессуальный принцип, а не какое-то иное правовое явление.

Если для уголовно-процессуального, арбитражного процессуального и гражданского процессуального законодательства принцип разумного срока судопроизводства в 2010 г. стал новеллой, то в принятом 8 марта 2015 г. Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации он изначально являлся интегрированным в систему других принципов административного судопроизводства. В статье 6 КАС РФ «Принципы административного судопроизводства» он именно в таком качестве назван среди прочих принципов, а статья 10 «Разумный срок административного судопроизводства и разумный срок исполнения судебных актов по административным делам» непосредственно посвящена раскрытию его содержания.

Завершая статью, сделаем следующие выводы. Во-первых, доктринальные принципы права – это социально значимые идеи, сформулированные учеными, практиками, политиками в научных работах и иных текстах, а также в публичных выступлениях и не нашедшие нормативного закрепления. Во-вторых, доктринальные принципы следует отличать от правовых аксиом и нормативного закреплённых принципов права (принципов позитивного права). В-третьих, доктринальные принципы обладают огромной социальной значимостью и играют важную роль в правовой системе России, так как являются основой инновационных изменений в праве, представляют собой движущую силу

развития законодательства, исходя из уровня развития научного знания и потребностей общества в конкретно-исторический период.

Список литературы

1. Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. М.: Ин-т государства и права РАН, 2003. 204 с.
2. Манов Г.Н. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. 1986. № 3. С. 29-36.
3. Давыдова М.Л. К вопросу о понятии правовых аксиом: теоретические и технико-юридические аспекты // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 203-207.
4. Зяблова Т.Е., Масленников А.В. Правовые аксиомы / под ред. В.В. Мамчуна. Владимир: Владимир. юрид. ин-т ФСИН России, 2009. 135 с.
5. Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы в праве // Правоведение. 1988. № 5. С. 27-31.
6. Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. 150 с.
7. Скурко Е.В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика // Правоведение. 2006. № 2. С. 55-61.
8. Баранов В.М. «Принцип презумпции невиновности»: симулякр, метафора или искусственная юридическая конструкция? // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 58-70.
9. Демичев А.А. Презумпция невиновности как принцип российского уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С. 45-48.
10. Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. 254 с.
11. Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Коллизионные нормы и их конкуренция. М.: Юрлитинформ, 2019. 160 с.

Поступила в редакцию 16.01.2021 г.

Поступила после рецензирования 12.02.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторе

Илюхина Вера Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань, Российская Федерация; старший научный сотрудник научного центра. Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, e-mail: eva3011@bk.ru

Для цитирования

Илюхина В.А. Доктринальные принципы права: понятие и специфика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 9-21. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-9-21

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-9-21

DOCTRINAL PRINCIPLES OF LAW: CONCEPT AND SPECIFICITY

Vera A. Iliukhina^{1,2}

¹Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia
1 Sennaya St., Ryazan 390000, Russian Federation

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, e-mail: eva3011@bk.ru

Abstract. Based on the understanding of the doctrinal principles of law as socially significant ideas formulated by scientists, practitioners, politicians in scientific works and other texts, as well as in public speeches and have not found a normative consolidation, the peculiarities of the doctrinal principles of law are highlighted. It is proposed to delimit the doctrinal principles of law from legal axioms and normatively enshrined principles of law (principles of positive law). The similarity between the doctrinal principles of law and legal axioms is that they are ideas. It is substantiated that their differences lie in the fact that legal axioms are always ideas that are socially important and tested by historical experience, and doctrinal principles can be absolutely any, including new ones, coinciding or not coinciding with the needs of society; doctrinal principles are always not normatively fixed (this is their main specific feature), and legal axioms may or may not have normative consolidation. The main differences between doctrinal and normatively enshrined principles of law are highlighted. Three ways are established for the implementation of doctrinal ideas to the level of sectoral, inter-sectoral or general legal principles. The position is substantiated that doctrinal principles have enormous social significance and play an important role in the legal system of Russia, since are the basis for innovative changes in law, are a driving force for the development of legislation, based on the level of development of scientific knowledge and the needs of society in a specific historical period.

Keywords: principles of law; doctrinal principles of law; principles of positive law; legal axioms

References

1. Chetvernin V.A. *Vvedeniye v kurs obshchey teorii prava i gosudarstva* [Introduction to the Course of the General Theory of Law and State]. Moscow, Institute of State and Law of the RA S Publ., 2003, 204 p. (In Russian).
2. Manov G.N. Aksiomy v sovetskoy teorii prava [Axioms in the Soviet theory of law]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1986, no. 3, pp. 29-36. (In Russian).
3. Davydova M.L. K voprosu o ponyatii pravovykh aksiom: teoreticheskiye i tekhniko-yuridicheskiye aspekty [On the issue of the concept of legal axioms: theoretical and technical and legal aspects]. *Yuridicheskaya tekhnika – Legal Technique*, 2007, no. 1, pp. 203-207. (In Russian).

4. Zyablova T.E., Maslennikov A.V. *Pravovyye aksiomy* [Legal Axioms]. Vladimir, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia Publ., 2009, 135 p. (In Russian).
5. Ferens-Sorotskiy A.A. Aksiomy v prave [Axioms in law]. *Pravovedeniye* [Legal Studies], 1988, no. 5, pp. 27-31. (In Russian).
6. Ferens-Sorotskiy A.A. *Aksiomy i printsipy grazhdansko-protsessual'nogo prava: dis. ... kand. jurid. nauk* [Axioms and Principles of Civil Procedure Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1989, 150 p. (In Russian).
7. Skurko E.V. Pravovyye printsipy v pravovoy sisteme, sisteme prava i sisteme zakonodatel'stva: teoriya i praktika [Legal principles in the legal system, the system of law and the system of legislation: theory and practice]. *Pravovedeniye* [Legal Studies], 2006, no. 2, pp. 55-61. (In Russian).
8. Baranov V.M. «Printsip prezumptsii nevinovnosti»: simulyakr, metafora ili iskusstvennaya yuridicheskaya konstruktsiya? [“Principle of the presumption of innocence”: simulacrum, metaphor or artificial legal construction?]. *Yuridicheskaya tekhnika – Legal Technique*, 2020, no. 14, pp. 58-70. (In Russian).
9. Demichev A.A. Prezumpciya nevinovnosti kak printsip rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva [Presumption of innocence as a principle of russian criminal proceedings]. *Ugolovnoye sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*, 2020, no. 1, pp. 45-48. (In Russian).
10. Madayev E.O. *Doktrina v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Doctrine in the Legal System of the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Irkutsk, 2012, 254 p. (In Russian).
11. Gambaryan A.S., Dallakyan L.G. *Kollizionnyye normy i ikh konkurentsiya* [Conflict Rules and Their Competition]. Moscow, Urlitinform Publ., 2019, 160 p. (In Russian).

Received 16 January 2021

Reviewed 12 February 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the author

Vera A. Iliukhina – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Theory of State and Law, International and European Law Department. Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation; Senior Research Worker at the Research Center. Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of RANEPА, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, e-mail: eva3011@bk.ru

For citation

Iliukhina V.A. Doktrinal'nyye printsipy prava: ponyatiye i spetsifika [Doctrinal principles of law: concept and specificity]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 9-21. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-9-21 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-22-38

УДК 340.115

Шифр научной специальности 12.00.01

ФЕНОМЕН «ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Е.А. Ларина

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5892-1959>, e-mail: ya.lari2011@yandex.ru

Аннотация. В исследовании раскрываются некоторые особенности феномена юридической силы, являющегося неотъемлемым элементом нормативных правовых актов, а также договоров, электронных документов, выступающих регуляторами общественных отношений. Поставлена цель – определение методологических подходов, при помощи которых возможно изучить данный феномен более полно, а также выявить недостатки существующих подходов. В качестве методов были использованы диалектико-материалистический метод, общенаучные методы, специально-юридические методы. В ходе исследования автор обратился к таким методологическим подходам, как исторический, логический, герменевтический, сравнительный, системный, синергетический, гуманистический, кибернетический, структурный, функциональный. Дана их краткая характеристика (определены особенности, отражены взгляды ученых-правоведов на данные методологические подходы и применимость таких подходов по отношению к исследованию феномена юридической силы). Сделан вывод о недостаточности существующих в настоящее время исследований методологических подходов по отношению к категории «юридическая сила» и определены некоторые перспективы развития данной тематики. Доказано, что методологические подходы позволяют исследовать не только особенности категории «юридическая сила» (классификацию, предназначение и пр.), но и специфику актов, документов, процесса их принятия, применения.

Ключевые слова: юридическая сила; методология; методы; методологические подходы; нормативные правовые акты; источники права; закон

ВВЕДЕНИЕ

Каждая наука имеет свою цель, ставит перед собой определенные задачи, имеет свой предмет, объект исследования. Основная цель каждой науки – получить объективные, достоверные и систематизирован-

ные данные об окружающем нас мире [1, с. 9]. Получение таких данных невозможно без использования методологической составляющей. Использование методологии в науке позволяет постигнуть истину, суть жизни [2, с. 327].

Юридическая сила – это феномен, непосредственно обусловленный наличием правового регулятора. Наличие данного феномена позволяет праву «жить» [3, с. 60]. Соответственно, исследовать юридическую силу следует исходя из подразделения методологического потенциала на методы, применяемые во всех научных изысканиях (прежде всего к ним относятся общие методы познания), а равно специальные методы, в первую очередь характерные для юридической науки.

Подобное, как думается, полностью соответствует парадигме общей теории права, традиционно стратифицирующей методы на всеобщий диалектико-материалистический метод, общенаучные и специально-юридические методы.

Изучение юридической силы должно осуществляться на основе комплексного использования всего арсенала методов, имеющегося на настоящий момент в общей теории права. При этом бесспорно стоит признать, что некоторые методы имеют доминирующее значение в проекции к познанию юридической силы.

Учитывая, что феномену юридической силы посвящено сравнительно небольшое количество работ, то назрела необходимость в исследовании методов, при помощи которых целесообразнее изучать природу данного феномена.

Цель настоящего исследования – определить круг методов, при помощи которых возможно более полно изучить феномен юридической силы.

Используемые *методы* исследования – диалектико-материалистический метод, общенаучные методы, специально-юридические.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Особое место среди методов занимает *диалектический материализм*, поскольку он является основным.

Данный метод выступает в качестве универсального метода, подходящего для постижения абсолютно всех явлений окружающего мира. Диалектический материализм, и в этом его своего рода уникальность, служит в качестве своего рода объективно-истинного знания, исключительно на научной основе, что детерминирует подлинность

полученных знаний [4, с. 189]. Естественно, что диалектический материализм может и должен применяться при исследовании различных правовых явлений, категорий, феноменов, в том числе и юридической силы.

Одной из магистральных идей диалектического материализма служит концепция о взаимосвязи и взаимодействии материи и сознания [5, с. 145]. Это подразумевает в свою очередь, что, во-первых, материя (объективный мир) первична, а сознание (идеальное, субъективный мир) вторичен, во-вторых, что мир познаваем.

По отношению к юридической силе сказанное обозначает, что она обладает объективной природой, поскольку ее существование непосредственно связано с наличием социального регулятора (в контексте рассуждений именно о юридической силе речь, конечно, идет о правовом регуляторе).

Но, по нашему мнению, главным выступает то, что любой регулятор должен обладать силой, в противном случае, подразумеваемое регулятором ограничение интересов будет лишь фикцией. Наличие механизма социальных регуляторов общественных отношений, выражающихся в правилах поведения, служащих образцами и моделями поведения. Соответственно, можно лишь согласиться с Л.О. Мурашко в том, что нормативное регулирование – это качество, априори характерное для каждой социальной системы. Но, как уже было сказано, нормативное регулирование не может быть достигнуто без силы, в ракурсе настоящего исследования – без юридической силы. Последнюю в данном контексте и стоит определять в качестве такого элемента бытия, который обладает объективной природой, служит своего рода «природным законом» [6, р. 207].

Логика здесь более чем очевидна: любые коллективы людей не могут существовать и развиваться без соответствующего регулятора; регулятор должен обладать таким качеством, как сила, позволяющим устанавливать варианты должного и возможного поведения; в государстве как особом коллективе людей в качестве регулятора выступают прежде всего нормы права, воплощенные в различных формах, которые тоже имеют качество, обозначаемое как «юридическая сила».

Вместе с тем в юридической силе присутствует и субъективный сегмент. Наибольшим образом это проявляется в правотворческом процессе, когда нормы права подвергаются закреплению в соответствующей форме. Восприятие и фиксирование той или иной формы именно как регулятора, обладающего юридической силой во многом

субъективно, отражает конгломерат духовных и физических сил человека, во многом подвластно ему [7, с. 6].

В еще большей степени сказанное о субъективизме относится к правоинтерпертационной и правоприменительной деятельности, безусловно связанной с субъективной оценкой и наличием усмотрения [8].

При оценке объективного и субъективного начал в сущности юридической силы необходимо в обязательном порядке расставить приоритеты, которые, по нашему мнению, заключаются все же в доминировании в праве объективных факторов. Тем самым юридическая сила в доминанте своей объективна, что обусловлено самой сущностью права как государственной волей общества, детерминированной прежде всего экономическим базисом общества [9, с. 59].

Взаимосвязь объективного и субъективного в природе юридической силы адресует к пониманию юридической силы как абстрактно необходимой закономерности, каждое непосредственное проявление которой может быть обозначено как случайность [10, с. 280].

Подобного рода двойная дихотомия в проекции к юридической силе («объективное-субъективное»; «закономерное-случайное») детерминирует появление еще одной пары «абстрактное и конкретное». Констатация последней позволяет применить такой метод диалектического материализма как восхождение от абстрактного к конкретному. Помимо того, что названный метод способствует разрешению весьма точно обозначенной О.Э. Лейстом проблемы сочетания абстрактного и конкретного в правовом регулировании [11, с. 90], а соответственно и регуляторе, он также позволяет уяснить сложную и неоднозначную сущность юридической силы именно как общеправового феномена.

Юридическая сила – это, прежде всего, абстракция, закономерность присутствия которой в праве объясняется в первую очередь ее объективной природой. Восприятие юридической силы как абстрактного явления более чем важно, поскольку оно позволяет на общетеоретическом уровне разработать и предложить дефиницию юридической силы, выделить ее признаки, обозначить целевое предназначение и основания классификации юридической силы.

Как абстракция юридическая сила получает свое фактическое иллюстрирование в конкретных примерах – источниках права, правоприменительных актах и актах официального толкования, договорных актах и документах. Здесь можно только согласиться с тем, что исследование абстрактных категорий основывается на изучении реально

существующего мира, общества; в случае с юридической силой – каждого компонента правовой системы, обладающего названной силой.

Абстрактное и конкретное в юридической силе олицетворяют собой противоположности, что обуславливает применение при их познании такого важнейшего закона диалектического материализма, как закон единства и борьбы противоположностей.

В контексте изучения юридической силы противоположностями выступают те правовые феномены, которые и наделены анализируемым качеством. Речь идет о коллизиях в праве, прежде всего о коллизиях между нормами права, хотя могут быть коллизии и между правоприменительными, правоинтерпретационными и договорными актами. Однако в таких случаях критерием разрешения коллизии может выступать компетенция субъекта, издавшего соответствующий акт, хотя именно этот факт также обуславливает большую либо меньшую юридическую силу.

Непосредственным же критерием нивелирования коллизии юридическая сила служит при коллизии нормативных актов. Это так называемая иерархическая коллизия, возникающая в результате одновременного регламентирования фактического обстоятельства правовыми предписаниями разной юридической силы [12, с. 81]. Это так называемая вертикальная коллизия, разрешаемая в зависимости от большей и, соответственно, меньшей юридической силы; гораздо сложнее ситуация при горизонтальной коллизии, то есть при противоречии актов равной юридической силы [12, с. 35-36].

В любом случае здесь стоит констатировать не только возможность стратификации юридической силы по иерархии, но и обозначить коллизионные акты противоположности, находящиеся, естественно, в борьбе, но и одновременном единстве – олицетворения ими качества нормативного регулятора в одной и той же сфере и в одном и том же временном этапе.

К. Маркс отмечал, что в диалектическом материализме неотъемлемым элементом является борьба противоречий и противоположностей, что служит источником любой системы, существующей в материальном мире, позволяет ей функционировать, развиваться, переходить из одного качественного состояния в другое [13, с. 123].

Вообще следует отметить, что право вторично по отношению к иным явлениям, условиям (например, экономическим, социальным, политическим и пр.), и это не отрицается подавляющим большинством правоведов. Данные явления и условия служат причиной преобразова-

ний в нормативно-правовой базе (способствуют принятию нормативных правовых актов, их изменению, отмене).

В теории принято подразделять методы на общие (присущие всем наукам и дисциплинам) и специальные (присущие конкретным наукам). Среди первых выделяются: анализ, синтез, сравнение, аналогия и пр. Среди специальных применительно к рассматриваемой теме следует отразить те, что присущи юриспруденции, и, следовательно, направлены на изучение категории «юридическая сила». Это сравнительно-правовой метод, формально-юридический и пр.

Для того чтобы более полно подойти к исследованию данной категории, обратимся к следующим методам и методологическим подходам: исторический, логический, герменевтический, сравнительный, системный, синергетический, гуманистический, кибернетический, структурный, функциональный.

Исторический. Данный метод традиционно используется многими учеными-правоведами при написании научных статей, монографий, диссертаций и т. д. Использование данного метода помогает отследить пути развития государства, общества, права, определить круг проблем, с которыми они столкнулись. Так, с возникновением письменности (появлением законов в письменном виде) можно говорить и о появлении категории «юридическая сила». Письменность явилась способом наглядного и однозначного текста закона, позволяющего избежать его различные толкования.

Недостаток данного подхода заключается в меньшей практической значимости. В особенности это касается юридической силы.

Логический. Данный методологический подход включает в себя множество методов. Среди них: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, аналогия и пр. Также выделяется и логическая методика сравнения, разделение предметов, событий и характеристик на классы и группы, абстракция [14, с. 44]. При помощи логического методологического подхода можно определить объективную природу юридической силы.

Использование рассматриваемого подхода имеет значение как в теории, так и на практике. В частности, если возникла необходимость в толковании того или иного нормативного правового акта, правовой нормы, то соответствующий орган пользуется методами, свойственными логическому методологическому подходу. А учитывая, что в данной работе участвует не одно лицо, а несколько, то достигается объективность толкования, а субъективный фактор (который часто

имеет место быть при толковании, осуществляемым конкретным судьей в конкретном деле) должен быть сведен к минимуму. Неясность и неточность понимания (субъективный критерий) порождает различное применение норм права [15, с. 90].

В рамках логического методологического приема сосредоточены и специальные методы (в том числе свойственные юриспруденции), например, специально-юридический и сравнительно-правовой методы, которые занимают особое место при разработке концепций, теорий и т. д. [16, с. 11], то есть благодаря таким приемам можно исследовать категорию «юридическая сила» с теоретической точки зрения.

Герменевтический. Данный подход также применим при осуществлении работы по толкованию нормативных правовых актов, однако, используется он реже чем методы, составляющие логический методологический подход. Герменевтика как отдельная наука зародилась достаточно давно и имела своей целью выявление скрытого смысла вещей, явлений. Среди правоведов применение герменевтического метода вызывает сомнения, причиной которых служит проблема отражения объективности данным методом [17, с. 21]. Поэтому предлагается разработка четкой методики [18, с. 21].

Использование данного подхода при исследовании категории «юридическая сила» подходит, быть может, и не совсем. Однако в данном случае следует сделать акцент на нормативных правовых актах. Еще на стадии подготовки нормативные правовые акты проходят проверку на наличие в их содержании норм коррупционного содержания. Коррупциогенный элемент имеет скрытый характер, поэтому используется герменевтический подход при его выявлении. Соответственно, если норма, нормативный правовой акт в целом будет иметь данный негативный элемент, то юридическая сила не может быть им приобретена до момента устранения данного элемента.

Среди сторонников методологических основ герменевтики и их применения в лоне права можно назвать М.В. Немова. По мнению ученого, герменевтика позволяет:

- осмыслить норму в целом при помощи ее сравнения с определенной ситуацией;
- эксплицировать смысл определенной нормы при помощи ее сопоставления с актом;
- понять правовое явление, сложившееся исторически [19, с. 408].

Так, неправильное понимание смысла Конституции РФ как нормативно-правового акта, обладающего высшей юридической силой на

территории РФ, и, как следствие, некорректное применение конституционных норм не раз становилось причиной рассмотрения Конституционным судом РФ, юридическая сила актов которого также представляет собой предмет научных дискуссий. Отмечается возможность признания решения Конституционного суда РФ источником права с точки зрения формального и содержательного критерия источников права [20, с. 113].

Сравнительный. Сравнительный метод является одним из основополагающих в правоведении (выделена даже отдельная наука – сравнительное правоведение).

Использование сравнительного метода позволяет выстроить нормативные правовые акты по степени их юридической силы в иерархическую лестницу. А.А. Малиновский полагает, что в рамках исследования нормативных правовых актов (полагаем, что и в отношении судебных решений, про которые также уместно говорить о наличии у них свойства юридической силы) уместнее говорить о микросравнении. В рамках данного сравнения следует брать во внимание время принятия нормативного правового акта (в случае противоречия – большей юридической силой обладает акт, принятый позднее), принадлежность его к правовой системе [21, с. 15]. (В данном случае следует также говорить об источнике права. Так, судебный прецедент относится к англо-саксонской правовой системе, а в романо-германской он не будет обладать юридической силой).

Системный. Среди понятий «система» и «структура» являются схожими. Однако под системой следует понимать единство однородных явлений, категорий с акцентом на иерархичность и горизонтальные взаимоотношения [22, с. 145]. Структура – это конкретное содержание определенного явления, категории, предмета.

Нормативные правовые акты выстраиваются в определенную систему: от высшего к низшему. Хотя по поводу построения данной системы наблюдается немало дискуссий, причиной которых служит, в том числе, отсутствие так называемого «закона о законах». На этом акцентирует внимание и А.Н. Шмелев. Во-первых, ученый пишет, что существуют формы права, которые имеют неопределенное значение (например, решения вышестоящих судов), то есть существует вопрос относительно их права существовать в системе официальных источников права. Во-вторых, существует немалое количество актов непоименованных, что затрудняет определение их места в системе и порождает негативные последствия на практике [23, с. 10].

Таким образом, только наличие четко определенной системы позволяет говорить о минимизации возможных противоречий, возникающих в ходе правоприменительной деятельности. В настоящее время, на наш взгляд, действует «недосистема», когда те или иные формы выражения права относят то к одной ступени, то другой, а иной раз вообще не относят к иерархии источников права (в особенности нормативно-правовых). Системный метод позволяет ответить на вопрос о том, имеет ли тот или иной акт право на включение в единую систему.

Синергетический. Данный метод с недавнего времени стал набирать популярность и является, по нашему мнению, перспективным. С.А. Калинин предлагает рассматривать данный метод как определенную форму закономерного синтеза знаний различных сфер, объединенных единым принципом формирования целого, создающим предпосылки для получения новых результатов знаний [24, с. 23]. Действительно, существуют какие-либо общие закономерности, законы развития того или иного явления, но появляются и некоторые новые особенности, которые в совокупности формируют несколько отличное от ранее действовавшего знание.

А.В. Петров и А.В. Зырянов указывают на перспективу использования данного подхода в правоведении, учитывая, что законодательная база растет, общественные отношения усложняются [25, с. 103]. Ю.Ю. Ветютнев предлагает рассматривать синергетический подход как метод исследования в его промежуточном положении между парадигмой и научным методом. Данный подход предоставляет общие закономерности развития, определяет круг существующих проблем и предлагает научную терминологию [26, с. 300].

Полагаем оправданным использование синергетического подхода в исследовании правовых явлений, в том числе применительно к нормативным правовым актам, их юридической силе в том случае, если он будет открытым, будет делать акцент на нелинейности развития и на использовании приема малых действий.

Гуманистический. Гуманистические ориентиры в юриспруденции сейчас занимают одно из главных мест. Данные ориентиры основываются на уважении прав, свобод, личного достоинства человека. Нашли они свое отражение и в нормативной базе, в особенности, в высших актах (Конституция РФ). То есть запрещено издавать нормативные акты, заключать сделки, которые противоречат основам нравственности, посягают на личное достоинство человека. Соответствующее указание

об этом имеется в Гражданском кодексе РФ (статья 169)¹. Так, сделка, которая противна основам нравственности, признается ничтожной и не может порождать правовые последствия, то есть не может обладать юридической силой. Что касается законов, отдельных норм, то они, даже несмотря на свою «негуманную» природу, на практике порождают последствия до тех пор, пока не будут отменены.

Таким образом, использование гуманистического подхода позволяет разработать акт, сделку, которые бы соответствовали основам нравственности, не посягали бы на личное достоинство.

Кибернетический. Данный метод представляет собой разновидность синергетического метода. Его отличительной чертой выступает связь с новыми технологиями, о чем упоминается в диссертационном исследовании С.Ю. Суменкова [27, с. 58]. Новые технологии, информационное пространство затронуло нормативную базу, документооборот. В частности, популярен в настоящее время электронный документооборот.

Что касается нормативных правовых актов, то их обязательное условие приобретения юридической силы – публикация в официальных изданиях (предполагается, что публикация должна быть на бумажном носителе). В отношении иных актов, документов возможно приобретение ими юридической силы и не будучи путем закрепления их на бумажном носителе. В настоящее время посвящено немало исследований вопросу силы тех документов, которые существуют в электронном виде.

Таким образом, кибернетический подход в исследовании юридической силы имеет место быть при исследовании электронных документов, электронного документооборота.

Структурный (иерархический). Данный предполагает разделение целого на отдельные элементы и изучение взаимосвязи этих элементов. Достоинство данного метода заключается в наглядном характере отражения тех или иных явлений, категорий при помощи схем, графиков, таблиц.

Например, существует система нормативных правовых актов (единое, целое), в рамках которой выделяются законы и подзаконные акты (элементы целого). Последние соотносятся между собой по юридической силе.

Кроме того, возможно соотношение элементов, находящихся внутри конкретного акта (речь идет от соотношении разделов, глав, норм

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Часть первая (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

и т. п.). В частности, каждый закон строится по принципу от общего (основных положений, принципов и т. п.) к частному. В случае если частное (то есть норма, находящаяся в Особенной части закона) будет противоречить общему, то применяется последнее. Таким образом, общее будет иметь большую юридическую силу.

Наглядный пример – главы Конституции РФ. Первая и вторая главы являются основополагающими (не существует даже механизма внесения в данные главы изменений), остальные главы Конституции РФ не могут им противоречить.

Рядом авторов отмечается, что совершенствование структуры и повышение качества правовой техники позволит модернизировать структурные единицы нормативных актов и ввести новые элементы с целью поддержания структуры нормативно-правовых актов в соответствии с требованиями юридической техники [28, с. 8].

Функциональный. Функционализм предполагает, что каждое явление, наука, процесс несут в себе определенное значение, которое раскрывается при помощи осуществляемых функций.

Категория «юридическая сила» также несет в себе определенную нагрузку. Функции юридической силы в некотором роде схожи с функциями, которые несут нормативные правовые акты. Главная функция – это регулятивная. Однако юридическая сила «регулирует жизнь» самого нормативного правового акта, а нормативный правовой акт – жизнь общества.

Использование функционального метода также позволяет разграничить схожие явления, процессы, категории. Например, понятие «юридическая сила» и «юридическая значимость».

Кроме того, функциональный метод используется при исследовании унификации отдельных схожих функциональных связей между различными формами права. Например, как достичь унифицированного характера решений Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ (так как иногда наблюдаются разночтения). А некоторые правоведы считают, что юридическая сила интерпретационных толкований данных судов обладает одинаковой юридической силой.

Кроме названных и рассмотренных методов, так или иначе, проявлялись и другие методы.

ВЫВОД

Используя методологические подходы к категории «юридическая сила», было выяснено, что необходимо рассматривать не только природу юридической силы по отношению к официальным источникам права, но и природу неофициальных источников права, где ключевым, как представляется, является логический подход, позволяющий критически оценить природу юридической силы в конкретном государстве и предпринять дальнейшие шаги усовершенствования системы источников права путем использования буквы закона, а также правовой доктрины.

Наиболее предпочтительными наряду с логическим подходом в исследовании категории «юридическая сила» будут являться сравнительный, синергетический, структурный, системный, функциональный. Кибернетический метод возможно использовать по отношению к электронному документообороту. Использование исторического метода отразит лишь ретроспективу категории «юридическая сила», будет иметь значение лишь для теории. Герменевтический метод было оправдано использовать в том случае, если будет разработана четкая методика.

Список литературы

1. Селютина Е.Н., Холодов В.А. История и методология юридической науки: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2020. 224 с.
2. Ларина Е.А. Методологические подходы к изучению категории «юридическая сила» // Современный ученый. 2020. № 2. С. 327-333.
3. Кузьмицкая О.Ю. Юридическая сила нормативно-правовых актов // Научные труды. Российская академия юридических наук. М.: Юрайт, 2019. С. 60-65.
4. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. М., 2000. Т. 1. 528 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М.: Прогресс, 1961. Т. 20. 338 с.
6. Kalinowski G. Le probleme de la vertite en morale en droit. Lyon, 1967.
7. Малахов В.П. Философия права. М., 2002. 446 с.
8. Никитин А.А. Общие вопросы усмотрения в праве. Саратов: ИЦ «Наука», 2019. 167 с.
9. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. 416 с.
10. Ветютнев Ю.Ю. Закономерное и случайное в правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2005. 528 с.
11. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. 246 с.
12. Власенко Н.А. Избранное. М., 2015. 157 с.
13. Диалектический материализм: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин / под ред. В.С. Шевкина. М.: Партийное изд-во, 1933. 563 с.

14. *Сердитов А.В.* Методы теории государства и права // Право и государство: теория и практика. 2020. № 5 (85). С. 43-45.
15. *Добадайло Е.Ю., Горлачев Р.Ю.* К проблеме понятия и существенных признаков нормативного правового акта в Российской Федерации // Парламентаризм и развитие гражданского общества: региональные аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чита, 2018. С. 78-94.
16. *Егорова О.А.* Функция логических методов и средств в методологии юридического познания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 4. С. 7-14.
17. *Гасилин В.Н., Гасилина Ю.И.* Право и герменевтика как метод философии // Правовая культура. 2018. № 3 (34). С. 16-24.
18. *Кожневиков В.В.* О герменевтическом методе в юриспруденции // Вестник Омского университета. Серия: право. 2020. Т. 17. № 1. С. 15-26.
19. *Немов М.В.* Юридическая герменевтика // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2017. № 7. С. 406-409.
20. *Жорова М.С.* Постановление Конституционного суда как источник права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: право. 2019. № 2 (23). С. 109-113.
21. *Малиновский А.А.* Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 3 (19). С. 9-24.
22. *Мальцев А.Н.* Соотношение понятий «структура» и «система» органов власти, их судебное толкование и применение в местном самоуправлении // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2017 г.: сб. науч. ст. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2018. С. 142-147.
23. *Шмелев А.Н.* Оспоримость правового акта как фактор формирования непротиворечивой системы законодательства в Российской Федерации // Российский судья. 2015. № 10. С. 10-14.
24. *Калинин С.А.* Методология юриспруденции в контексте парадигм научной рациональности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 12-26.
25. *Петров А.В., Зырянов А.В.* Синергетический подход в современных юридических исследованиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 4. С. 102-105.
26. *Ветютнев Ю.Ю.* Синергетика и правоведение // Современные методы исследования в правоведении. Саратов, 2007. 560 с.
27. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 475 с.
28. *Лаврушкина А.А., Уздимаева Н.И.* Использование структурных единиц в нормативно-правовых актах высшей юридической силы с позиции юридического подхода понимания их структурности // Огарев-online. Юридические науки. 2017. № 3 (92).

Поступила в редакцию 10.02.2021 г.

Поступила после рецензирования 12.03.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторе

Ларина Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5892-1959>, e-mail: ya.lari2011@yandex.ru

Для цитирования

Ларина Е.А. Феномен «юридической силы»: методологические подходы // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 22-38. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-22-38

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-22-38

THE PHENOMENON OF “LEGAL FORCE”: METHODOLOGICAL APPROACHES

Elena A. Larina

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5892-1959>, e-mail: ya.lari2011@yandex.ru

Abstract. The study reveals some of the phenomenon of legal force features, which is an integral element of regulatory legal acts, as well as contracts, electronic documents that act as regulators of public relations. The purpose is to determine the methodological approaches with the help of which it is possible to study this phenomenon more fully, as well as to identify the shortcomings of the existing approaches. The dialectical-materialistic method, general scientific methods, special legal methods are used as methods. In the course of the research, we turn to such methodological approaches as historical, logical, hermeneutic, comparative, systemic, synergistic, humanistic, cybernetic, structural, functional. A brief description of them is given (the features are determined, the views of legal scholars on these methodological approaches and the applicability of such approaches in relation to the study of the phenomenon of legal force are reflected). We come to the conclusion about the insufficiency of the currently existing research methodological approaches in relation to the category of “legal force” and determine some prospects for the development of this topic. We prove that methodological approaches allow us to study not only the features of the category of “legal force” (classification, purpose, etc.), but also the specifics of acts, documents, the process of their adoption, application.

Keywords: legal force; methodology; methods; methodological approaches; regulatory legal acts; law sources; law

References

1. Selyutina E.N., Kholodov V.A. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [History and Methodology of Legal Science: Textbook and Workshop for Universities]. Moscow, Urait Publ., 2020, 224 p. (In Russian).
2. Larina E.A. Metodologicheskiye podkhody k izucheniyu kategorii «yuridicheskaya sila» [Methodological approaches to the study of the category “legal force”]. *Sovremennyy uchenyy – Modern Scientist*, 2020, no. 2, pp. 327-333. (In Russian).
3. Kuzmitskaya O.Y. Yuridicheskaya sila normativno-pravovykh aktov [Legal force of regulatory legal acts]. *Nauchnyye trudy. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk* [Scientific works. Russian Academy of Legal Sciences]. Moscow, Urait Publ., 2019, pp. 60-65. (In Russian).
4. Syrykh V.M. *Logicheskiye osnovaniya obshchey teorii prava: v 2 t.* [The Logical Foundations of the General Theory of Law: in 2 vols.]. Moscow, 2000, vol. 1, 528 p. (In Russian).
5. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Essays: in 50 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1961, vol. 20, 338 p. (In Russian).
6. Kalinowski G. *Le probleme de la vertite en morale en droit.* Lyon, 1967. (In French).
7. Malakhov V.P. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 2002, 446 p. (In Russian).
8. Nikitin A.A. *Obshchiye voprosy usmotreniya v prave* [General Issues of Discretion in Law]. Saratov, Publishing Center “Nauka”, 2019, 167 p. (In Russian).
9. Baytin M.I. *Sushchnost' prava (Sovremennoye normativnoye pravoponimaniye na grani dvukh vekov)* [The Essence of Law (Modern Normative Legal Thinking on the Verge of Two Centuries)]. Moscow, 2005, 416 p. (In Russian).
10. Vetyutnev Y.Y. Zakonomernoye i sluchaynoye v pravovoy zhizni [Natural and accidental in legal life]. *Pravovaya zhizn' v sovremennoy Rossii: teoretiko-metodologicheskyy aspekt* [Legal Life in Modern Russia: Theoretical and Methodological Aspect]. Saratov, 2005, 528 p. (In Russian).
11. Leyst O.E. *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [The Essence of Law. Problems of Theory and Philosophy of Law]. Moscow, 2008, 246 p. (In Russian).
12. Vlasenko N.A. *Izbrannoye* [Selected]. Moscow, 2015, 157 p. (In Russian).
13. Shevkina V.S. (ed.). *Dialekticheskiy materializm: Marks, Engel's, Lenin, Stalin* [Dialectical Materialism: Marx, Engels, Lenin, Stalin]. Moscow, Partiynoe izdatelstvo Publ., 1933, 563 p. (In Russian).
14. Serditov A.V. Metody teorii gosudarstva i prava [Methods of theory and law]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: The Theory and Practice*, 2020, no. 5 (85), pp. 43-45. (In Russian).
15. Dogadaylo E.Y., Gorlachev R.Y. K probleme ponyatiya i sushchestvennykh priznakov normativnogo pravovogo akta v Rossiyskoy Federatsii [On the problem of the concept and essential features of a regulatory legal act in the Russian Federation]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Parlamentarizm i razvitiye grazhdanskogo obshchestva: regional'nyye aspekty»* [Proceedings of the All-Russian Research and Practice Conference “Parliamentarism and Civil Society Development: Regional Aspects”]. Chita, 2018, pp. 78-94. (In Russian).
16. Egorova O.A. Funktsiya logicheskikh metodov i sredstv v metodologii yuridicheskogo poznaniya [Function of Logical Methods and Means in the Methodology of Legal Knowledge]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo –*

- Bulletin of the South Ural State University. Series: “Law”*, 2015, no. 4, pp. 7-14. (In Russian).
17. Gasilin V.N., Gasilina Y.I. Pravo i germeneytika kak metod filosofii [Law and hermeneutics as philosophical method]. *Pravovaya kul'tura – The Legal Culture*, 2018, no. 3 (34), pp. 16-24. (In Russian).
  18. Kozhevnikov V.V. O germeneyticheskom metode v yurisprudentsii [About the hermeneutic method in law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: pravo – Herald of Omsk University. Series Law*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 15-26. (In Russian).
  19. Nemov M.V. Yuridicheskaya germeneytika [Legal hermeneutics]. *Nauchno-obrazovatel'nyy potentsial molodezhi v reshenii aktual'nykh problem XXI veka – Youth Scientific and Educational Potential in Solving Actual Problems of the XXI century*, 2017, no. 7, pp. 406-409. (In Russian).
  20. Zhorova M.S. Postanovleniye Konstitutsionnogo suda kak istochnik prava [The decision of the constitutional court as a source of law]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: pravo – Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law*, 2019, no. 2 (23), pp. 109-113. (In Russian).
  21. Malinovskiy A.A. Metodologiya sravnitel'nogo pravovedeniya [Methodology of comparative law]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina – Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, 2016, no. 3 (19), pp. 9-24. (In Russian).
  22. Maltsev A.N. Sootnosheniye ponyatiy «struktura» i «sistema» organov vlasti, ikh sudobnoye tolkovaniye i primeneniye v mestnom samoupravlenii [Correlation of the concepts of “structure” and “system” of government bodies, their judicial interpretation and application in local self-government]. *Sbornik nauchnykh statey nauchno-prakticheskoy konferentsii «Prikladnyye issledovaniya v pole regional'nogo strategicheskogo diskursa sovremennoy Rossii. Osnovnyye itogi nauchnoy raboty v Nizhegorodskom institute upravleniya v 2017 g.» [Collection of Scientific Works of the Research and Practice Conference “Applied Research in the Field of Regional Strategic Discourse in Modern Russia. The Main Results of Scientific Work at the Nizhny Novgorod Institute of Management in 2017”]*. Nizhny Novgorod, 2018, pp. 142-147. (In Russian).
  23. Shmelev A.N. Osporimost' pravovogo akta kak faktor formirovaniya neprotivorechivoy sistemy zakonodatel'stva v Rossiyskoy Federatsii [Legal act voidability as a factor of formation of the consistent legislation system in the Russian Federation]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*, 2015, no. 10, pp. 10-14. (In Russian).
  24. Kalinin S.A. Metodologiya yurisprudentsii v kontekste paradig nauchnoy ratsional'nosti [Methodology of jurisprudence in the context of the paradigm of scientific rationality]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4 (48), pp. 12-26. (In Russian).
  25. Petrov A.V., Zyryanov A.V. Sinergeticheskiy podkhod v sovremennykh yuridicheskikh issledovaniyakh [Synergetic approach in the modern legal studies]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of the South Ural State University. Series: “Law”*, 2017, no. 4, pp. 102-105. (In Russian).
  26. Vetyutnev Y.Y. Sinergetika i pravovedeniye [Synergetics and jurisprudence]. *Sovremennyye metody issledovaniya v pravovedenii [Modern Research Methods in Jurisprudence]*. Saratov, 2007, 560 p. (In Russian).

27. Sumenkov S.Y. *Isklyucheniya v prave: obshcheteoreticheskiy analiz: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Exceptions to the Law: General Theoretical Analysis. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Saratov, 2016, 475 p. (In Russian).
28. Lavrushkina A.A., Uzdimayeva N.I. Ispol'zovaniye strukturnykh edinit v normativno-pravovykh aktakh vysshey yuridicheskoy sily s pozitsii yuridicheskogo podkhoda ponimaniya ikh strukturnosti [Structural units of legal acts of higher legal force: legal approach to understanding their structure]. *Ogarev-online. Yuridicheskiye nauki – Ogarev-online. Science of Law*, 2017, no. 3 (92). (In Russian).

Received 10 February 2021

Reviewed 12 March 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the author

Elena A. Larina – Candidate of Law, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5892-1959>, e-mail: ya.lari2011@yandex.ru

For citation

Larina E.A. Fenomen «yuridicheskoy sily»: metodologicheskiye podkhody [The phenomenon of “legal force”: methodological approaches]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 22-38. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-22-38 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Тишаков М.П., 2021

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-39-56

УДК 351.811: 656.13 (477)"1948/1953"

Шифр научной специальности 12.00.01

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В УССР В 1948–1953 ГГ.

М.П. Тишаков

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»

117149, Российская Федерация, г. Москва, Большой Каретный пер., 10А

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3311-2370>, e-mail: TMaxim7@yandex.ru

Аннотация. На основе ранее малодоступных для исследования, а также найденных архивных материалов и документов отражены правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения в 1948–1953 гг., состояние и принимаемые организационно-правовые меры в сфере противодействия аварийности на автотранспорте на республиканском уровне на примере Украинской Советской Социалистической Республики. Акцентируется внимание на ключевых проблемах, с которыми обуславливают развитие системы обеспечения безопасности дорожного движения, предпринимаемые меры, их результативность, допущенные ошибки и достижения. С историко-правовых позиций, критического и детального анализа постановлений и распоряжений правительства, ведомственных нормативных правовых актов исследуются меры по противодействию аварийности на автотранспорте. Установлено, что наличие значительного количества управленческих решений республиканских органов власти Советской Украины, хотя и было довольно прогрессивным шагом для своего времени, но не в полной мере учитывало реальность достижения поставленных целей, местные условия и особенности. При этом функционирование складывающейся системы обеспечения безопасности дорожного движения значительно сдерживалось отсутствием единой общегосударственной политики в условиях бурного роста и развития автомобильно-дорожного комплекса страны.

Ключевые слова: аварийность на автотранспорте; безопасность дорожного движения; Госавтоинспекция; дорожно-транспортный травматизм

Современная государственная политика в сфере обеспечения безопасности дорожного движения характеризуется взвешенным подходом, детальной проработанностью, высоким уровнем организационно-

го планирования и оперативностью реагирования на изменяющуюся обстановку, отличается фундаментальной правовой и организационной основой. Достижение данного результата и высокой степени стратегического мышления в современных условиях представляет собой итог длительного эволюционного пути становления всей системы обеспечения безопасности дорожного движения.

Вопросы, связанные с обеспечением безопасности дорожного движения в период активного восстановления народного хозяйства, бурного процесса автомобилизации, находят свое отражение с историко-правовых позиций в различных научных исследованиях и работах публицистического характера. Однако период конца 1940-х – начала 1950-х гг. на примере УССР не нашел своего должного отражения.

Выбор хронологических рамок исследования характеризуется тем фактом, что стремительный рост автомобильного транспорта, начавшийся почти сразу же после Великой Отечественной войны, к 1947–1948 гг. достиг довоенного уровня, а затем начинает быстро увеличиваться [1, с. 14]. И это характерно не только для общесоюзного показателя. Именно в 1948 г. удалось достичь довоенного уровня автомобилизации Украины, то есть количественного восстановления автопарка республики¹. В свою очередь, 1953 г. – начало коренных преобразований в государственно-правовой политике Советского Союза в ключевых сферах жизни общества и государства.

К 1950 г. производство всех автомобилей в СССР достигло уровня 362,9 тыс. штук (1940 г. – 145,4 тыс. ед.)² и продолжало в дальнейшем все более возрастать. Стабильному производству автомобилей способствовали увеличивающиеся возможности промышленности. Производство автомобилей в Советском Союзе с 1948 по 1953 г. возросло на 80 %, автобусов – более чем в два раза, легковых автомобилей – в 3,8 раза [2, с. 80]. В течение 1940-х гг. протяженность автогужевых дорог с твердым покрытием увеличилась с 143,4 до 177,3 тыс. км³. Таким образом, наблюдалось явное несоответствие прироста автомобильных дорог к росту автопарка. За первые два года (1951–1952 гг.) пятой пятилетки значительно возросла сеть республиканских и местных дорог; 30 % построенных дорог имели твердые покрытия [3, с. 280]. Однако

---

¹ ЦГАОО Украины (Центральный государственный архив общественных объединений Украины). Ф. 1. Оп. 23. Д. 5152. Л. 89.

² Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956. С. 77.

³ Там же. С. 183.

интенсивность транспортных потоков и концентрация автомобилей все более увеличивалась, особенно в промышленных центрах.

Вместе с тем серьезного внимания требовало решение проблемы подготовки автотранспортных кадров. В 1948 г. автопарк народного хозяйства УССР увеличился против 1947 г. на 16,5 %, а количество подготовленных шоферов – только на 14 %, а во II полугодии 1949 г., при росте автопарка на 12 %, произошло увеличение количества шоферов лишь на 8,5 %. Одной из причин было уменьшение на 20 % в 1949 г., в сравнении с предыдущим годом, количества шоферских кадров, подготовленных учебной сетью треста «Укравтотранскадры», что составляло 28 % от общего количества шоферов, подготовленных по Украинской ССР. И это несмотря на выполнение трестом плана подготовки автотранспортных кадров в 1949 г. на 119,7 % и в I квартале 1950 г. – на 122,5 %⁴. То есть наблюдались просчеты в прогнозировании и учете фактического состояния дел, что, конечно же, сказалось на безопасности дорожного движения.

В рамках реагирования на данные факты применялись соответствующие меры. Дополнительно предусматривалось обязать исполкомы областных, городских и районных советов обеспечить контроль за деятельностью облатвоучкомбинатов, автошкол и курсов треста «Укравтотранскадры», периодически заслушивать на заседаниях исполкомов отчеты об их работе и оказывать им практическую помощь в обеспечении надлежащими помещениями, в укомплектовании квалифицированным преподавательско-инструкторским составом и в планировании организованного набора контингента для обучения, исходя из потребности в шоферах⁵.

Большой рост автопарка при низком уровне обеспечения его квалифицированными автотранспортными работниками, ненадежность автомобилей оказывали негативное влияние на техническое состояние транспорта, что влекло экономические издержки и увеличение дорожно-транспортного травматизма. О более тщательной проверке технического состояния автотранспорта со стороны органов ГАИ отмечалось в постановлении Правительства Украины под № 1094 от 17 июня 1948 г.⁶ Данным актом акцентировалось внимание на обязанностях республиканской Государственной автомобильной инспекции более строго производить осмотры транспорта на дорогах и при обнаружении езды на

---

⁴ ДГА (Донецкий государственный архив). Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 533. Л. 130-131.

⁵ Там же. Л. 135.

⁶ ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 340. Л. 78-86.

приспущенной резине, несмазанной автомашине и с неисправным спидометром, а также при отсутствии у шофера шприца для смазки, насоса и домкрата, составлять акт для наложения штрафа на водителей и на руководителя автохозяйства, как за эксплуатацию технически неисправных автомобилей. При повторных задержаниях таких автомашин дела на руководителей автохозяйств, механиков и шоферов передавать следственным органам для привлечения к уголовной ответственности.

На основе проведенного в 1948 г. органами Госавтоинспекции МВД УССР технического осмотра автотранспорта республики установлено наличие серьезных недостатков в деле использования и технического обслуживания автомобильного транспорта. Это было обусловлено и тем фактом, что автопарк республики к 1949 г. количественно вырос до 42068 автохозяйств, 17224 из которых имели в своем ведении не более чем по 4 автомашины и были не в состоянии организовать их должное техническое обслуживание.

Большая распыленность автомобильного транспорта затрудняла рациональное его использование и организацию правильного технического обслуживания. В целом, профилактическим и текущим ремонтом обеспечивалось не более трети автомашин, до 40 % автопарка УССР находилось в неисправном состоянии. А в большинстве автохозяйств на административных и технических должностях работали лица, не имевшие специальной подготовки⁷. Данная ситуация была одним из факторов, которые отрицательно влияли на техническое состояние автопарка, его рациональное использование, поэтому принятие мер по противодействию аварийности и повышению трудовой дисциплины на транспорте стало крайне необходимым решением.

В свою очередь, тщательная проверка мелких автохозяйств показала неудовлетворительное состояние контроля за работой автомашин и водителей, что приводило к большому количеству нарушений правил движения, эксплуатации и использования водителями автомашин с целью получения личной выгоды, где вопросы безопасности движения уходили на второй план. Поэтому на основе предоставленной информации необходимо было в кратчайшие сроки повысить эффективность использования автомобилей в народном хозяйстве и содержания их в технически исправном состоянии. Совет Министров УССР 5 февраля 1949 г. за № 202 утвердил постановление «О мерах по улучшению технического состояния и использования автомобильного транспорта

---

⁷ ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 440. Л. 118-119.

УССР»⁸, которое красноречиво свидетельствовало о состоянии эксплуатации автотранспорта.

В этом документе довольно детально отражался перечень первоочередных мероприятий: коренное улучшение технического состояния автопарка и обеспечение его гаражным хранением; объединение автохозяйств с малым количеством автотранспорта; регулярное профилактическое обследование автомашин и обеспечение необходимым оборудованием; организация посещения курсов повышения квалификации водительского состава и усиление воспитательной работы с автороботниками; замещение административно-технических должностей в автохозяйствах квалифицированными, технически подготовленными специалистами и т. п.

О ходе выполнения постановления № 202 Министерством внутренних дел УССР докладной запиской (№ 1-8/773 от 14 мая 1949 г.)⁹ было извещено республиканское правительство и транспортный отдел ЦК КП (б)У (№1-8/420с от 22 июля 1949 г.)¹⁰. Советским и партийным органам власти сообщалось, что в ходе осмотра Госавтоинспекцией 9157 автохозяйств в первом полугодии 1949 г. было выявлено 4103 различного рода нарушения. Среди положительных моментов необходимо отметить повышение количества технически исправных автомобилей с 61,6 (по состоянию на 1 января 1949 г.) до 64,6 % (1 июля 1949 г.). В последующем контроль выполнения в автохозяйствах норм постановления правительства осуществлялся также в ходе проведения полугодового и годового технических осмотров транспортных средств.

Помимо технического состояния автотранспорта, в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в середине прошлого века особо акцентировалась необходимость пристального внимания местам пересечения железных и автомобильных дорог, что нашло свое непосредственное закрепление в постановлении Совета Министров УССР от 2 сентября 1950 г. № 2708 «О мерах по обеспечению безопасности движения автогужтранспорта через железнодорожные переезды»¹¹. В данном решении освещались наиболее тяжкие случаи столкновения автомобильного и железнодорожного транспорта, а также причины происшествий. Наряду с невнимательностью водителей на дорогах,

---

⁸ ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 440. Л. 118-122.

⁹ ОГА МВД Украины (Отраслевой государственный архив МВД Украины). Ф. 26. Оп. 1. Д. 13. Л. 52-57.

¹⁰ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 6194. Л. 125-131.

¹¹ ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 537. Л. 271-273.

пренебрежением ими элементарных правил движения отмечалось и отсутствие технических условий безопасного пересечения транспортом железнодорожных путей движения, в частности неисправные подходы и шлагбаумы, отсутствие дорожно-сигнальных знаков и освещения, а также нетиповые настилы и шлагбаумы на охраняемых переездах.

Поэтому в целях обеспечения безопасности движения автогужтранспорта через железнодорожные переезды на исполкомы областных Советов, начальников округов железных дорог, Управление милиции Министерства государственной безопасности УССР возлагались первоочередные обязанности в данной сфере.

Архивные документы и материалы свидетельствуют, что Правительство Украины всячески способствовало созданию условий для безопасного дорожного движения. В частности, 22 февраля 1950 г., по представлению органов ГАИ¹², Совет Министров УССР издал постановление за № 2257 «О мерах по ликвидации аварийности на автотранспорте при перевозке граждан»¹³. Предпосылкой такого решения послужила опасная практика перевозки людей с грубым нарушением существующих предписаний на грузовых автомашинах, безответственное отношение многих руководителей учреждений, предприятий и автохозяйств к вопросам соблюдения правил технической эксплуатации автотранспорта и непринятие с их стороны соответствующих мер. Целью постановления было предотвращение аварий на автомобильном транспорте и повышение ответственности водителей автомашин и руководителей автохозяйств, а также обеспечение безопасности при перевозке людей на грузовых автомашинах.

В рамках Постановления Правительства № 2257 министры и руководители ведомств были обязаны пристально контролировать, а руководители учреждений, предприятий и автохозяйств – полностью соблюдать правила перевозки граждан на грузовых автомашинах, в частности, строго следить за тем, чтобы перевозка людей на грузовых автомашинах допускалась только при полной их исправности. Устанавливалось, что при перевозке пассажиров на грузовых автомашинах управлять ими должны только шоферы I или II класса, а при отсутствии таковых в данном хозяйстве – III класса со стажем не менее двух лет из наиболее подготовленных и опытных водителей.

---

¹² ОГА МВД Украины. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20. Л. 99.

¹³ Хронологічне зібрання законів, указів Президії Верховної Ради, постанов і розпоряджень уряду Української РСР: в 7 т. К.: Держполітвидав УРСР, 1963. Т. 2: 1942–1951 рр. С. 659-660.

Дальнейшая работа министерств и ведомств над выполнением этих положений в пределах своих полномочий осуществлялась путем выдачи соответствующих ведомственных актов. Примером может служить приказ министра автомобильного транспорта Украины № 278 от 7 августа 1950 г. «О мерах по ликвидации аварийности на автотранспорте при перевозке людей»¹⁴.

В целом, действие нормативно-правового акта (постановления № 2257) распространялось на территорию всей Украины, при этом непосредственный контроль по его выполнению возлагался на местных госавтоинспекторов. Однако из-за отсутствия инспекторского состава ГАИ в некоторых административно-территориальных единицах надзор за соблюдением правил перевозки пассажиров на грузовых автомашинах был поручен работникам милиции районов.

Закрепление за органами милиции таких функций побудило руководителей автопредприятий к более тщательному контролю за положением дел при перевозке пассажиров, хотя изменения к лучшему произошли не сразу. Так, первые проверки деятельности автопредприятий Ворошиловградской области выявили ряд нарушений. Прежде всего, это касалось невыполнения руководством облавтотреста мер по укреплению дисциплины среди личного состава и ее поддержания в надлежащем состоянии. В то же время нарушения на местах случались еще и потому, что приказ министра автомобильного транспорта УССР «О мерах по ликвидации аварийности на автотранспорте при перевозке людей» поступил на автопредприятия в форме простого сопроводительного письма, без анализа состояния аварийности и конкретных предложений по его выполнению¹⁵.

Однако необходимо отметить, что принимаемые организационно-правовые меры, активная правотворческая и управленческая деятельность были крайне необходимыми, особенно в свете дальнейшего расширения пассажирских перевозок. В частности, на Украине объем автобусных перевозок возрос в 1952 г. по сравнению с 1950 г. в 2,4 раза, они были организованы в 80 городах республики и осуществлялись по 320 маршрутам, из которых 170 городских и пригородных, 150 – междугородных¹⁶. За 1951–1952 гг. общая протяженность междугородных маршрутов увеличилась в два раза, а количество автобусов – на 180 %

---

¹⁴ ЛГА (Луганский государственный архив). Ф. П-179. Оп. 5. Д. 127. Л. 89.

¹⁵ Там же. Л. 89.

¹⁶ Улучшить работу пассажирского автотранспорта // Автомобиль. 1953. № 3. С. 3.

[4]. Региональный автопарк активно пополнялся новыми автобусами (ЗИС – 155) [5].

Весомая значимость придавалась участию водительского состава в обеспечении безопасности дорожного движения, в частности – это совещания шоферов по обмену опытом работы на автотранспорте, в том числе и противодействия аварийности, которые часто практиковались в автохозяйствах Министерства автотранспорта УССР. Например, в июле–августе 1952 г. такие совещания были проведены в 18 областях Украинской ССР¹⁷.

Восстановление численности автомобильного транспорта на довоенном уровне в Советской Украине, конечно же, стало отправной точкой для дальнейшего повышения эффективности мер по обеспечению безопасности дорожного движения на территории республики до выработки централизованной общегосударственной политики в данной сфере.

Отметим и еще такой шаг правительства, как упорядочение учета водителей местного транспорта, что нашло свое отражение в Постановлении Совета Министров УССР № 273 от 8 февраля 1951 г. «О проведении обмена удостоверений водителям на право управления автомобилями, мотоциклами, трамваями и троллейбусами на территории Украинской ССР»¹⁸. В рамках данной инициативы было предусмотрено провести в 1951–1952 гг. на территории республики Министерством государственной безопасности УССР обмен удостоверений водителям на право управления автомобилями, мотоциклами, трамваями и троллейбусами.

Состояние аварийности на автотранспорте постоянно находилось в поле зрения республиканских органов власти. В частности, в 1952 г. в ряде областей УССР (Ворошиловградской, Дрогобычской, Одесской, Сталинской и др.) возросло число автомобильных происшествий, что привело к большому количеству смертельных случаев, травматизму граждан и повреждению автотранспортных средств. Такая ситуация в сфере обеспечения дорожного движения обусловила Совет Министров УССР 8 апреля 1953 г. принять постановление № 766 «О мерах по борьбе с аварийностью на автомобильном транспорте»¹⁹. Данное решение было принято с целью повышения дисциплины на автомобиль-

---

¹⁷ Шире распространять опыт новаторов // Автомобиль. 1953. № 1. С. 3.

¹⁸ ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 607. Л. 2-3.

¹⁹ ЦГАВОВУ Украины (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины). Ф. 2. Оп. 8. Д. 8376. Л. 82-83.

ном транспорте и недопущения автомобильных катастроф и происшествий.

В правительственном постановлении не просто констатировался факт дорожных происшествий и меры противодействия, но и указывались причины аварийности: грубое нарушение водителями правил уличного движения и управление автомобилями в нетрезвом состоянии; перевозка людей на грузовых автомобилях с нарушением установленных правил; эксплуатация технически неисправных автомобилей; неудовлетворительное состояние трудовой дисциплины среди водителей; низкая квалификация значительной части шоферских кадров; отсутствие должного контроля со стороны руководства автохозяйств за соблюдением правил технической эксплуатации автотранспорта и поведением водителей на линии; недостаточный надзор со стороны органов милиции и военных комендатур за движением и эксплуатацией автотранспорта. Кроме того, закономерно отмечалось, что из общей совокупности катастроф и происшествий наибольшее количество их произошло в 1952 г. на автотранспорте хозяйств Министерства угольной промышленности, Министерства сельского хозяйства УССР и военных округов. Примечательно, что затрагивалась и такая проблема, как сроки расследования и рассмотрения дел по автотранспортным происшествиям, которые органами прокуратуры и суда затягивались, а вынесенные приговоры не доводились до сведения водителей всех автохозяйств.

В постановлении Правительства указывалось, что исполкомы ряда областных Советов, в том числе и Донбасса, мало вникают в деятельность автохозяйств и не оказывают им необходимой помощи по усилению трудовой дисциплины среди работников автотранспорта. Однако найденные нами архивные материалы и документы, их детальный анализ не подтверждают данный тезис, а напротив, свидетельствуют о довольно высоком значении решений местных органов власти на территории Донбасса (Ворошиловградская и Сталинская области) в противодействии аварийности на транспорте. При этом ежегодные темпы роста автотранспорта в начале 50-х гг. прошлого века на территории региона были значительными. В частности, согласно ведомостям об автомобильном хозяйстве на территории Сталинской области количество автомобилей в 1950 г. составляло – 31223 ед., в 1951 г. – 33951 ед., а в 1952 и 1953 гг. – 36176 и 39797 ед. соответственно²⁰.

---

²⁰ ДГА. Ф. Р-4249. Оп. 1. Доп. Д. 336. Л. 14.

Среди целого комплекса мер, предусмотренных постановлением правительства республики № 766, следует отметить возложение на министерства и ведомства УССР обязанностей по принятию решительных мер: укрепление трудовой дисциплины среди работников автотранспорта; улучшение технического состояния и эксплуатации автомобильного парка и повышение квалификации водителей; привлечение к строгой ответственности лиц, допускающих нарушения правил эксплуатации автотранспорта, с доведением сведений о допущенных нарушениях до коллективов всех автохозяйств; укрепление автохозяйств опытными руководящими работниками, а также заслушивание, не менее одного раза в квартал, на заседаниях коллегий вопросов о техническом состоянии автопарка и о состоянии трудовой дисциплины среди водителей в подчиненных автохозяйствах.

Непосредственно Управлению милиции Министерства внутренних дел УССР вменялось: усилить надзор за соблюдением правил движения автотранспорта на автомобильных дорогах, в крупных городах Украины и на подъездах к ним; привлекать к ответственности руководителей автохозяйств предприятий и учреждений, а также лиц, которые допускают эксплуатацию технически неисправных автомобилей и поощряют водителей – нарушителей правил движения; усилить среди населения массово-разъяснительную работу по безопасности движения автотранспорта в городах, выделив для этого опытных работников милиции, а также более активно привлекать к данному процессу общественность.

Со стороны органов прокуратуры УССР требовалось обеспечить немедленное расследование дел об авариях на автомобильном транспорте и привлечение к ответственности виновных лиц. В решении правительства указывалось командующим военными округами (Киевский, Прикарпатский и Одесский) на наличие фактов грубого нарушения правил вождения и эксплуатации автомашин водителями воинских частей и принятия необходимых мер по усилению дисциплины среди военнослужащих.

Дополнительно предусматривалось до 1 октября 1953 г. обеспечить дороги союзного и республиканского значения необходимыми путевыми знаками. Выполняя данные указания, начальник управления дороги Харьков–Ростов в письме № 1700 от 31 августа 1953 г. отвечал, что на данной магистрали все дорожные знаки установлены в достаточном количестве, содержатся в надлежащем состоянии, а по состоя-

нию на 25 августа полностью закончен ремонт проезжей части²¹. Это было очень важным мероприятием, ведь дорога не только связывала крупные населенные пункты УССР и РСФСР, но и была одной из ключевых автомагистралей, проходящих через территорию Донбасса, от функционирования которой зависело динамическое развитие промышленных районов, а дорожные знаки и качественное дорожное полотно способствовали безопасности движения.

Необходимо отметить, что постановлением Совета Министров УССР «О мерах по борьбе с аварийностью на автомобильном транспорте» предусматривались мероприятия массового, превентивного характера, в частности, Республиканскому совету профсоюзов вменялось усилить массово-разъяснительную работу среди сотрудников автотранспорта, направленную на укрепление трудовой дисциплины.

Придавая важное значение проведению мероприятий по борьбе с аварийностью на автомобильном транспорте, Совмин УССР также обязал председателей областных исполкомов взять под особый контроль выполнение постановления № 766 и ежеквартально заслушивать на заседаниях исполкомов доклады начальников областных управлений милиции и руководителей автохозяйств о состоянии борьбы с аварийностью, что, конечно же, позволило в большей степени осуществлять контроль за состоянием обеспечения безопасности дорожного движения на местах.

Вполне закономерно, что кроме высшего исполнительно-распорядительного органа государственного управления Украинской ССР также и каждое министерство и ведомство, в той или иной степени причастное к решению проблемы обеспечения безопасности дорожного движения, в пределах своей компетенции осуществляло меры, направленные на предупреждение дорожно-транспортных происшествий [6, с. 17].

В частности, в приказе по Главному дорожному управлению при Совете Министров УССР от 27 апреля 1953 г. № 143 «О мероприятиях по борьбе с аварийностью на автомобильном транспорте»²² отмечалось, что в ряде дорожных хозяйств имели место аварии с автомашинами. Поэтому с целью своевременного и должного реагирования на происшествия начальникам облдоротделов и управляющим республиканских трестов, а также руководителям подведомственных организаций было указано: принять решительные меры к укреплению трудовой

---

²¹ ЦГАВОВУ Украины. Ф. 2. Оп. 8. Д. 8376. Л. 113.

²² Там же. Л. 84-85.

дисциплины среди работников автотранспорта в дорожных хозяйствах и улучшению технического состояния и эксплуатации автопарка; привлекать к строгой ответственности лиц, которые допускают нарушение правил эксплуатации автотранспорта, о чем доводить до сведения коллектива всего дорожного хозяйства; принять меры к укреплению автохозяйств опытными руководящими работниками, а также организовать повышение квалификации водителей автомашин. Акцентировалось внимание и на заслушивании на заседании коллегии Главдорууправления ежеквартально вопросов о техническом состоянии автопарка и трудовой дисциплины среди водителей подведомственных дорожных хозяйств. Начальникам областных дорожных отделов и начальникам дорожно-эксплуатационных участков необходимо было до 1 сентября 1953 г. закончить установку всех необходимых дорожных знаков на дорогах республиканского значения.

Кроме того, начальникам облдоротделов, управляющим республиканскими трестами, директорам подведомственных организаций доводились, очерченные в постановлении Совета Министров УССР № 766, обязанности, возлагаемые на правоохранительные органы, которые непосредственно касались деятельности Главного дорожного управления.

В заключение отмечалось о доведении в кратчайшие сроки данного приказа до сведения всех водителей автомашин, работающих в системе Главдорууправления, на специально созванных производственных совещаниях.

Среди подзаконных актов того времени, принятых во исполнение постановления Правительства «О мерах по борьбе с аварийностью на автомобильном транспорте», следует отметить приказ Министерства автомобильного транспорта УССР от 7 мая 1953 г. № 136²³, в котором также акцентировалось внимание на основных причинах аварийности. Отмечалось, что особенно большое количество автодорожных происшествий и аварий было в 1952 г. в Львовском – 39, Херсонском – 38, Ворошиловградском – 26, Харьковском – 25 автотрестах.

Поэтому с целью предотвращения и ликвидации автодорожных происшествий и аварий, а также повышения трудовой дисциплины на автотранспорте все управляющие автотрестами обязаны были в установленные сроки обсудить на производственных совещаниях с руководителями автохозяйств вопросы, связанные с аварийностью, и принять решительные меры в данном направлении; держать постоянную связь с органами Госавтоинспекции и дорожными отделами в части

---

²³ ЦГАВОВУ Украины. Ф. 2. Оп. 8. Д. 8376. Л. 91-92.

выявления случаев нарушения правил вождения автомобилей, происшедших аварий и автодорожных происшествий, а также принимать немедленно меры по изжитию их в автопредприятиях.

Примечательно, что обо всех случаях аварий и автодорожных происшествий необходимо было немедленно и подробно информировать Министерство посредством закрытой связи. Дополнительно, отдельным пунктом, предупреждались все управляющие автотрестами и руководители автохозяйств о персональной ответственности за допущение аварийности и состояние трудовой дисциплины в подведомственных автопредприятиях, а за непринятие должных мер по борьбе с аварийностью на автотранспорте привлекались к строгой ответственности. Таким образом, данные указания еще раз свидетельствуют о весьма жесткой позиции руководящих органов в сфере противодействия аварийности на автотранспорте.

Уже 5 июня 1953 г., на основании анализа аварийности, проведенного отделом милицейской службы УМ МВД УССР, по Министерству дорожного и транспортного хозяйства УССР был издан приказ № 11, в котором даны конкретные указания о мерах предупреждения аварийности²⁴. В частности, правоохранными органами было установлено, что с наступлением весенне-летнего периода происходит резкое увеличение числа аварий, в основном, с грузовыми автомобилями, которые используются автохозяйствами для перевозки рабочих и служащих на работу, экскурсии и массовки, на огороды, школьников в пионерские лагеря и пр.

В приказе Министерства дорожного и транспортного хозяйства отмечалось, что основными причинами, приводящими к дорожным происшествиям с тяжелыми последствиями, являются: грубое несоблюдение отдельными водителями транспортной и трудовой дисциплины; управление автомобилем в нетрезвом состоянии; превышение установленных скоростей движения; нарушение правил обгона и пр. Также отмечены случаи, когда лица, ответственные за массовки и экскурсии при перевозке людей, сами оказывались в нетрезвом состоянии и своим поведением способствовали нарушениям, которые допускались водителями.

Поэтому, в целях предупреждения таких аварий, для всех руководителей предприятий и учреждений Министерства, в ведении которых находился автотранспорт, предусматривалось строго соблюдать требования при перевозке людей на грузовых автомобилях:

---

²⁴ ЦГАВОВУ Украины. Ф. 2. Оп. 8. Д. 8376. Л. 102-103.

– назначать лиц, ответственных за перевозку граждан, из числа руководящего состава, а должность и фамилию этого лица указывать в путевом листе;

– к управлению такими автомобилями допускать, как правило, водителей I и II класса, в случае их отсутствия в штатах – допускать водителей III класса, и только тех, кто зарекомендовал себя образцовой работой и дисциплиной (данное решение было абсолютно необходимым, к 1953 г. только в Сталинской области было более 40 тыс. шоферов, среди которых только незначительная часть с первым классом)²⁵;

– запретить назначать в данные поездки водителей, закончивших свой рабочий день;

– автомобили, выделенные для перевозки людей, должны пройти внеочередное профилактическое обслуживание и быть технически исправными, оборудованными строго в соответствии с правилами движения, на путевом листе иметь отметку «годен для перевозки пассажиров» за подписью лица, ответственного за техническое состояние автопарка;

– не допускать перевозку пассажиров при наличии на автомобиле груза;

– перед каждой поездкой инструктировать лиц, ответственных за перевозку людей, о строжайшем соблюдении правил безопасности движения, предупреждая их о личной ответственности за нарушение этих правил;

– держать постоянную связь с органами Госавтоинспекции в части выявления и пресечения всех случаев нарушения правил движения автомобилей, а также аварий и дорожных происшествий;

– о случаях аварий и автодорожных происшествий немедленно и подробно информировать Министерство спецдонесением.

Министерством устанавливалось в пятидневный срок обсудить данный приказ в коллективах подведомственных автодорожных хозяйств, доведя его до сведения каждого водителя. В заключительной части приказа все руководители предприятий и учреждений Министерства, в ведении которых находился автотранспорт, предупреждались, что они несут особую ответственность за допущение аварийности в подведомственных им автохозяйствах.

В последующем, на основании изучения причин аварий, происшедших в летние месяцы, 4 июля и 5 августа 1953 г. по Министерству

---

²⁵ ДГА. Ф. П-903. Оп. 2. Д. 4. Л. 23.

дорожного и транспортного хозяйства УССР были изданы приказы № 54 и 113, в которых, кроме указаний о мерах противодействия аварий, были наложены и административные взыскания на руководителей, не обеспечивших работу по изжитию аварийности (управляющий и заместитель управляющего по эксплуатации Ворошиловградским облавтотрестом, начальник Ворошиловградского АТК, начальник и технорук Тернопольского АТК)²⁶.

Проведенный комплекс мер, конечно же, дал свой позитивный итог. В результате проведенной разъяснительной работы, организации повышения квалификации водителей и ремонтных рабочих, а также принятия административных мер по отношению к нарушителям правил движения аварии и происшествия во II квартале 1953 г. в автохозяйствах Министерства резко снизились по сравнению с I кварталом с 184 до 112 соответственно (–39,1 %), в том числе по вине водителей со 136 до 96 (–29,4 %)²⁷, что позволило стабилизировать обстановку. Аналогичные меры принимались и в других министерствах и ведомствах, на региональном уровне со стороны правоохранительных органов и исполнительных комитетов.

При этом необходимо отметить активные попытки органов власти по стабилизации ситуации, инициативность и логичность принимаемых решений, что способствовало обеспечению безопасности дорожного движения, закладывало основы для последующего использования накопленного опыта в будущем.

Тем не менее, стоит отметить, что принимаемые меры, с позиций современности, все же характеризуются фрагментарностью и в большей степени отражают попытки стабилизировать ситуацию по отдельным направлениям деятельности, а не комплексно. Это обусловлено отсутствием опыта решения проблемы обеспечения безопасности дорожного движения в общегосударственном масштабе и особенностями функционирования командно-административной системы управления.

Рассматриваемый исторический опыт свидетельствует о необходимости детальной проработки и взвешенности государственной политики на современном этапе, постоянном анализе ситуации и принятии своевременных и эффективных мер реагирования. Целесообразно критически относиться не только к опыту прошлого, а и настоящего, осуществлять детальный анализ, объективно аргументировать несостоятельность, ошибочность применяемых подходов, но и не забывать о

---

²⁶ ЦГАВОВУ Украины. Ф. 2. Оп. 8. Д. 8376. Л. 116.

²⁷ Там же. Л. 116-117.

положительных моментах. Представленные организационно-правовые аспекты деятельности институтов власти в 1948–1953 гг. на территории УССР еще раз засвидетельствовали о необходимости учета различных обстоятельств, поиска наиболее оптимальных путей противодействия аварийности, активного взаимодействия центральных и региональных органов власти, учета местных особенностей. Данные обстоятельства и в современной государственной политике в сфере обеспечения безопасности дорожного движения имеют немаловажное значение, а критическое использование опыта прошлого может значительно повысить эффективность всей современной системы, выйти на новый качественный уровень, сохранить жизни и здоровье всех участников дорожного движения.

Список литературы

1. Сегодня проществий нет: Страницы истории ГАИ УВД Волгоград. облисполкома / сост. И. Гуммер. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1983. 208 с.
2. *Шугуров Л.М., Ширшов В.П.* Автомобили страны советов. М.: Изд-во ДОСААФ, 1983. 128 с.
3. *Кудрявцев А.С.* Очерки истории дорожного строительства в СССР: в 2 т. Часть 2: послеоктябрьский период. М.: Дориздат, 1957. 367 с.
4. *Казакевич Р.* Развитие автобусного сообщения на Украине // *Автомобильный транспорт.* 1953. № 1. С. 43.
5. *Мирошниченко А.* Развитие автобусного движения в Ворошиловградской области // *Автомобильный транспорт.* 1953. № 4. С. 20.
6. *Лукьянов В.В.* Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений. М.: Юрид. лит., 1979. 167 с.

Поступила в редакцию 22.01.2021 г.

Поступила после рецензирования 16.02.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторе

Тишаков Максим Петрович – кандидат юридических наук, преподаватель. Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3311-2370>, e-mail: TMaxim7@yandex.ru

Для цитирования

Тишаков М.П. Правовые и организационные основы обеспечения безопасности дорожного движения в УССР в 1948–1953 гг. // *Актуальные проблемы государства и права.* 2021. Т. 5. № 17. С. 39-56. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-39-56

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-39-56

LEGAL AND ORGANIZATIONAL BASIS FOR ENSURING ROAD SAFETY IN THE UKRAINIAN SSR IN 1948–1953

Maksim P. Tishakov

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
10A Bolshoy Karetny Ln., Moscow 117149, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3311-2370>, e-mail: TMaxim7@yandex.ru

Abstract. The work, based on previously little available for research, as well as materials and documents found in archival institutions, reflects the legal basis for ensuring road safety in 1948-1953, the state and organizational and legal measures taken in the field of combating accidents in road transport at the republican level by the example Ukrainian Soviet Socialist Republic. Attention is focused on the key problems that determine the development of the road safety system, the measures taken, their effectiveness, mistakes and achievements. Measures to counteract accidents in vehicles are investigated from a historical and legal standpoint, a critical and detailed analysis of decrees and orders of the government, departmental regulatory legal acts. It was found that the presence of a significant number of administrative decisions of the republican authorities of Soviet Ukraine, although it was a rather progressive step for its time, did not fully take into account the reality of achieving the set goals, local conditions and peculiarities. At the same time, the functioning of the emerging road safety system was significantly hampered by the lack of a unified national policy in the context of the rapid growth and development of the country's automobile and road complex.

Keywords: road traffic accidents; road safety; State traffic inspectorate; road traffic injuries

References

1. Gummer I. (compiler). *Segodnya proisshestviy net: Stranitsy istorii GAI UVD Volgograd. oblispolkoma* [Today there are no Incidents: Pages of the History of the Traffic Police of the Internal Affairs Directorate of the Volgograd Regional Executive Committee]. Volgograd, Nizhne-Volzhsky Book Publ., 1983, 208 p. (In Russian).
2. Shugurov L.M., Shirshov V.P. *Avtomobili strany sovetov* [Council Country Cars]. Moscow, DOSAAF Publ., 1983, 128 p. (In Russian).
3. Kudryavtsev A.S. *Ocherki istorii dorozhnogo stroitel'stva v SSSR (Posle oktyabr'skiy period)* [Essays on the History of Road Construction in the USSR (After the October Period)]. Moscow, Avtotransizdat Publ., 1957, 368 p. (In Russian).
4. Kazakevich R. Razvitiye avtobusnogo soobshcheniya na Ukrainy [Development of bus service in Ukraine]. *Avtomobil'nyy transport* [Automobile Transport], 1953, no. 1, pp. 43. (In Russian).
5. Miroshnichenko A. Razvitiye avtobusnogo dvizheniya v Voroshilovgradskoy oblasti [Development of bus traffic in Voroshilovgrad Region]. *Avtomobil'nyy transport* [Automobile Transport], 1953, no. 4, pp. 20. (In Russian).

6. Lukyanov V.V. *Problemy kvalifikatsii dorozhno-transportnykh prestupleniy* [Problems of Qualification of Road Traffic Crimes]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1979, 167 p. (In Russian).

Received 22 January 2021

Reviewed 16 February 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the author

Maksim P. Tishakov – Candidate of Law, Lecturer. All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov Institute (branch), Rostov-on-Don, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3311-2370>, e-mail: TMaxim7@yandex.ru

For citation

Tishakov M.P. Pravovyye i organizatsionnyye osnovy obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v USSR v 1948–1953 gg. [Legal and organizational basis for ensuring road safety in the Ukrainian SSR in 1948–1953]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 39-56. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-39-56 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Тумин А.Ю., 2021

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-57-67

УДК 340.15

Шифр научной специальности 12.00.01

ВРАЧЕБНО-ПОЛИЦЕЙСКИЙ КОМИТЕТ В СТРУКТУРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А.Ю. Тумин

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя»

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9420-8149>, e-mail: tumin-msk@mail.ru

Аннотация. Изначально московская полиция создавалась как орган с широким кругом обязанностей и многочисленными полномочиями, охватывавшими практически все сферы жизнедеятельности населения. Московская полиция, в силу своего столичного статуса, являлась своеобразным полигоном, на котором опробовались различные преобразования в полицейской сфере, которые потом распространялись на другие города Российской империи. Середина XIX века стала важной вехой в развитии московской общей полиции и расширении ее компетенции. В этот период времени в ее структуре стали формироваться специализированные подразделения, направленные на решение специфических задач. Рассмотрен опыт организации, правовые и организационные основы деятельности врачебно-полицейского комитета во втором по значимости городе Российской империи Москве. Развитие московской общей дореволюционной полиции и ее отдельных подразделений в отечественной историко-правовой науке изучены недостаточно, что связано с отсутствием в открытом доступе необходимого эмпирического материала. На основе анализа впервые вводимых в научный оборот документов и статистических сведений Центрального государственного архива города Москва исследованы причины образования, структура, основные полномочия московского врачебно-полицейского комитета и результаты его деятельности. В преддверии трехсотлетия образования московской полиции изучение опыта столичной полиции способствует приращению историко-правовых знаний о деятельности дореволюционных органов правопорядка.

Ключевые слова: врачебно-полицейский комитет; инструкции; министр внутренних дел; Москва; московская полиция; обер-полицмейстер; прокуратура; Российская империя

Трехсотлетний юбилей московской полиции, который состоялся в январе 2021 г., вызывает повышенный интерес к эволюции столичных

органов правопорядка. Вместе с тем вопросы создания и развития московской полиции учеными исследовались робко, фрагментарно, в рамках изучения истории отечественных органов внутренних дел. На сегодняшний день имеются лишь неполные и отрывочные сведения о деятельности дореволюционной столичной полиции. В связи с этим заслуживает внимания исследование деятельности московской полиции периода Российской империи, в том числе и отдельных ее подразделений.

Несмотря на тяжелый урон, нанесенный войной 1812 г., Москва в середине XIX века продолжала быть экономическим, политическим и культурным центром империи. В пределах Камер-Коллежского вала, который считался официальной и полицейской границей Москвы, ее площадь составляла около 63 кв. верст. Москва была больше Берлина, почти равнялась Парижу, но в 1,5 раза уступала Санкт-Петербургу и в 4,5 раза – Лондону¹. В 1843 г. в Москве насчитывалось 4290 промышленных предприятий, на которых трудились 62949 рабочих². Бурный рост промышленности, появление предприятий привели к высокому темпу роста городского населения, особенно мужской части, которое представляло собой весьма разнородное в социальном и правовом отношении образование. По данным историков, в начале XIX века население второй столицы было более 275 тыс., а в середине века увеличилось и составляло 356511 человек³. Различные источники указывают примерно такие же цифры. В отчете московского обер-полицмейстера за 1833 г. приводятся следующие данные: население Москвы составляло 333260 человек, из них мужского пола 205120 человек, женского 128140⁴. Согласно отчету московского гражданского губернатора за 1850 г. в Москве в середине века проживало 346242 человека, из них 211215 мужчин и 135242 женщины⁵. И эта диспропорция только увеличивалась. В 1861 г. на 236751 мужчину приходилось 141087 женщин⁶. Как видно из приведенной статистики, численность мужчин зна-

---

¹ Большой атлас Москвы. М.: Изд-во «Феория», 2013. 1000 с.

² Отчет московского обер-полицмейстера за 1843 год. Часть первая. Статистические сведения. М.: Университетская типография, 1844. 82 с.

³ История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и картолитография», 1997. Т. 2: XIX в. 472 с.

⁴ Некоторые сведения о Москве, извлеченные из отчета тамошнего обер-полицмейстера // Журнал Министерства внутренних дел. С. Петербург, 1834. Ноябрь.

⁵ ЦГА Москвы (Центральный государственный архив города Москва). Ф. 17. Оп. 97. Д. 146. Л. 243.

⁶ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 97. Д. 265. Л. 200.

чительно превышала численность женщин. Причина заключалась в том, что в Москву стекалось множество холостых или оторванных от семьи оброчных крестьян, привлекаемых в город в поисках заработка. Преобладание в Москве мужского населения, средний возраст которого в 1871 г. составлял 33,5 года, способствовал развитию проституции⁷. По данным исследователей, в Петербурге в 1843 г. было выявлено 400 проституток, в 1852 г. в городе насчитывалось 152 публичных заведения, в которых находилось 884 женщины [1, с. 20, 22]. В то же время в Казани действовало 17 домов терпимости с 134 проститутками и 170 проституток-одинок [2, с. 30]. Рост проституции закономерно вызывал и распространение венерических заболеваний среди населения. М.Г. Кузнецов приводит такие сведения: «в числе 2000 проституток Москвы, находившихся в 1851 г. под врачебно-полицейским надзором, зараженными венерическими болезнями оказались 642 человека, то есть 30 %» [3, с. 96]. Н.К. Мартыненко показывает еще более серьезные цифры. Она пишет, что в 1852 г. из всех 1261 московской проститутки больных сифилисом было 66 % [4, с. 58]. В 1865 г. под надзором полиции состояло 2146 проституток⁸.

Таким образом, развитие проституции в крупных городах империи и связанных с этим явлением массовых венерических болезней вынудили власть предпринять механизмы регламентации, полицейского контроля и санитарного надзора за данным девиантным явлением. 4 марта 1843 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский поручил особому комитету при министерстве заняться поисками мер против любовно-растных болезней и составлением правил надзора за публичными женщинами. 10 августа 1843 г. Л.А. Перовский получил высочайшее разрешение на учреждение в Санкт-Петербурге врачебно-полицейского надзора за проституцией в виде эксперимента. Для осуществления новых полномочий, в виде опыта, в 1843 г. в Санкт-Петербурге был создан врачебно-полицейский комитет⁹. В случае удачного опыта предполагалось представить на утверждение штат врачебно-полицейских комитетов в других городах [4, с. 35].

Спустя немногим более года по образцу и подобию Санкт-Петербурга в июле 1844 г. врачебно-полицейский комитет был создан и в

---

⁷ История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и картолитогрфия», 1997. Т. 2: XIX в. 472 с.

⁸ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 298. Д. 97. Л. 79об.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XVIII. № 17213.

первопрестольной. Указ императора гласил: «Убеждаясь благотельными последствиями существующих в С. Петербурге Врачебно-Полицейского Комитета и женской больницы, я считаю долгом представить предположение об учреждении и в Москве... Врачебно-Полицейского Комитета...»¹⁰. Первоначально комитет состоял из: штатд-физика; инспектора медицинской конторы; одного из полицмейстеров, назначаемого военным генерал-губернатором; главного доктора больницы чернорабочих; старшего по полиции врача. Кроме того, при Комитете находились 2 врача для особых поручений и 12 участковых надзирателей. Председателем комитета являлся московский гражданский губернатор. Так как в административном отношении врачебно-полицейский комитет был полицейским учреждением, во всех своих делах он подчинялся московскому обер-полицмейстеру. Предметами деятельности врачебно-полицейского комитета были: 1) врачебно-полицейский надзор за женщинами, публично-промышляющими развратом; 2) врачебное наблюдение за состоянием здоровья всех фабричных и рабочих людей, проживающих и временно пребывающих в столицу; 3) особое наблюдение за людьми рабочего класса, оставляющими Москву, чтобы не допустить выхода из столицы зараженных венерической болезнью до их выздоровления [3, с. 85]. Как показывает история, московский опыт после его апробации последовательно распространялся на всю империю. В дальнейшем врачебно-полицейские комитеты были учреждены в крупных портовых и торговых центрах страны, например, таких как Вильно, Рига и Нижний Новгород [5, с. 23].

Приступив к своим действиям, врачебно-полицейский комитет начал медицинское освидетельствование женщин, промышлявших развратом. Если в конце 1844 г. под надзором полиции находилось только 459 женщин, то через год в конце 1845 г. – 919 проституток, в начале 1846 г. – 1400 проституток, как одиночек, так и живущих в домах терпимости, а к концу этого же года уже 2000 проституток [3, с. 85, 87-88]. В 1848 г. на 349068 жителей Москвы приходилось 1380 проституток.

По замечанию И.А. Тарасовой, в первые годы работы комитета не были четко определены его функции. Но в целом его деятельность сосредотачивалась на предотвращении распространения венерических заболеваний [6, с. 64]. С течением времени работа врачебно-полицейского комитета получила правовое оформление в виде инструкций и правил по направлениям деятельности. В июле 1846 г. министром внутренних дел были утверждены инструкции и правила московского

---

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XIX. № 18047.

врачебно-полицейского комитета, которыми подробно регламентировался порядок освидетельствования публичных женщин, обязанности надзирателей, давались правила содержательницам борделей, правила публичным женщинам и др. В ноябре 1846 г. врачебно-полицейскому комитету даны инструкции для руководства при проверке относительно уменьшения сифилитической болезни [3, с. 200-201].

Архивные источники свидетельствуют о том, что для врачебно-полицейского комитета разрабатывались инструкции не только министерством внутренних дел, но и Московской городской думой. В фонде 179 (Московские городские дума и управа) Центрального государственного архива города Москва имеется уникальный документ под названием «Обязанности чинов врачебно-полицейского управления». К сожалению, на документе дата его принятия отсутствует, но, учитывая, что дело сформировано в 1874 г., можно предположить, что и утвержден он был в этом же году. Данным документом значительно расширились задачи московского врачебно-полицейского комитета. Пункт I. Обязанности врачебно-практические гласил: «...всякий врач должен быть постоянно готов к оказанию деятельной помощи всякаго звания людям болезнею одержимымь...». В пункте II. Обязанности медико-полицейские перечислялись многочисленные полномочия полицейских врачей. Вот некоторые из них: охранение чистоты воздуха; охранение безвредности жизненных припасов; наблюдение за продажей ядовитых и сильнодействующих веществ; наблюдение за противузаконными случаями лечения шарлатанами, знахарями и тому подобными; наблюдение за соблюдением правил о погребении мертвых; принятие мер против распространения сифилиса и др. выполнением этих задач деятельность полицейских врачей не исчерпывалась. Пунктом III данной инструкции определялись обязанности врачей по судебно-медицинской части. Так, врачи выступали в качестве экспертов по двум направлениям: 1) судебно-медицинским исследованиям по делам управления, в которое входило освидетельствование рекрут, освидетельствование нижних воинских чинов, не способных к продолжению строевой службы; освидетельствование лиц, испрашивающих пенсии в сокращенный срок по болезни; освидетельствование престарелых и увечных лиц, просящихся в приказ общественного призрения и др.; 2) судебно-медицинские исследования по делам уголовным включали в себя освидетельствование орудий преступления, предметов, уличающих преступника, например, белья и платья, замаранных кровью; освидетельствование живых людей по причине увечий, истязаний, по-

боев, изнасилования, растления, далее по поводу притворных болезней, как телесных, так и душевных; осмотр и судебно-медицинское вскрытие мертвых дел. В числе прочих документ определял обязанности старшего врача московской полиции: «...составляет общие ежемесячные, третные и годовые ведомости из сведений, получаемых от врачей московской полиции, которая представлять в медицинскую контору и московскому господину обер-полицмейстеру. Старший врач иметь бдительный надзор за поведением состоящих под его начальством медицинских чинов...»¹¹. Принятые локальные акты заложили основы работы врачебно-полицейского комитета в Москве на местном уровне, выдвинули ряд требований к его деятельности, определили обязанности врачей.

Отдельные результаты деятельности московского врачебно-полицейского комитета в 1871–1873 гг.¹² представлены в табл. 1.

Таблица 1

Отдельные направления деятельности московского
врачебно-полицейского комитета в 1871–1873 гг.

Направления деятельности	Годы		
	1871	1872	1873
1. Количество подписанных полицейскими врачами скорбных листов умерших от обыкновенных болезней	16,022	14,858	16,245
2. Судебно-медицинское обследование скоропостижно умерших	1,001	1,111	1,220
3. Освидетельствовано живых людей по разным судебным поводам	3,244	3,653	3,681
4. Освидетельствовано на состояние умственных способностей	195	160	160
5. Судебно-медицинское освидетельствование предметов	3,298	3,910	3,807
6. Оформлено и выдано судебно-медицинских и медико-полицейских актов	8,298	9,244	8,920
7. Оспопрививание	436	445	1,150
8. Число найденных венерических больных	417	462	444

Как видим из табл. 1, направления деятельности московского врачебно-полицейского комитета выходили далеко за пределы заявленной при его создании профилактике проституции и борьбе с венерически-

¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 23. Д. 33. Л. 11-11об., 12-12об.

¹² Там же. Л. 14.

ми заболеваниями. Широкий круг деятельности и постоянно прибавляющиеся обязанности требовали увеличения аппарата комитета. Однако, несмотря на неоднократные предложения министерства внутренних дел об увеличении штата комитета и повышении жалования его служащих, Московская городская дума, ссылаясь на отсутствие средств, отказывала вводить новые должности. Только спустя 30 лет Московской городской думой в июне 1874 г. утвержден новый штат врачебно-полицейского комитета в следующем виде¹³ (табл. 2).

Таблица 2
Структура московского врачебно-полицейского комитета в 1874 г.

Наименование должностей	Число лиц	Содержание в год			
		Одному			Всем
		жалование	содержание	всего	
Старший врач полиции	1	800	600	1400	1400
Полицейские врачи	17	600	400	1000	17000
Их помощники	12	400	300	700	8400
Городовые акушеры	2	600	–	600	1200
Фельдшеры	35	180	–	180	6300
Ветеринарные врачи	2	400	200	600	1200
Ветеринарные ученики	2	–	120	120	240
Повивальные бабки	17	150	–	150	2550
На канцелярские расходы					
Старшему врачу				200	200
Средства на оказание первоначальной помощи внезапно заболевшим				255	255
Итого	88				38745

Штаты врачебно-полицейского комитета в 1874 г. по сравнению со штатами 1844 г. были существенно увеличены. Вместе с тем результаты деятельности московского врачебно-полицейского комитета не устраивали городские власти. В докладе Комиссии общественного здоровья от 1 декабря 1879 г. говорилось: «...деятельность его, несмотря на все старания и принимаемые им меры, не могла вполне достигать своей основной цели – значительного уменьшения заболевания сифилитической болезнью и вызвала необходимость озаботиться принятием более энергических мер против распространения этой болезни»¹⁴.

¹³ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 23. Д. 33. Л. 10об.

¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 23. Д. 170. Л. 9.

5 мая 1881 г. произошла реорганизация московской общей полиции, в результате чего упразднена московская Управа благочиния¹⁵. В тот же день было утверждено Положение о московской городской полиции, согласно которому полицейское управление в Москве состояло из общего и местных управлений. Общее полицейское управление образовывали: обер-полицмейстер с состоящими при нем чинами и своей канцелярией, сыскная полиция, адресный стол, общий полицейский архив, врачебно-полицейское управление, врачебно-полицейский комитет, брандмайор, полицейский резерв и полицейский телеграф. Как и прежде, основным направлением деятельности врачебно-полицейского комитета оставалась профилактика венерических заболеваний, учет проституток.

О результатах работы комитета можем судить по материалам к всеподданнейшему отчету по московской губернии за 1894 г., в которых приведены весьма интересные примеры работы комитета: «в отчетном году задержано полицею по подозрению в проституции 1594 женщины (в 1893 г. – 1385 женщин), которые были осмотрены в городской женской амбулатории и из числа осмотренных оказались зараженными венерическими болезнями 581 женщина (в 1893 г. – 328 женщин). На всех фабриках, заводах и других промышленных заведениях полицейские врачи 4 раза в год производили осмотр рабочих по отношению к венерическим болезням. Они же в течение отчетного года осматривали всех арестуемых при полицейских домах, всех холостых пожарных и полицейских служащих. В отчетном году было осмотрено рабочих 67108 мужского пола, а всех осмотров в течение года проведено 21584. Подвергнуто осмотру арестованных при полицейских домах 60390 мужчин (в 1893 г. – 55303 мужчины). Подвергнуто осмотру пожарных и полицейских служащих 1258 (в 1893 г. – 1358)». Далее в документах указано: «в 1894 г. врачами московской полиции было произведено 958 осмотров и вскрыто мертвых тел, 6648 освидетельствований живых людей по разным судебно-медицинским вопросам, сделано 1963 исследования разных предметов и вещей с целью судебно-медицинской экспертизы. В 210 случаях смерть была признана насильственной, в 17 случаях причина смерти осталась невыясненной вследствие гнилости трупов. Освидетельствования живых людей предпринимались полицейскими врачами для определения: послеродового состояния – 43;

---

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. I. № 131.

растления и изнасилования – 2; скотоложества – 1; ран – 1498; состояния умственных способностей – 238»¹⁶.

Отдельным направлением деятельности московского врачебно-полицейского комитета был надзор за санитарным состоянием общественных мест. За 1894 г. врачами комитета проведен медицинский осмотр 352 дворов, 63 бань, 711 трактиров, гостиниц и ресторанов, 24 рынков и др. В результате осмотров составлено 386 протоколов для привлечения виновных к судебной ответственности¹⁷.

Подводя итог, следует отметить, что происходившие в середине XIX века экономические и социальные преобразования во второй столице Российской империи оказали значительное влияние на совершенствование деятельности московской полиции, способствовали формированию в ее структуре новых специализированных подразделений. Одним из первых таких подразделений московской дореволюционной полиции стало создание 4 июля 1844 г. врачебно-полицейского комитета, вся последующая деятельность которого была тесно связана с решением проблем города.

Список литературы

1. *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс–Академия, 1994. 224 с.
2. *Бородин Д.М.* Алкоголизм и проституция. Спб.: Типо-Литография Виленчик, 1910. 118 с.
3. *Кузнецов М.Г.* Проституция и сифилис в России: историко-статистические исследования. Спб.: Типография А.М. Котомина, 1871. 75 с.
4. *Мартыненко Н.К.* Российский опыт взаимодействия усилий государства и общества в упреждении социальных девиаций (конец XIX – начало XX века). М.: ИНФРА-М, 2019. 320 с.
5. *Сидоркин Ю.В., Орлов Д.В.* Полицейский надзор за проституцией как неотъемлемая составляющая нравственного благочиния в условиях регламентации // *Genesis: исторические исследования.* 2020. № 4. С. 20-31.
6. *Тарасова И.А.* Историко-правовой опыт деятельности полиции Российской империи по предупреждению распространения проституции (XVIII – начало XX в.). Старотеряево: Москов. обл. фил. Москов. ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя, 2016. 117 с.

Поступила в редакцию 18.02.2021 г.

Поступила после рецензирования 12.03.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

---

¹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 56. Д. 107. Ч. 3. Л. 127об., 128-128об, 133, 134об.

¹⁷ Там же. Л. 153.

Информация об авторе

Тумин Александр Юрьевич – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9420-8149>, e-mail: tumin-msk@mail.ru

Для цитирования

Тумин А.Ю. Врачебно-полицейский комитет в структуре московской общей полиции в середине – второй половине XIX века // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 57-67. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-57-67

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-57-67

MEDICAL AND POLICE COMMITTEE IN THE STRUCTURE OF THE MOSCOW GENERAL POLICE IN THE MIDDLE AND SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Alexander Y. Tumin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs

of the Russian Federation named after V.Y. Kikot

12 Academician Volgin St., Moscow 117997, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9420-8149>, e-mail: tumin-msk@mail.ru

Abstract. Fundamentally the Moscow police was created as a body with a wide range of responsibilities and numerous powers cover almost all spheres of life of the population. The Moscow police, by virtue of their status as a capital, was a kind of testing ground where various transformations in the police sphere were tested, which then spread to other cities of the Russian Empire. The middle of the 19th century became an important milestone in the development of the Moscow general police and the expansion of its competence. During this period of time, specialized divisions began to form in its structure, aimed at solving specific issues. The work discusses the experience of organizing, the legal and organizational foundations of the medical and police committee in the second most important city of the Russian Empire Moscow. The development of the Moscow general pre-revolutionary police and its individual units in the domestic historical and legal science has not been sufficiently studied, which is due to the lack of the necessary empirical material in the public domain. Based on the analysis of documents and statistical data of the Central State Archive of Moscow, first introduced into scientific circulation, explores the reasons for the formation, structure, basic powers of the Moscow Medical and Police Committee and the results of its activities. On the eve of the three hundredth anniversary of the formation of the Moscow police, the study of the experience of the Moscow police contributes to the growth of historical and legal knowledge about the activities of pre-revolutionary law enforcement bodies.

Keywords: medical and police committee; instructions; minister of internal affairs; Moscow; Moscow police; head police master; prostitution; Russian Empire

References

1. Lebina N.B., Shkarovskiy M.V. *Prostitutsiya v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.)* [Prostitution in St. Petersburg (40s of the 19th century – 40s of the 20th century)]. Moscow, Progress–Akademiya Publ., 1994, 224 p. (In Russian).
2. Borodin D.M. *Alkogolizm i prostitutsiya* [Alcoholism and Prostitution]. St. Petersburg, Typo-Lithography Vilenchik, 1910, 118 p. (In Russian).
3. Kuznetsov M.G. *Prostitutsiya i sifilis v Rossii: istoriko-statisticheskiye issledovaniya* [Prostitution and Syphilis in Russia: Historical and Statistical Studies]. St. Petersburg, A.M. Kotomin Typography, 1871, 75 p. (In Russian).
4. Martynenko N.K. *Rossiyskiy opyt vzaimodeystviya usiliy gosudarstva i obshchestva v uprezhdenii sotsial'nykh deviatsiy (konets XIX – nachalo XX veka)* [Russian Experience of Interaction of Efforts of the State and Society in Anticipating Social Deviations (late 19th – early 20th centuries)]. Moscow, INFRA-M Publ., 2019, 320 p. (In Russian).
5. Sidorkin Y.V., Orlov D.V. Politseyskiy nadzor za prostitutsiyey kak neot'yemlemaya sostavlyayushchaya nravstvennogo blagochiniya v usloviyakh reglamentatsii [Police surveillance over prostitution as an intrinsic element of ethical discipline in the conditions of regulation]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya – Genesis: Historical Research*, 2020, no. 4, pp. 20-31. (In Russian).
6. Tarasova I.A. *Istoriko-pravovoy opyt deyatel'nosti politsii Rossiyskoy imperii po preduprezhdeniyu rasprostraneniya prostitutsii (XVIII – nachalo XX v.)* [Historical And Legal Experience of the Activities of the Police of the Russian Empire to Prevent the Spread of Prostitution (18th – early 20th centuries)]. Staroteryayevo, Moscow Region Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot Publ., 2016, 117 p. (In Russian).

Received 18 February 2021

Reviewed 12 March 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the author

Alexander Y. Tumin – Adjunct of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel Faculty. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Moscow, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9420-8149>, e-mail: tumin-msk@mail.ru

For citation

Tumin A.Y. Vrachebno-politseyskiy komitet v strukture moskovskoy obshchey politsii v seredine – vtoroy polovine XIX veka [Medical and police committee in the structure of the Moscow general police in the middle and second half of the 19th century]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 57-67. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-57-67 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Ельцов В.Н., Козодаева О.Н., 2021

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-68-74

УДК 343.6

Шифр научной специальности 12.00.08

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В РОССИИ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

В.Н. Ельцов, О.Н. Козодаева

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8168-6494>, e-mail: vn.law@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8126-1805>, e-mail: tam_fon@mail.ru

Аннотация. История развития законодательства об уголовной ответственности за преступления террористического характера в России видоизменялась. Современное восприятие рассматриваемого криминального явления, как отметили авторы, сводится к идеологии насилия, мотивация и цели которой зависят от того, что лежит в ее основе, например, политика, религия, расизм и т. д. Анализ законодательных актов до Октябрьской революции 1917 г. позволил авторам в рамках исследования выделить объекты террористического воздействия (представители власти, правительство, глава государства) и способы совершения такого рода преступных посягательств (умышленный поджог, взрыв), которые на практике имели определенное уголовно-правовое значение для квалификации и назначения наказания. Акцентировано внимание на том, что лишь некоторые положения статей Русской правды, Судебников 1497 и 1550 г., Псковской и Новгородской судебных грамот, Соборного Уложения 1649 г., артикула воинского 1715 г., Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержали признаки террористических действий. В ходе исследования сделан вывод, что ни один законодательный акт досоветского периода не содержал терминологической базы, определяющей преступления террористического характера как таковые. Волна террора в XIX–XX веках повлекла за собой массовую гибель людей и совершение ряда других деяний. Умышленные поджоги, взрывы вызывают устрашение и наносят значительный ущерб интересам личности, общества и государства. Исследования показали, что правовую регламентацию терроризма как самостоятельный вид преступления получил с 1992 г.

Ключевые слова: преступление; взрыв; террористический акт; терроризм; поджог; идеология насилия; теракт; наказание; уголовно-правовая норма; законодательство

Преступления террористического характера являются неотъемлемой частью формирования цивилизации наряду с преступностью в целом. Однако различные социальные, экономические, политические и иные факторы корректировали как развитие законодательства, регулирующего ответственность за обозначенные преступления, так и понимание проблемы терроризма.

Его современное восприятие сводится к идеологии насилия, мотивация и цели которой зависят от того, что лежит в ее основе: политика, религия, расизм и т. д. Его историческая интерпретация всегда включала, наряду с названными признаками, целенаправленное устрашение различных объектов воздействия (правительство, главу государства, общество и т. д.) посредством осуществления жестокого террористического акта.

Исходя из указанных признаков преступления террористического характера оцениваются как с позиции объекта преступного воздействия, так и с позиции способа совершения преступления, где обязательным условием выступает устрашение и значительный ущерб.

Разделяя мнение О.В. Гавриловой, отметим, что «В Российском законодательстве терроризм как самостоятельный вид преступлений рассматривается сравнительно недавно, с 1992 г. До этого времени предусматривалась ответственность за отдельные виды преступлений террористического характера при формулировке которых, как правило, не отражалась их характеристика именно как террористических преступлений. Хотя фактически терроризм в России уже давно занял свое место как один из наиболее опасных видов преступного поведения и в полной мере проявил большинство своих качественных характеристик» [1, с. 80].

Рассматривая преступления террористического характера исходя из объекта преступного воздействия и способа его осуществления, отметим, что к ним можно отнести: антигосударственные преступления, так как зачастую объектом террористического воздействия становились представители власти, в связи с тем, что глава государства и само государство отождествлялись. Преступления, посягающие на жизнь монарха, признавались наиболее тяжкими деяниями во всех законодательных актах и предусматривали наиболее строгое наказание. Немаловажную роль играл и способ совершения такого рода преступлений, где в результате целенаправленного поджога, а позднее взрывов, наступали ужасающие последствия. Подобного рода способы соверше-

ния преступного деяния находили отражение в различных нормативных актах на протяжении всей истории нашего государства.

На заре отечественной государственности антигосударственными преступлениями признавалось не только прямое посягательство на князя, но и, согласно статье 28 Русской правды [2, т. 1, с. 135], совершение преступления по отношению к коню князя.

Судебники 1497 и 1550 гг. также содержали нормы, связанные с покушением на жизнь царя и его ближайшее окружение [3]. По способу совершения преступлений, содержащие признаки терроризма в виде умышленного поджога, их можно обнаружить в Псковской и Новгородской судебных грамотах, а в Судебниках 1497 и 1550 гг. была осуществлена более детальная их квалификация, с разграничением на поджог домовладений или поджог городского укрепления.

Соборное Уложение 1649 г. детализировало преступления против государя, отнеся к ним и посягательство на его жизнь и здоровье [2, т. 2]. В нем также предусматривалось преступное деяние в виде поджога с целью сдачи города врагу, что отвечало не только признакам измены, но и признакам преступлений террористического характера.

В период Империи в нормативных актах террористические преступления более детализируются и уже в артикуле воинском 1715 г. наряду с посягательством на жизнь и здоровье государя предусматривалось преступление против него в виде «непреложных речей», которые могли наказываться не только битьем кута, ссылкой в Сибирь, но и смертной казнью. В данном нормативном акте в 21 главе, посвященной зажиганию, грабительству и воровству, смертная казнь назначалась лицам, осуществлявшим умышленный поджог квартир военачальствующего состава, что сеяло страх и приносило немалые убытки.

В дальнейшем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [2, т. 6] содержался целый перечень преступлений террористического характера, закрепленных в следующих главах: «О преступлениях против священной особы государя императора и членов императорского дома»; «О бунте против власти верховной и о государственной измене»; «О преступлениях государственных».

Такие преступления в основе своей несли цель свержения главы государства, а также способствовали росту панического настроения в народных массах.

XIX век для России во многом демонстрировал конкретное проявление террористической идеологии. Регулярные акты терроризма осуществлялись революционно настроенными представителями левого

политического течения против представителей власти различного уровня. Именно в этот период происходит рост преступлений, отвечающих всем признакам терроризма.

При этом необходимо отметить, что отсутствие общих политических целей в среде радикально настроенных революционеров компенсировалось единими террористическими методами, которые они использовали. В этот период совершаются такие громкие террористические акты, как покушение на Александра II в 1866 г., покушение на генерала Ф. Трепова в 1878 г., убийство Александра II в 1881 г., убийство князя Д.Н. Кропоткина и множество иных террористических актов.

В 1880 году осуществлен взрыв в Зимнем дворце, в результате которого погибло около 60 человек из числа охраны и лиц, обслуживающих царскую семью. Необходимо отметить, что в результате многочисленных терактов в конце XIX века погибло более 100 человек простых людей, жизнь которых стала заложником радикальных идей, хаотично и жестоко претворяемых в действительность.

Уголовное уложение 1903 г. практически полностью сохранило название глав¹, регламентирующих уголовную ответственность за преступления террористического характера, к которым были отнесены: посягательство на императора и членов его семьи, равно как и приготовление в таком посягательстве и покушения на него, применение орудий преступлений, которые могут привести к массовой гибели людей, и ряд других деяний.

В 1905–1907 гг. ознаменовались новым всплеском террористических преступлений: в феврале 1905 г. в результате взрыва бомбы был убит Великий князь Сергей Александрович, в декабре 1905 г. выстрелом был убит тамбовский вице-губернатор Н.Е. Богданович, в январе 1906 г. была взорвана харчевня «Тверь», где погибли и были ранены несколько человек, в 1907 г. был убит рязанский губернатор С.В. Александровский. Это лишь малый перечень террористических актов, произошедших в этот период. За один только 1907 г. в России было совершено 317 террористических актов, что было констатировано некоторыми авторами как волна террора, захлестнувшая страну [4, с. 13]. Это продолжались вплоть до революции 1917 г.

Особенность террористического разгула данного исторического периода заключалась в том, что зачастую акты терроризма были направлены не только против представителей властей, но и осуществля-

---

¹ Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Спб.: Изд-во В.П. Анисимова, 1903. 250 с.

лись противоборствующими представителями политических течений друг против друга. Среди пострадавших были представители и Союза русского народа, и Русского собрания, и представители Патриотического общества, и монархисты и др.

Мы согласны с мнением В.А. Шуняевой и В.И. Торговченковым, которые, отражая тенденции развития законодательства, регламентирующего ответственность за преступления террористического характера в рассматриваемый период, считают, что:

«– ни один нормативно-правовой акт досоветского периода не содержал терминологическую базу, определяющую преступления террористического характера как таковые;

– во всех нормативно-правовых актах указанного периода содержались составы, содержащие признаки террористических действий в современном понимании этого явления;

– на протяжении долгих веков преступления террористического характера считались совершенными в отношении главы государства (князя, царя, императора или членов его семьи);

– наиболее распространенная мера наказания за такого рода преступления была смертная казнь с конфискацией имущества;

– наибольшее распространение такие преступления получили в конце XIX – начале XX века в связи с изменением политических событий как на внутригосударственном, так на мировом уровне» [5, с. 51].

Список литературы

1. *Гаврилова О.В.* К истории вопроса возникновения государственного терроризма в России // Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. 2014. № 3. С. 80-85.
2. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. 234 с.; М.: Юрид. лит., 1984. Т. 2. 590 с.; М.: Юрид. лит., 1988. Т. 6. 431 с.
3. Судебники XV–XVI вв. / под общ. ред. Б.Д. Грекова. Москва; Ленинград, 1952.
4. *Резаков Ф.* Век террора. М., 2002. 165 с.
5. *Шуняева В.А., Торговченков В.И.* Терроризм – современное понимание проблемы. Тамбов, 2020. 250 с.

Поступила в редакцию 15.01.2021 г.

Поступила после рецензирования 10.02.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторах

Ельцов Владимир Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8168-6494>, e-mail: vn.law@yandex.ru

Козодаева Олеся Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8126-1805>, e-mail: tam_fon@mail.ru

Для цитирования

Ельцов В.Н., Козодаева О.Н. Законодательная регламентация преступлений террористического характера в России до Октябрьской революции 1917 г. // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 68-74. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-68-74

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-68-74

LEGISLATIVE REGULATION OF TERRORIST CRIMES IN RUSSIA BEFORE THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917

Vladimir N. Eltsov, Olesya N. Kozodaeva

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8168-6494>, e-mail: vn.law@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8126-1805>, e-mail: tam_fon@mail.ru

Abstract. The history of the development of legislation on criminal liability for crimes of a terrorist nature in Russia has changed. The modern perception of the criminal phenomenon under consideration, as we note, is reduced to the ideology of violence, the motivation and goals of which depend on what is at its core, for example, politics, religion, racism, and so on. The analysis of legislative acts before the October revolution of 1917 allows us to identify the objects of terrorist influence (representatives of the authorities, the government, the head of state) and the methods of committing such criminal attacks (deliberate arson, explosion), which in practice had a certain criminal legal significance for the qualification and appointment of punishment. The work focuses on the fact that only some provisions of the articles of the Russian Pravda, the Sudebnik of 1497 and 1550, the Pskov and Novgorod Court Documents, the Cathedral Code of 1649, the Military Code of 1715, the Code on Criminal and Correctional Punishments of 1845 contained signs of terrorist actions. In the course of the study, we conclude that no legislative act of the pre-Soviet period contained a terminological base that defines terrorist crimes as such. The wave of terror in the 19th–20th centuries. it resulted in the mass death of people and the commission of a number of other acts. De-

liberate arson and explosions cause intimidation and cause significant damage to the interests of the individual, society and the State. The research in the scientific work shows that terrorism as an independent type of crime has been legally regulated since 1992.

Keywords: crime; explosion; terrorist act; terrorism; arson; ideology of violence; terrorist attack; punishment; criminal law norm; legislation

References

1. Gavrilova O.V. K istorii voprosa voznikoveniya gosudarstvennogo terrorizma v Rossii [The history of state terrorism's origin in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby MChS Rossii – Bulletin of the Saint-Petersburg University of the State Fire Service MES of Russia*, 2014, no. 3, pp. 80-85. (In Russian).
2. Chistyakov O.I. (gen. ed.). *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t.* [Russian Legislation of the 10–20th centuries: in 9 vols.]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1984, vol. 1, 234 p.; Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1984, vol. 2, 590 p. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1988, vol. 6, 431 p. (In Russian).
3. Grekova B.D. (gen. ed.). *Sudebniki XV–XVI vv.* [Code of Laws of 15–16th centuries]. Moscow, Leningrad, 1952. (In Russian).
4. Rezakov F. *Vek terror* [The Age of Terror]. Moscow, 2002, 165 p. (In Russian).
5. Shunyayeva V.A., Torgovchenkov V.I. *Terrorizm – sovremennoye ponimaniye problem* [Terrorism – Modern Understanding of the Problem]. Tambov, 2020, 250 p. (In Russian).

Received 15 January 2021

Reviewed 10 February 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the authors

Vladimir N. Eltsov – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8168-6494>, e-mail: vn.law@yandex.ru

Olesya N. Kozodaeva – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8126-1805>, e-mail: tam_fon@mail.ru

For citation

Eltsov V.N., Kozodaeva O.N. Zakonodatel'naya reglamentatsiya prestupleniy terroristicheskogo kharaktera v Rossii do Oktyabr'skoy revolyutsii 1917 g. [Legislative regulation of terrorist crimes in Russia before the October revolution of 1917]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 68-74. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-68-74 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Карташов И.И., Карташов И.И., 2021

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-75-89

УДК 343.2

Шифр научной специальности 12.00.08

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

И.И. Карташов¹, И.И. Карташов²

¹ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0772-803X>, e-mail: iik_urn@mail.ru

²Общество с ограниченной ответственностью «Смарт Резалт»
117393, Российская Федерация, г. Москва, ул. Профсоюзная, 76
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9617-5531>, e-mail: iv.cartashov@gmail.com

Аннотация. Человечество на протяжении тысячелетий мечтало о создании искусственного существа, способного думать и действовать «почеловечески». Эти мечты постепенно начинают обретать реальность. Тенденции развития современного общества с учетом возрастающего уровня его информатизации требуют применения новых технологий обработки информации и помощи при принятии решений. Расширение границ использования искусственного интеллекта требует не только установления этических ограничений, но и порождает необходимость оперативного разрешения правовых проблем, в том числе уголовно-правового и процессуального характера. В первую очередь это связано с появлением и распространением юридических экспертных систем, прогнозирующих решение по конкретному делу, исходя из множества параметров. На основе комплексного исследования сформулировано определение искусственного интеллекта, пригодное для использования в праве. Под искусственным интеллектом предлагаем понимать системы, способные интерпретировать полученные данные, принимать на их основе оптимальные решения при помощи самообучения (адаптации). В качестве основных направлений использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве можно выделить: поиск и обобщение судебной практик; юридическое консультирование; составление формализованных документов или статистической отчетности; прогнозирование судебных решений; предиктивную юриспруденцию. Несмотря на перспективность использования искусственного интеллекта, существует ряд проблем, связанных с низким уровнем достоверности прогнозирования редких событий, самовозбуждением системы, непрозрачностью используемых алгоритмов и архитектуры и т. д.

Ключевые слова: искусственный интеллект; уголовная ответственность; правосудие; предиктивная юриспруденция; правовое регулирование

Что такое искусственный интеллект (далее – ИИ)? Это вопрос, ответ на который в современном мире имеет фундаментальное значение. Многие ученые и журналисты оперируют термином «искусственный интеллект», но не дают ему точного определения. Может показаться, что рассматриваемое понятие настолько аксиоматично, что ему не требуется определения. Полагаем, что это не так. Оно настолько многогранно, что ученые до настоящего времени не смогли полностью познать его сущность и прийти к единому мнению.

В 1955 г. Дж. Маккарти (автор термина «искусственный интеллект») описал цель ИИ как «разработку машин, которые должны вести себя так, как будто они разумны». На сегодняшний день в научной литературе можно найти множество определений ИИ, которые можно условно разделить на несколько категорий [1, с. 35], в основе которых лежат следующие критерии: *мыслить по-человечески* [2, р. 58]; *мыслить рационально* [3, р. 17]; *действовать по-человечески* [4, р. 261]; *действовать рационально* [5, р. 392].

Мышление по-человечески связано с когнитивными способностями человеческого мозга. Оно включает в себя такие способности, как принимать решения, бороться с проблемами и получать опыт благодаря ошибкам, преимущественно, своим собственным, а не ошибкам других индивидов. Следует заметить, что основу такого подхода занимает понимание того, как мыслит человек. Однако до настоящего времени современная наука так и не смогла дать однозначный ответ, что представляет из себя мыслительный процесс, происходящий в человеческом разуме.

Действовать по-человечески – это подход к ИИ, основу которому положил А. Тьюринг, когда он предложил свой тест, который включал в себя то, что называется имитационной игрой [6, с. 3-7]. Это испытание актуально и по сей день, однако, как и в случае с «мышлением по-человечески», в этом подходе превалирует стремление уподобить машину человеку со всеми его достоинствами и недостатками. Разработчики Национальной стратегии развития искусственного интеллекта последовали по тому же пути. Они предлагают рассматривать ИИ, как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении кон-

кретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека¹.

Мы разделяем мнение тех исследователей, которые подвергают критике рассматриваемый подход, поскольку к конечной цели можно прийти несколькими путями, а не только копированием уже существующих объектов, механизмов и процессов. Другими словами, хотя самолет не воспроизводит движение птицы, он, тем не менее, совершает полет.

На основе проведенного анализа мы предлагаем под *искусственным интеллектом* понимать системы, способные интерпретировать полученные данные, принимать на их основе оптимальные решения при помощи самообучения (адаптации). Таким образом, система не только действует строго по алгоритму, заложенному в нее создателем, но и может изменять этот алгоритм в определенных границах для оптимизации принятия решений.

Сфера использования систем с искусственным интеллектом постепенно расширяется. Не остается в стороне от его использования и юридическая практика, в том числе и судебная система. В этой связи отечественные и зарубежные исследователи нередко поднимают вопрос об этичности использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Так, В.В. Момотов полагает, что в искусственном интеллекте, создаваемом человеком, заключены не только безграничные возможности, но и безграничные опасности. По его мнению, спонтанное совершенствование ИИ приведет к подчинению человека и создаст опасный для него мир, став неотвратимой угрозой. Рассуждая таким образом, автор приходит к выводу о том, что вершить правосудие ИИ не может и не должен, поскольку «система искусственного интеллекта никогда не сможет проникнуть в глубину человеческой психики, искусственный интеллект может оценивать обстоятельства дела только с точки зрения формальной логики, и именно поэтому искусственный интеллект никогда до конца не сможет понять фабулу дела, так как во многих делах, например, семейных, и, особенно, уголовных, очень много иррационального, а не формально-логического»².

---

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения 15.12.2020).

² Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации: выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании. Катар, 2020. 26 февр. URL: <http://ssrf.ru/news/lientanovostiei/36912> (дата обращения 10.12.2020).

Мы не будем столь категоричными в своих суждениях и попробуем разобраться, может ли ИИ прийти на замену человеку при осуществлении судопроизводства вообще и уголовного в частности.

Изучение научных работ, а также зарубежной правоприменительной практики позволяет сделать вывод о нескольких направлениях использования технологий ИИ в судебной деятельности. Во-первых, это *поиск и обобщение судебной практики, а также юридическое консультирование*³.

Во-вторых, это возложение на системы с ИИ рутинной работы по *составлению формализованных документов или статистической отчетности*.

Еще одним направлением использования ИИ является *прогнозирование судебных решений*. По сути это развитие предыдущего направления, поскольку в основе любого прогноза лежит изучение судебной практики, поиск прецедентов, выявление определенных закономерностей. Так, фирма IBM презентовала систему ROSS, позволяющую не только отслеживать все изменения в законодательстве и прецеденты, но предлагающую решение поставленного перед ней юридического вопроса⁴. Еще дальше пошли ученые Чикагского юридического колледжа, Юридического колледжа Южного Техаса и Стэнфордского центра юридической информации (США), разработав систему, способную предсказывать решения Верховного суда США с точностью до 70,2 %, а решения конкретных судей – до 71,9 %, тогда как профессиональные юристы делают это с точностью до 66 %. Как указывают ученые, созданная ими система построила алгоритм, основанный на 16 различных параметрах, в том числе сведениях о конкретном судье [7, р. 8-13].

Если в основе принятия решений лежит преимущественно анализ законодательства и судебных прецедентов, тогда почему искусственный интеллект допускает «ошибки» почти в 30 % случаев?

Мы не случайно взяли слово ошибки в кавычки. Может быть их допускает не искусственный интеллект, а судьи, решение которых он прогнозирует? Вероятнее всего, это предположение хотя бы отчасти справедливо. Е.С. Ларина и В.С. Овчинский, рассматривая проблемы ИИ в уголовном судопроизводстве, приводят результаты исследования, проведенного Лабораторией ИИ Северо-восточного университета (США), факторов, влияющих на решения судей об условно-досрочном

---

³ Artificial intelligence and the future for legal services. URL: [http:// general-counsel.nl/diamondbox/artificial-intelligence](http://general-counsel.nl/diamondbox/artificial-intelligence) (accessed: 10.12.2020).

⁴ Legal Tech Corner. URL: <http://rossintelligence.com/> (accessed: 10.12.2020).

освобождении преступников. Первоначально гипотеза исследователей состояла в том, что наиболее значимыми факторами будут молодой возраст подсудимых или наличие у женщин-подсудимых детей. Однако первым по значимости оказался фактор точного времени рассмотрения дела: положительных судебных решений об условно-досрочном освобождении было больше на 19 % в первые полтора часа после обеденного перерыва, чем в среднем по дню. Следующим по значимости фактором является время и день недели: после обеда и до вечера пятницы положительных решений принималось на 12 % больше, чем в среднем [8, с. 86].

Полагаем, что ИИ вряд ли будет подвержен подобного рода влиянию, так как в отличие от человека он лишен субъективизма. ИИ опирается на конкретные факты, не придавая им никакой эмоциональной окраски. Человек же, даже самый беспристрастный, осмысливая полученную информацию, так делать не может.

Другой тренд использования ИИ – предсказательная полицейская деятельность или *предиктивная юриспруденция*. Ее сущность заключается в прогнозировании поведения отдельных субъектов, потенциально представляющих интерес для правоохранительных органов, то есть правонарушителей и преступников. Наибольшую известность получила система COMPAS (США) и схожая с ней HART (Англия). Несмотря на постоянные обвинения в расовой предвзятости, непрозрачности и несовершенстве используемых методик⁵, эти и другие похожие системы широко используются правоохранительными органами. Система COMPAS, используемая для оценки вероятности рецидива, указывала на риск повторного совершения преступления, если речь шла об афроамериканце, и показатели стабильно разнились более чем в два раза. Хотя изначально в систему не закладывались данные о расе человека (лишь различные аспекты, которые можно с ней связать). Возможно, это отражало социально-политические тенденции в обществе, но система могла на основе анализа ответов лица определить его как рецидивиста, даже в том случае, когда он ни разу в жизни не привлекался к уголовной ответственности и не имел конфликтов с законом⁶. С подобными проблемами сталкиваются и в других странах. Европа

---

⁵ Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias. There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks. ProPublica. 2016. 23 May. URL: <http://propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (accessed: 21.12.2020).

⁶ Искусственный интеллект обвинили в расизме // Коммерсантъ. 2017. 21 авг. URL: <http://kommersant.ru/doc/3390196> (дата обращения: 15.12.2019).

здесь не исключение. Полагаем, что принцип недискриминации фактически ставит под сомнение возможность эффективной работы ИИ по прогнозированию преступлений. Логично сделать вывод, что ИИ будет значительно чаще указывать как на потенциального субъекта преступления, например, на молодого беженца из арабской страны, не имеющего постоянной работы, чем на пожилого француза со стабильным источником заработка. В данном случае расовая принадлежность объективно не будет влиять на выбор ИИ, причиной выбора, как мы понимаем, будут являться совсем другие факторы. Однако в таком случае есть высокий риск, что ИИ обвинят в нетолерантном подходе.

Инструменты прогнозирования подразделяются на два основных типа: место-ориентированные методики, направленные на определение вероятного места и времени совершения преступления; индивидуально ориентированные методики (предиктивная идентификация). Методики первого типа позволяют выявлять так называемые «очаги преступности» на основе анализа ранее полученной информации, тенденций преступности и многих других факторов, чтобы наиболее эффективно использовать полицейские ресурсы для пресечения или предотвращения фактов преступного поведения. Предиктивная идентификация служит для определения вероятности конкретному человеку совершить преступление или стать его жертвой. Следует отметить, что часто высказываются вполне обоснованные опасения по поводу потенциально негативного воздействия таких систем на права человека и обоснованность вмешательства правоохранительных органов [9, с. 1031-1033]. Использование в прогнозировании неограниченного объема информации, в том числе не имеющей никакой криминальной окраски (распознавание лиц в общественных местах и транспорте, распознавание автомобильных номеров, банковских операций, информация об индивидуальном мобильном трафике, заказах еды и т. п.), будет постепенно смещаться в сторону тотального контроля без надлежащих гарантий или соблюдения принципа ограничения цели. В руках правоохранительных органов окажется инструмент, позволяющий оказывать влияние на всех без исключения граждан, в том числе законопослушных.

Другой недостаток ИИ исследователи видят в низком уровне достоверности прогнозов редких событий. Это вполне объяснимо. ИИ для прогнозирования какого-либо события необходимы исходные данные, чем больше исходных данных, то есть, чем чаще повторяемость события, тем точнее будет прогноз. И, напротив, уровень неопределенности повышается, если речь идет об отдельном редко повторяющемся собы-

тии. Как резюмировал А.А. Сазерленд и его коллеги, «прогностические суждения имеют смысл в применении к группам правонарушителей. Однако на индивидуальном уровне прогнозы, по мнению многих, неточны» [10, р. 579]. Проще говоря, высокие показатели точности на уровне группы часто могут скрывать очень низкие показатели точности для конкретных людей или групп людей внутри этой более крупной группы. Все индивидуальные прогнозы связаны с пределом погрешности, который часто не учитывается при составлении отчета об общей «прогностической точности» инструмента. Кроме того, точность часто трудно проверить, потому что, когда человек оценивается как представляющий риск совершения правонарушения, обычно осуществляется упреждающее вмешательство правоохранительных органов, которое предотвращает предсказанный результат. Таким образом, невозможно достоверно узнать, что могло бы произойти, если бы они не вмешались, и поэтому нет никакого способа проверить точность или ошибочность предсказания⁷.

Возможна и другая ситуация, в значительной мере влияющая на достоверность решения ИИ. Так, в 2011 г. город Санта-Крус (Калифорния, США) одним из первых опробовал предиктивную систему анализа информации в отношении будущих преступлений. На первоначальном этапе ее использования наблюдалось снижение числа целевых видов преступлений, таких как кражи со взломом и кражи транспортных средств⁸. Однако в прошлом году муниципалитет ввел запрет на использование ее и ей подобных технологий, обвинив в расовой дискриминации⁹. Что изменило отношение к казалось бы эффективной системе? В данном случае ИИ анализировал множество различных показателей: время года, погоду, характеристики жертвы и правонарушителя и т. д. На основе чего выдавал прогноз о возможном времени и месте совершения очередного преступления. Так, если чаще всего преступления совершались в теплое время года по пятницам вечером на

---

⁷ Babuta A., Oswald M. Data Analytics and Algorithmic Bias in Policing. Briefing Papers. 2019. 16 Sept. URL: <http://rusi.org/publication/briefing-papers/data-analytics-and-algorithmic-bias-policing> (accessed: 25.12.2020).

⁸ Predictive Policing: Innovation in Crime Fighting. URL: <http://cityofsantacruz.com/government/city-departments/city-manager/community-relations/city-annual-report/march-2012-newsletter/predictive-policing> (accessed: 18.12.2020).

⁹ An Ordinance of the City Council of the City of Santa Cruz Adding Chapter 9.85 «Surveillance Technology» to Article 9 «Peace, Safety And Morals» of the Santa Cruz Municipal Code. Ordinance no. 2020-17. URL: <http://cityofsantacruz.com/Home/ShowDocument?id=80906> (accessed: 18.12.2020).

перекрестке 3-й и 5-й Авеню, то ИИ предлагал полиции направлять в указанное время в указанное место больше патрульных. При этом сами патрульные, зная о цели своего визита в указанное место, относились к находящимся там людям с большим подозрением, а значит количество задержаний и выявленных правонарушений росло. Говоря языком физики, происходило самовозбуждение системы, которая таким образом себя разгоняла.

Схожая ситуация произошла и в городе Тампа (Флорида, США), когда полиция стала уделять пристальное внимание потенциальным правонарушителям согласно выводам, сделанным на основе предиктивного анализа. Так, в одном случае прибывшая в целях профилактики полиция арестовала отца, увидев в окне курящего подростка. В другом случае полиция оштрафовала женщину, приехав проверять ее ребенка, за отсутствие номеров на ее доме и за сломанную машину на подъездной дорожке. Как отмечают исследователи, такого рода правонарушения остаются незамеченными в тех случаях, когда полиция не уделяет пристального внимания конкретному лицу или его окружению¹⁰.

Использование ИИ в ходе осуществления судебного разбирательства по уголовным делам стало предметом обжалования в нескольких судебных инстанциях США и Канады. Суть жалоб сводится к использованию систем с закрытым исходным кодом, что не позволяет понять принцип и алгоритмы, в соответствии с которыми ИИ приходит к тем или иным выводам¹¹. Рассматривая подобную жалобу, Верховный суд штата Висконсин постановил, что использование судом первой инстанции алгоритмической оценки риска (AI) при вынесении приговора не нарушило права ответчика на надлежащую правовую процедуру даже несмотря на то, что методология, использованная для проведения оценки, не была раскрыта ни суду, ни ответчику (State v. Loomis | 881 N.W.2d 749 (2016)).

Полагаем, что развитие предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности и уголовном судопроизводстве может вступить в противоречие с соблюдением прав, гарантированных Европейской

---

¹⁰ Pasco's sheriff created a futuristic program to stop crime before it happens. It monitors and harasses families across the county. Tampa Bay Times. URL: <http://projects.tampabay.com/projects/2020/investigations/police-pasco-sheriff-targeted/intelligence-led-policing/> (accessed: 18.12.2020).

¹¹ Cybergenetics, "Seattle judge rules on TrueAllele admissibility and source code" (12 January 2017). URL: <http://cybgen.com/information/newsroom/2017/jan/Seattle-judge-rules-on-TrueAllele-admissibility-and-source-code.shtml> (accessed: 18.12.2020).

конвенцией о защите прав человека и основных свобод, в частности таких, как право на доступ к правосудию, равенство сторон и состязательность судопроизводства¹².

Система с ИИ способна анализировать колоссальный поток данных за относительно короткий промежуток времени, что не сравнится с возможностями человека, для которого выполнение той же задачи потребует значительных временных затрат. Понятно, что в первую очередь возможностями такого рода систем смогут воспользоваться и пользуются узко ограниченный контингент юристов-практиков. В первую очередь это крупные корпорации и государственные структуры, способные оплатить оказание услуг систем с ИИ. Таким образом, сторона обвинения в уголовном процессе, которая представлена должностными лицами государственных органов (полиция, следствие, прокуратура), имеющая доступ к возможностям предиктивной аналитики, оказывается заранее в более выигрышной позиции относительно стороны защиты, такой возможности не имеющей.

В другой ситуации ИИ может быть использован для поиска «удобного» суда (судьи), когда речь идет о возможности выбора места рассмотрения дела. Практика составления профиля судьи для такого поиска уже активно применяется в США, а также во Франции для получения наибольшей суммы компенсации ущерба. Несмотря на то, что такая ситуация возможна преимущественно для гражданского судопроизводства, тем не менее это в определенной степени может подорвать авторитет судебной системы и поставить под сомнение принцип справедливости.

В качестве возможного решения данной проблемы может выступать обеспечение в будущем равного доступа к предиктивным системам как суда, так и сторон, участвующих в деле.

Следует также отметить, что судья, рассматривающий дело, по которому ИИ уже спрогнозировал возможное решение, будет находиться под определенным давлением, опасаясь сделать выводы, идущие в разрез с мнением ИИ.

Одним из существенных недостатков существующих систем с ИИ является проблема качества. Это можно проиллюстрировать следующим образом. Системы с ИИ предназначены для изучения своего окружения посредством обработки большого количества данных, так на-

---

¹² Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 21.12.2020).

зываемая технология big data¹³. С помощью этой технологии ИИ принимает решения на основе того, что он смог изучить ранее. Это делает развитие ИИ непредсказуемым, то есть система может придумывать стратегии или принимать решения, которые являются непредвиденными для ее разработчиков и пользователей [11]. Почти наверняка будут ситуации, когда в цепочке от производства до использования ИИ люди все сделали «правильно», но ИИ учится, тем не менее, «не тому». В этой связи представляют интерес несколько случаев, произошедших с самообучающимися чат-ботами.

В 2016 г. компания Microsoft открыла Twitter-аккаунт бота Tay. Всего за сутки в процессе общения с различными пользователями чат-бот научился нецензурно выражаться, заявил, что ненавидит феминисток, выразил свое согласие с политикой Гитлера, а Холокост – это фейк. В результате компания была вынуждена его отключить¹⁴. Спустя некоторое время компания повторила эксперимент, установив ограничения. Около полугода новый чат-бот Zo избегал общения на политические, религиозные и национальные темы, после чего заявил, что Linux лучше Windows, а «Коран очень жесток»¹⁵. Подобные проблемы постигли и китайскую корпорацию Tencent, запустившую в своем мессенджере QQ двух чат-ботов, которые через некоторое время стали негативно отзываться о Коммунистической партии Китая и заявили о желании переехать в США¹⁶.

На первый взгляд, такое поведение искусственного интеллекта не является критическим и у многих людей вызывает лишь улыбку. Однако глубокий анализ этих и других процессов, связанных с обучением ИИ, указывает на проблемы, связанные с его «социальной адаптацией». В случае же использования ИИ в уголовном судопроизводстве при принятии решения это может привести к плачевным последствиям.

Решение данной проблемы видится нам в первую очередь в установлении четких правил и критериев деятельности ИИ, за рамки кото-

---

¹³ Artificial Intelligence and Life in 2030. One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015–2016 Study Panel. URL: https://ai100.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj9861/f/ai_100_report_0831fnl.pdf (accessed: 18.12.2020).

¹⁴ Microsoft's AI chatbot says Windows is 'spyware'. URL: <http://businessinsider.com/microsoft-ai-chatbot-zo-windows-spyware-tay-2017-7> (accessed: 11.01.2021).

¹⁵ Microsoft's Chatbot Zo Calls the Qur'an Violent and Has Theories About Bin Laden. URL: <http://buzzfeednews.com/article/alexkantrowitz/microsofts-chatbot-zo-calls-the-quran-violent-and-has> (accessed: 11.01.2020).

¹⁶ China chatbot goes rogue: 'Do you love the Communist party?' 'No'. URL: <http://ft.com/content/e90a6c1c-7764-11e7-a3e8-60495fe6ca71> (accessed: 11.01.2021).

рых он не сможет выходить ни при каких обстоятельствах. Кроме того, существенное влияние на качество оказывают количество и качество исходной информации, которое мы рассмотрели ранее.

Но проблема не ограничивается только этим. Мы живем в обществе, которое с большей или меньшей степенью предвзятости оценивает те или иные поступки человека. Мышлению людей характерна субъективность. Ни один человек не может быть абсолютно объективен в своих оценках. Такова человеческая натура. Но, как отметил Д. Гершгорн, «если мы обучаем системы машинного обучения имитировать решения, принятые в предвзятом обществе, используя данные, генерируемые этим обществом, то эти системы обязательно будут воспроизводить его предубеждения»¹⁷.

На сегодняшний день существует ряд проблем, связанных с неочевидными алгоритмами работы систем с ИИ, для лиц, использующих такие системы, нет доступной и понятной информации о факторах и степени их значимости для ИИ. На данный момент никакая система, обладающая самообучением, не способна в понятном для ее пользователя виде представить информацию, на основе каких критериев было принято решение. На основании этого возникает вопрос о правильности, стоит ли опираться на результат системы с ИИ, потому что, принимая такое решение, у человека отсутствует уверенность в его правильности.

По нашему мнению, ни одна система с ИИ не может и не будет отвечать в полной мере требованию прозрачности. Здесь следует понимать, что система с ИИ – это объект со сложной архитектурой, которая не позволяет понять ее «с наскока». Так, комментируя попытку продать похищенный исходный код поисковой машины «Яндекса», эксперт отметил, что это огромный комплекс программных решений, комплекс комплексов, для развертывания которого необходима схожая инфраструктура, содержащая несколько десятков тысяч серверов, которую могут позволить себе единицы компаний в мире¹⁸. Данное обстоятельство многократно усложняет процесс понимания человеком алгоритмов, которыми пользуется ИИ в процессе принятия того или

---

¹⁷ *Gershgorn D.* Microsoft warned investors that biased or flawed AI could hurt the company's image (2019, 5 February), Quartz. URL: <http://qz.com/1542377/microsoft-warned-investors-that-biased-or-flawed-ai-could-hurt-the-companys-image> (accessed: 21.12.2020).

¹⁸ Похищение исходного кода «Яндекса» в вопросах и ответах. URL: http://bbc.com/russian/russia/2015/12/151224_smj_yandex_stolen_code (дата обращения: 11.01.2021).

иною решения. В некоторых случаях трудности возникают при расшифровке и более простых, на первый взгляд, исходных кодов. Например, исследователям так и не удалось полностью расшифровать таблицу построения лабиринта в игре *Entombed*, выпущенной в 1982 г. для приставки Atari 2600 с весьма ограниченными по нынешним временам ресурсами [12, р. 422-423]. Наконец, не следует забывать, что система с ИИ – это система, которая не является статичной, она способна к самообучению и самосовершенствованию. То есть она изменяет сама себя под воздействием определенных внешних факторов. Каковы гарантии, что рано или поздно такая система в результате ошибки, заложенной при ее создании, не решит совершить противоправное деяние осознанно?

Подводя итог исследованию, отметим, что уже сейчас необходимо начать разработку нормативной правовой базы, регулирующей использование ИИ в уголовном судопроизводстве. Целью такой работы должна быть не попытка заменить судью-человека, а оказание помощи участникам уголовного судопроизводства в подготовке и принятии законного обоснованного и справедливого решений по делу. В этих условиях отечественным юристам, исследователям и практикам, нужно не оказаться в роли вечнодогоняющих технический прогресс, а действовать на упреждение, устанавливая «правила игры» еще до ее начала, то есть разрабатывать нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность ИИ сейчас, когда он еще не получил широкого распространения в отечественном судопроизводстве. При этом следует учитывать те положительные и негативные аспекты, с которыми уже столкнулись в других государствах.

Список литературы

1. *Смолин Д.В.* Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. М.: Физматлит, 2004. 208 с.
2. *Bellman R.E.* An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think? San Francisco: Boyd & Fraser Publishing Company, 1978. 146 p.
3. *Charniak E., McDermott D.* Introduction to Artificial Intelligence. Massachusetts: Addison-Wesley, 1985. 57 p.
4. *Rich E., Knight K.* Artificial Intelligence (second ed.). N. Y.: McGraw-Hill, 1991. 639 p.
5. *Poole D., Mackworth A.K., Goebel R.* Computational intelligence: A logical approach. Oxford, UK: Oxford University Press, 1998. 576 p.
6. *Тьюринг А.* Вычислительные машины и разум. М.: Изд-во АСТ, 2019. 128 с.
7. *Katz D.M., Bommarito M.J., Blackman J.* A general approach for predicting the behavior of the Supreme Court of the United States // PLoS ONE. 2017. № 12 (4). URL: <http://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0174698&type=printable> (accessed: 10.12.2019).

8. *Ларина Е.С., Овчинский В.С.* Искусственный интеллект. Этика и право. («Коллекция Изборского клуба»). М.: Кн. мир, 2020. 192 с.
9. *Meijer A., Wessels M.* Predictive Policing: Review of Benefits and Drawbacks // *International Journal of Public Administration*. 2019. № 12. P. 1031-1039.
10. *Sutherland A.A. et al.* Sexual Violence Risk Assessment: An Investigation of the Inter-rater Reliability of Professional Judgments Made Using the Risk for Sexual Violence Protocol // *International Journal of Forensic Mental Health*. 2012. Vol. 11. № 2. P. 571-588.
11. *Grimm C.M., Smart W.D., Hartzog W.* An Education Theory of Fault for Autonomous Systems // *Proceedings of We Robot 2017*. New Haven, 2017. P. 117-121. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/3278721.3278732> (accessed: 19.12.2020).
12. *Aycock J., Coppleson T.* Entombed: An archaeological examination of an Atari 2600 game // *The Art, Science, and Engineering of Programming*. 2019. Vol. 3. Issue 2. URL: <http://arxiv.org/abs/1811.02035> (accessed: 15.12.2020).

Поступила в редакцию 24.01.2021 г.

Поступила после рецензирования 20.02.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторах

Карташов Игорь Игоревич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права. Российский государственный университет правосудия, Центральный филиал, г. Воронеж, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0772-803X>, e-mail: iik_vrn@mail.ru

Карташов Иван Игоревич – младший юрист. Общество с ограниченной ответственностью «Смарт Резалт», г. Москва, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9617-5531>, iv.cartashov@gmail.com

Для цитирования

Карташов И.И., Карташов И.И. Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // *Актуальные проблемы государства и права*. 2021. Т. 5. № 17. С. 75-89. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-75-89

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-75-89

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: CRIMINAL AND PROCEDURAL ASPECTS

Igor I. Kartashov¹, Ivan I. Kartashov²

¹Russian State University of Justice

69 Novocheryomushkinskaya St., Moscow 117418, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0772-803X>, e-mail: iik_vrn@mail.ru

²Limited Liability Company “Smart Result”

7 Profsoyuznaya St., Moscow 117393, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9617-5531>, e-mail: iv.cartashov@gmail.com

Abstract. For millennia, mankind has dreamed of creating an artificial creature capable of thinking and acting “like human beings”. These dreams are gradually starting to come true. The trends in the development of modern society, taking into account the increasing level of its informatization, require the use of new technologies for information processing and assistance in decision-making. Expanding the boundaries of the use of artificial intelligence requires not only the establishment of ethical restrictions, but also gives rise to the need to promptly resolve legal problems, including criminal and procedural ones. This is primarily due to the emergence and spread of legal expert systems that predict the decision on a particular case, based on a variety of parameters. Based on a comprehensive study, we formulate a definition of artificial intelligence suitable for use in law. It is proposed to understand artificial intelligence as systems capable of interpreting the received data, making optimal decisions on their basis using self-learning (adaptation). The main directions of using artificial intelligence in criminal proceedings are: search and generalization of judicial practice; legal advice; preparation of formalized documents or statistical reports; forecasting court decisions; predictive jurisprudence. Despite the promise of using artificial intelligence, there are a number of problems associated with a low level of reliability in predicting rare events, self-excitation of the system, opacity of the algorithms and architecture used, etc.

Keywords: artificial Intelligence; criminal liability; justice; predictive jurisprudence; legal regulation

References

1. Smolin D.V. *Vvedeniye v iskusstvennyy intellekt: Konspekt lektsiy* [Introduction to Artificial Intelligence: Lecture Notes]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2004, 208 p. (In Russian).
2. Bellman R.E. *An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think?* San Francisco, Boyd & Fraser Publishing Company, 1978, 146 p.
3. Charniak E., McDermott D. *Introduction to Artificial Intelligence*. Massachusetts, Addison-Wesley Publ., 1985, 57 p.
4. Rich E., Knight K. *Artificial Intelligence (second ed.)*. New York, McGraw-Hill Publ., 1991, 639 p.

5. Poole D., Mackworth A.K., Goebel R. *Computational intelligence: A logical approach*. Oxford, United Kingdom, Oxford University Press, 1998, 576 p.
6. Turing A. *Vychislitel'nyye mashiny i razum* [Computing Machines and the Mind]. Moscow, AST Publ., 2019, 128 p. (In Russian).
7. Katz D.M., Bommarito M.J., Blackman J. A general approach for predicting the behavior of the Supreme Court of the United States. *PLoS ONE*, 2017, no. 12 (4). Available at: <http://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0174698&type=printable> (accessed 10.12.2019).
8. Larina E.S., Ovchinskiy V.S. *Iskusstvennyy intellekt. Etika i pravo. («Kollektsiya Izborskogo kluba»)* [Artificial Intelligence. Ethics and Law. ("Collection of the Izborsk Club")]. Moscow, Knizhny Mir Publ., 2020, 192 p. (In Russian).
9. Meijer A., Wessels M. Predictive policing: review of benefits and drawbacks. *International Journal of Public Administration*, 2019, no. 12, pp. 1031-1039.
10. Sutherland A.A. et al. Sexual violence risk assessment: an investigation of the interrater reliability of professional judgments made using the risk for sexual violence protocol. *International Journal of Forensic Mental Health*, 2012, vol. 11, no. 2, pp. 571-588.
11. Grimm C.M., Smart W.D., Hartzog W. An education theory of fault for autonomous systems. *Proceedings of We Robot 2017*. New Haven, 2017, pp. 117-121. Available at: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/3278721.3278732> (accessed 19.12.2020).
12. Aycock J., Coppleson T. Entombed: an archaeological examination of an atari 2600 game. *The Art, Science, and Engineering of Programming*, 2019, vol. 3, issue 2. Available at: <http://arxiv.org/abs/1811.02035> (accessed 15.12.2020).

Received 24 January 2021

Reviewed 20 February 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the authors

Igor I. Kartashov – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Procedure Law Department. Russian State University of Justice, Central Branch, Voronezh, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0772-803X>, e-mail: iik_vrn@mail.ru

Ivan I. Kartashov – Junior Lawyer. Limited Liability Company “Smart Result”, Moscow, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9617-5531>, e-mail: iv.cartashov@gmail.com

For citation

Kartashov I.I., Kartashov I.I. *Iskusstvennyy intellekt: ugolovno-pravovoy i protsessual'nyy aspekty* [Artificial intelligence: criminal and procedural aspects]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 75-89. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-75-89 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-90-98

УДК 343.82

Шифр научной специальности 12.00.08

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ОСУЖДЕННЫХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ В НОРМАХ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ИНСТИТУТ ВЫЕЗДА ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛЫ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Н.С. Ковалев

ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России»

654066, Российская Федерация, г. Новокузнецк, пр-т Октябрьский, 49

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4221-9767>, e-mail: dddес2017@mail.ru

Аннотация. Одним из направлений эффективного правового регулирования уголовно-исполнительных правоотношений является соответствие правотворческой и правореализационной деятельности требованиям фундаментальных положений уголовно-исполнительного законодательства. Объектом исследования является реализация принципа равенства осужденных перед законом посредством закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве равных прав, обязанностей и законных интересов осужденных. Предметом исследования выступают нормы уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие институт выезда осужденных за пределы исправительного учреждения. Обозначена связь изучаемого явления с правотворческим и правореализационным аспектом уголовно-исполнительного права. Обозначены некоторые правотворческие и правореализационные уголовно-исполнительные проблемы, которые непосредственно связаны с закреплением и применением норм уголовно-исполнительного законодательства при предоставлении осужденным права выезда за пределы исправительной колонии для свидания с детьми. В качестве методологической основы познания были использованы: общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, которые позволили исследовать аспекты уголовно-исполнительной правовой действительности, непосредственно связанной с реализацией принципов уголовно-исполнительного законодательства, сформулировать обоснованные выводы; частнонаучные методы – формально-юридический и сравнительно-правовой – позволили выявить проблемы правового регулирования, разработать предложения по изменению законодательства. В результате проведенного исследования выявлены нормы уголовно-исполнительного законодательства, противоречащие принципу равенства осужденных перед законом, предложены пути устранения выявленных противоречий.

Ключевые слова: принципы; уголовно-исполнительное законодательство; равенство осужденных перед законом; институт права; норма права; выезд осужденных за пределы ИУ; свидания; дети-инвалиды; несовершеннолетние

Большое внимание научных и практических деятелей современности сфокусировано на изучении и развитии уголовно-исполнительного права. За совершенно непродолжительный период действия в пенитенциарное законодательство России было внесено значительное количество изменений и дополнений. Однако некоторые новеллы на практике очень редко реализуются и, как отмечается в науке, обречены стать «нормами-фикциями» [1, с. 127-128].

Такие корректировки законодательства не всегда учитывают реальность положения в местах лишения свободы, вследствие чего допускаются нарушения как со стороны правотворческих, так и правоприменительных органов, заложенных в нем фундаментальных положений.

Целью исследования является анализ норм уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих институт выезда осужденных за пределы исправительных учреждений, на предмет их соответствия требованиям принципа равенства осужденных перед законом (далее – принцип равенства). Предложено решение для устранения таких несоответствий для дальнейшего внедрения в правоприменительную практику.

Принцип равенства, выступая одним из фундаментальных основ уголовно-исполнительного права, определяет не только особенности внутреннего строения норм уголовно-исполнительного законодательства, но и содержание уголовно-исполнительных правоотношений. Данный принцип действует опосредованно, выражаясь в нормах, регулирующих все аспекты уголовно-исполнительных правоотношений [2, с. 294].

Содержание понятия принципа равенства не нашло отражения в основном законе нашего государства, регламентирующего вопросы исполнения и отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера (далее – УИК РФ, Кодекс)¹, как, впрочем, и содержание всех принципов уголовно-исполнительного законодательства. Такой «недостаток» Кодекса носит объективно-субъективных ха-

---

¹ О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 08.01.1997 № 2-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12941/ (дата обращения: 08.01.2021).

рактически. С одной стороны, принципы исполнения уголовных наказаний явились объективным фактором развития общественных отношений в данной сфере. С другой – мнения разработчиков проектов УИК РФ о количестве и содержании каждого из предлагаемых принципов были различны. Ввиду этого было принято компромиссное решение, представляющее возможность официального и доктринального их толкования [3, с. 488].

Анализ общемировых и региональных международных документов специального характера, в нормах которых находит отражение принцип равенства, мнений ученых современности о содержании понятия данного принципа позволяет сделать вывод о том, что в основе исследуемого принципа заложены следующие признаки:

1) требование о недопустимости дифференциации правового положения осужденных к одинаковым видам наказаний по дискриминирующим признакам, закрепленным в Конституции РФ;

2) дифференциация правового положения наиболее уязвимых категорий осужденных (дети, женщины, инвалиды и др.) не считается дискриминацией остальных осужденных.

В условиях гуманизации уголовной политики Российской Федерации складывается тенденция к снижению количества осужденных в местах лишения свободы. За последние пять лет количество осужденных в местах лишения свободы снизилось практически на 20 %, однако, по-прежнему показатели достаточно высоки (по состоянию на июль 2020 года более 390000 осужденных)².

Институт выезда осужденных за пределы исправительного учреждения (далее – институт выезда) достаточно подробно исследован в науке уголовно-исполнительного права. Ученые отмечали, что важное социально-правовое значение данного института заключается в стимулировании правопослушного поведения осужденных. Соглашаясь с их мнением, следует добавить еще и другую, не менее значимую составляющую института выезда – это возможность поддержания и сохранения социально-полезных связей осужденных с семьей.

Правовая природа данного института относит его к категории законных интересов осужденного, который не охватывается содержанием закрепленных УИК РФ прав, но подлежит государственной защите и охраняется законом. Во всех проведенных исследованиях ученые

---

² См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, январь–июнь 2020 г.: информационно-аналитический сборник. Тверь.

подчеркивали, что эта норма применяется очень редко. С.Н. Дендебер отмечал, что на практике редко предоставляется осужденным выезд за пределы исправительного учреждения (далее – ИУ). Это обусловлено опасением администрации ИУ о возможном неправомерном поведении осужденного за пределами ИУ [4, с. 16].

Анализ норм института выезда позволил выдвинуть предположение о том, что данные нормы находятся в противоречии с принципом равенства: в частности, в отношении осужденных мужского пола, имеющих несовершеннолетних детей.

До введения частей 2.1 и 2.2 статьи 97 УИК РФ³ ряд ученых акцентировали внимание на том, что предоставление выездов за пределы ИУ для свиданий с детьми-инвалидами только осужденным женщинам ущемляет права осужденных отцов и, как следствие, нарушает принцип равенства осужденных перед законом [5, с. 10; 6, с. 99].

М.В. Щербакова писала: «Надо отметить и важную роль отца в воспитании ребенка. Лишение свободы кого-либо из родителей не должно разрушать семью, поэтому представляется необходимым закрепить в законе право выезда отца к несовершеннолетним детям-инвалидам на срок до пятнадцати суток раз в год для свидания с ними» [7, с. 102].

Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 200-ФЗ⁴ часть 2 статьи 97 УИК РФ была дополнена частями 2.1 и 2.2. На основании внесенных изменений у осужденных женщин и осужденных мужчин, за исключением указанных в части 3 статьи 97 УИК РФ⁵, появился законный интерес на: 1) свидание с несовершеннолетним ребенком-инвалидом четыре раза в год, продолжительностью 15 суток каждое, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно; 2) свидание с ребенком, не достигшим четырнадцатилетнего возраста, два раза в год, продолжительностью 10 суток каждое, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно.

---

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (редакция от 08.12.2003). URL: https://base.garant.ru/57428750/aa6f3692e07ca8b8d62a17643d65dddf6/#block_9702 (дата обращения: 08.01.2021).

⁴ О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав детей, родители которых отбывают наказание в виде лишения свободы: Федеральный закон от 26.07.2017 № 200-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220895/ (дата обращения: 11.01.2021).

⁵ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (редакция от 26.07.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/7a59d6a2ca433c0c804b93697cab5f7f1990fd0a/ (дата обращения: 08.01.2021).

Однако, в соответствии с частью 2.1 статьи 97 УИК РФ, если на соответствующую категорию осужденных женщин данное правило распространяется без каких-либо ограничений (вне зависимости от наличия или отсутствия отца ребенка), то для соответствующей категории мужчин законом установлены ограничения. Они могут использовать право на реализацию данного законного интереса лишь в случае, если являются единственными родителями таких детей. Аналогичная ситуация закреплена и в части 2.2 статьи 97 УИК РФ.

При анализе данной ситуации целесообразно обратиться к нормам Конституции РФ и иных отраслей права. В соответствии со статьей 38 Конституции РФ⁶ забота о детях, их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей.

Вопросы материнства, отцовства, воспитания и образования детей в соответствии с частью 2 статьи 31 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)⁷ решаются совместно и основываются на принципе равенства супругов. «Родители несут равные права и обязанности в отношении своих детей» – закреплено в части 1 статьи 61 СК РФ. Особо подчеркивается в статье 55 СК РФ право самого ребенка на общение с обоими родителями. Также следует обратить внимание на нормы СК РФ, согласно которым родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей, по сравнению с иными лицами. Право на воспитание ребенка – это неотъемлемое право родителя, которого он может быть лишен только судом не иначе как по основаниям, закрепленным в СК РФ (статьи 69, 71, 73, 74).

В соответствии с частью 2 статьи 256 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ)⁸ отпуска по уходу за ребенком могут быть использованы полностью или по частям также отцом ребенка (бабушкой, дедушкой, другим родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ребенком). Из этого следует, что осужденные женского и мужского пола имеют равные права и обязанности в вопросах воспитания детей.

---

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/58e82f7427fb7280ac3860e0176dcd68d75f2546/ (дата обращения: 08.01.2021).

⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/147636abacca1216aa2d431aa2c6dc3fd7864d56/ (дата обращения: 09.01.2021).

⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/7f9229768de994c7e169c7fba268283a6b08e71d/ (дата обращения: 09.01.2021).

Применительно к уголовно-исполнительным правоотношениям осужденные, являющиеся родителями несовершеннолетних детей, также должны быть равны в вопросах реализации родительских прав и обязанностей, в том числе и специальных, в частности на свидания с несовершеннолетними детьми.

По официальным данным Росстата, на 1 января 2020 г. в России проживает 68,1 миллиона мужчин, из них отцов, являющихся единственным родителем ребенка в возрасте до 18 лет, – 654969 человек, что составляет менее одного процента (0,96 %) от общего числа мужчин, проживающих в России⁹.

В исправительных колониях общего и строгого режимов, в колониях-поселениях, по состоянию на апрель 2020 г., отбывало наказание 327608 осужденных мужчин¹⁰.

Соотнеся данное количество осужденных с процентом мужчин, являющихся единственным родителем ребенка, получается, что таковыми являются чуть более трех тысяч осужденных мужчин по всей стране (без учета ограничений в соответствии с частью 3 статьи 97 УИК РФ).

Следует отметить еще один немаловажный аспект данного правового явления. Опрос сотрудников исправительных колоний Новосибирской и Кемеровской областей о том «Как часто в деятельности Вашей ИК предоставляются выезды осужденных за пределы ИК для свидания с детьми?», в процентном соотношении выглядит следующим образом: «не предоставляются» – 78 %, «предоставляются» – 12 %, затруднились ответить – 10 %.

При ответах на вопрос: «Назовите, на Ваш взгляд, основные причины, по которым администрация ИК не предоставляет такие свидания», отметили, что «в целях недопущения совершения осужденным преступлений и правонарушений» – 57 %, «осужденные не обращаются» – 28 %, «не решен вопрос об организации контроля и надзора за осужденными» – 15 %.

Следовательно, практика применения данных положений УИК РФ дает основания говорить об их декларативном характере. Более того, встает вопрос о постановке в заведомо невыгодное положение осужденных мужчин, не являющихся единственным родителем, но в то же время, по закону, не способных реализовать свой законный интерес на такие свидания, будучи даже положительно характеризующимися.

---

⁹ Численность мужчин и женщин в Российской Федерации (по состоянию на 01.01.2020). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#> (дата обращения: 30.12.2020).

¹⁰ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России, январь–март 2020 г.: информационно-аналитический сборник. Тверь, 2020. С. 10.

Выводы. На основе представленных данных можно констатировать, что, во-первых, родители имеют равные права и равные обязанности в воспитании детей, во-вторых, допускается дискриминация осужденных мужчин, положительно характеризующихся и вставших на путь исправления, но не являющихся единственным родителем законного ребенка.

В целях реализации принципа равенства предлагается исключить из норм уголовно-исполнительного законодательства ограничения в возможности свидания с законным несовершеннолетним ребенком-инвалидом, а также законным ребенком, не достигшим четырнадцати лет, для осужденных мужчин.

Список литературы

1. Южанин В.Е. Нормы-фикции в институте исполнения наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 2. С. 124-129.
2. Головастова Ю.А. Принципы уголовно-исполнительного права // Евразийский юридический журнал. 2019. № 1 (128). С. 294-301.
3. Уголовно-исполнительное право России / под ред. В.И. Селиверстова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. 544 с.
4. Дендебер С.Н. Институт выездов осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. 23 с.
5. Щербакова М.В. Обеспечение прав и законных интересов осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 29 с.
6. Щербакова М.В. Право осужденных на выезд за пределы исправительного учреждения // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 9 (87). С. 99-102.

Поступила в редакцию 13.01.2021 г.

Поступила после рецензирования 06.02.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторе

Ковалев Николай Сергеевич – преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования. Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4221-9767>, e-mail: dddes2017@mail.ru

Для цитирования

Ковалев Н.С. Реализация принципа равенства осужденных перед законом в нормах, регламентирующих институт выезда осужденных за пределы исправительной колонии: некоторые проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 90-98. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-90-98

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-90-98

IMPLEMENTATION OF EQUALITY PRINCIPLE OF CONVICTS UNDER THE LAW IN THE NORMS REGULATING THE INSTITUTION OF CONVICTS' DEPARTURE OUTSIDE THE PENITENTIARY: SOME ISSUES AND WAYS TO SOLVE THEM

Nikolai S. Kovalev

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

49 Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk 654066, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4221-9767>, e-mail: dddes2017@mail.ru

Abstract. One of the areas of effective legal regulation of penal legal relations is the compliance of lawmaking and law-enforcement activities with the requirements of the fundamental provisions of penal legislation. The object of the research is the implementation of the equality principle of convicts under the law through the consolidation of equal rights, duties and legitimate interests of convicts in the penal legislation. The subject of the research is the penal legislation norms governing the institution of the convicts' departure outside the penitentiary. We indicate the connection of the phenomenon under study with the lawmaking and law-enforcement aspect of penal law. We outline some of the law-making and law-enforcement penal issues that are directly related to the consolidation and application of the penal legislation norms when granting convicts the right to leave the penitentiary to visit children. As a methodological basis for cognition, the following are used: general scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction, which make it possible to investigate aspects of penal legal reality directly related to the implementation of the principles of penal legislation, to formulate well-grounded conclusions; private scientific methods – formal legal and comparative legal – make it possible to identify problems of legal regulation, develop proposals for changing legislation. As a result of the study, we identify the penal legislation norms that contradict the equality principle of convicts under the law, and propose ways to eliminate the identified contradictions.

Keywords: principles; penal legislation; equality of convicted under the law; institution of law; legal norm; convicts' departure outside the penitentiary; visits; disabled children; minors

References

1. Yuzhanin V.E. Normy-fiksii v institute ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody [Fiction norms in the institute of execution of punishment in the form of deprivation of liberty]. *Ugolovno-ispolnitel'noye pravo – Penal Law*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 124-129. (In Russian).
2. Golovastova Y.A. Printsipy ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Principles of criminal-executive law]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*, 2019, no. 1 (128), pp. 294-301. (In Russian).

3. Seliverstov V.I. (ed.). *Ugolovno-ispolnitel'noye pravo Rossii* [Penal Law in Russia]. Moscow, 2008, 544 p. (In Russian).
4. Dendeber S.N. *Institut vyyezdov osuzhdennykh k lisheniyu svobody za predely ispravitel'nykh uchrezhdeniy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Institute of Travels of Convicts to Imprisonment Outside Correctional Institutions Penitentiary. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Ryazan, 2012, 23 p. (In Russian).
5. Shcherbakova M.V. *Obespecheniye prav i zakonnykh interesov osuzhdennykh k lisheniyu svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Ensuring the Rights and Legitimate Interests of those Sentenced to Imprisonment. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Chelyabinsk, 2007, 29 p. (In Russian).
6. Shcherbakova M.V. Pravo osuzhdennykh na vyyezd za predely ispravitel'nogo uchrezhdeniya [The right of convicts to leave the boundaries of the penitentiary]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2007, no. 9 (87), pp. 99-102. (In Russian).

Received 13 January 2021

Reviewed 6 February 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the author

Nikolai S. Kovalev – Lecturer of the Regime Organization, Security and Convoying Department. Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4221-9767>, e-mail: dddes2017@mail.ru

For citation

Kovalev N.S. Realizatsiya printsipa ravenstva osuzhdennykh pered zakonom v normakh, reglamentiruyushchikh institut vyyezda osuzhdennykh za predely ispravitel'noy kolonii: nekotoryye problemy i puti ikh resheniya [Implementation of equality principle of convicts under the law in the norms regulating the institution of convicts' departure outside the penitentiary: some issues and ways to solve them]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 90-98. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-90-98 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-99-116

УДК 346.32

Шифр научной специальности 12.00.03

ИНСТИТУТ СРОКА В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПРОБЛЕМЫ В ИХ ОПРЕДЕЛЕНИИ И ИСЧИСЛЕНИИ

В.В. Крамской^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4186-7765>, e-mail: vkramskoy@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен институт срока для целей его использования в положениях государственных (муниципальных) контрактов, заключаемых для закупок товаров, работ, услуг по обеспечению государственных и муниципальных нужд. Основной целью явилась систематизация положений законодательства о контрактной системе в части правовой регламентации установления сроков в рамках государственных (муниципальных) контрактов и постановка проблемы их непоследовательного правового регулирования, что негативным образом сказывается на процессе позитивного правоприменения. При этом исследовательский акцент сделан на выявлении различий законодательного подхода к регламентированию порядка исчисления отдельных видов сроков в рамках государственного (муниципального) контракта. В частности, проанализирована избирательность в вопросе выбора продолжительности сроков совершения юридически значимых действий в зависимости от статуса участника закупки, исследованы вопросы целесообразности использования различных единиц измерения сроков, в том числе в рамках одних и тех же подинститутов срока и др. Приведены авторские идеи по оптимизации законодательства в данном вопросе. Методологическую основу исследования составили методы анализа и синтеза, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, предпринят плюралистический подход к освещению затрагиваемой проблематики.

Ключевые слова: контракт; срок; календарный день; рабочий день; заказчик; поставщик (подрядчик, исполнитель)

Современное правовое регулирование вопросов функционирования контрактной системы являет собой пример гипердинамично изменяю-

щегося процесса, который обретает форму постоянно вносимых в текст Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее по тексту – «федеральный закон о контрактной системе») новелл. Сказать, какое именно количество точечных, а иногда и концептуальных, изменений претерпел названный нормативный правовой акт, не возьмется, наверное, ни один из экспертов, поскольку без преувеличения таких трансформаций по состоянию на сегодня можно насчитать более одной тысячи.

Многочисленные преобразования, которые испытывает на себе текст федерального закона о контрактной системе, можно объяснить несколькими факторами: это, в первую очередь, меняющаяся система организационно-экономических отношений между заказчиками и участниками закупок с тенденцией укрепления императивных начал в целях поддержания более высокого уровня исполнительской дисциплины, во-вторых, неизбежные процессы эволюции товарно-денежных отношений и проводимая в связи с этим государственная политика, в том числе по укреплению основ российской экономики, но и, безусловно, в-третьих, необходимость исправления существующих юридико-технических ошибок.

За всем многообразием законодательных нововведений есть ряд правовых институтов, которые в сфере контрактной системы если и подвергаются преобразованию, то, как правило, несущественному. Одним из таковых, по нашему мнению, выступает институт срока в рамках государственного (муниципального) контракта.

Институт срока в сфере действия контрактной системы используется не только применительно к правилам составления текста контракта, которые поименованы преимущественно в статье 34 федерального закона о контрактной системе, но и в части инициирования самой процедуры закупок уже на стадии планирования, размещения ofertно-акцептных сообщений (стадия определения поставщика, подрядчика или исполнителя), мониторинга и контроля совершаемых закупок товаров, работ, услуг, обжалования действий (бездействия) заказчиков, иных лиц и др. Однако в данной статье мы остановимся на исследовании исключительно института срока, реализуемого в положениях заключаемых контрактов на поставку товаров, работ, услуг для обеспе-

---

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд от 05.04.2013 № 44-ФЗ (действ. ред. с учетом изменен. и доп.) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

чения государственных и муниципальных нужд и разности подходов к их законодательному определению.

В современной юридической печати проблема исчисления сроков, используемых в рамках контрактной системы, уже поднималась неоднократно. Однако большинство заметок ученых и практических работников сводится к обсуждению вопросов о существенном характере условия о сроке для каждого государственного (муниципального) контракта [1, с. 49], непоследовательности законодателя в вопросе исчисления сроков [2, с. 109], последствиях нарушения срока размещения отчета об исполнении контракта [3, с. 250], сроках заключения контракта [4, с. 38], сроках действия предоставленного обеспечения исполнения контракта [5, с. 118] и др. Обобщая изложенное, можно отметить, что в массе своей работы, посвященные исследованию института срока в рамках государственного (муниципального) контракта, сосредоточены на исследовании отдельных его аспектов. Говоря точнее, внимание авторов работ приковано к различным подинститутам института срока. В данной статье исследовательский акцент сделан именно на выявлении всех подинститутов института срока в рамках государственного (муниципального) контракта, выявлении общего, особенного и единичного в порядке их исчисления.

Прежде чем перейти к характеристике института срока, используемого в рамках государственного (муниципального) контракта, описанию каждого из его видов, а также определению проблем правоприменительного порядка и путей их решения, рассмотрим общие положения гражданского законодательства.

Гражданским кодексом Российской Федерации регламентация сроков осуществляется как в направлении порядка их исчисления, так и в ключе определения сроков в качестве существенного условия того или иного обязательства.

Согласно статье 190 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее по тексту – «ГК РФ») установленный сделкой срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Кроме того, срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить. В качестве подобного рода событий, наступление которых не зависит от воли или действий сторон договорно-

---

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Часть первая (действ. ред. с учетом изменен. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

го обязательства, можно назвать наступление ледостава, его завершение, урожай злаковых культур и др.

Для заключения государственных (муниципальных) контрактов определение срока будь то исполнения обязательства по государственному (муниципальному) контракту поставщиком (подрядчиком, исполнителем) или исполнения государственным (муниципальным) заказчиком обязательства по оплате исполненного предмета государственного (муниципального) контракта наступлением какого-либо события не является распространенной практикой, поскольку для целей бюджетного планирования, реализации доведенных до государственного (муниципального) заказчика лимитов бюджетных обязательств соблюдение установленных сроков влияет на уровень финансовой дисциплины.

Анализируя положения федерального закона о контрактной системе в части сроков, используемых в рамках уже заключенного контракта, можно привести следующие их виды:

- срок действия государственного (муниципального) контракта;
- срок исполнения обязательств по реализации предмета контракта или его отдельного этапа;
- срок приемки заказчиком исполнения обязательств поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по контракту;
- срок оплаты заказчиком результата исполнения обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя);
- срок предоставления обеспечения исполнения контракта или гарантийного обязательства;
- срок действия предоставленного поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обеспечения исполнения контракта и гарантийных обязательств;
- срок действия гарантийных обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя) по предмету государственного (муниципального) контракта;
- срок возврата заказчиком поставщику (подрядчику, исполнителю) денежных средств, внесенных им в качестве обеспечения исполнения государственного (муниципального) контракта и гарантийных обязательств;
- срок предоставления информации о соисполнителях (субподрядчиках), заключивших договор с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) в рамках исполнения основного государственного (муниципального) контракта.

Рассмотрим каждый из этих видов срока в отдельности, обращая особое внимание на порядок их исчисления.

1. *Срок действия государственного (муниципального) контракта* представляет собой отрезок времени, в течение которого его стороны, а именно: государственный (муниципальный) заказчик и поставщик (подрядчик, исполнитель) реализуют права и несут обязанности, предусмотренные государственным (муниципальным) контрактом и законом. Определение срока действия контракта необходимо для составления плана-графика закупки, расчета срока действия банковской гарантии или срока внесения денежных средств на депозит в качестве обеспечения исполнения контракта. В последующем – на стадии заключения контракта – условие о сроке действия контракта в тексте контракта должно соотноситься с планом-графиком в части планируемого срока окончания исполнения контракта.

Применительно к сроку действия государственного (муниципального) контракта федеральный закон о контрактной системе не содержит императивных правил по его определению в конкретной единице измерения в тексте контракта. Следовательно, в этой части возможно использование общих положений ГК РФ с учетом вышеназванных оговорок.

2. *Срок исполнения обязательств по реализации предмета контракта или его отдельного этапа.*

Если срок действия контракта представляет собой отрезок времени, в пределах которого контрагенты реализуют предоставленные им контрактом и законом права и обязанности, то срок исполнения обязательств по реализации предмета контракта – это период времени, в пределах которого поставщик (подрядчик, исполнитель) должен материализовать предмет контракта в пользу заказчика, а именно: поставить товар, выполнить работу, оказать услугу. Как правило, роль существенного условия в любом гражданско-правовом договоре, равно как и в государственном (муниципальном) контракте, играет именно срок исполнения обязательств, а не столько срок действия контракта. Об этом говорится в пункте 1 статьи 508 «Периоды поставки товара», пункте 1 статьи 708 «Сроки выполнения работ» и статье 783 «Правовое регулирование договора возмездного оказания услуг» ГК РФ³. Основное правило, которое подразумевает под собой выделение в рамках срока действия контракта срока исполнения его предмета (обяза-

---

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Часть вторая (действ. ред. с учетом изменен. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

тельств), состоит в необходимости в пределах срока действия контракта сторонам совершить все юридически значимые действия, связанные с его исполнением: поставщику (подрядчику, исполнителю) соответственно поставить товар, выполнить работу, оказать услугу, а заказчику принять исполнение по контракту и оплатить товар, работу, услугу в обусловленном размере. Срок исполнения обязательств по реализации предмета контракта может быть поделен на составляющие его этапы, что не меняет сути данного правового подинститута.

Применительно к сроку исполнения обязательств по реализации предмета контракта федеральный закон о контрактной системе также не содержит императивных правил по его определению в конкретной единице измерения в тексте контракта. Использование общих положений ГК РФ для определения порядка исчисления и единиц измерения данного срока также возможно. При этом идеальной является правовая конструкция, при которой срок исполнения предмета (обязательств) по контракту и срок действия контракта разнесены во времени, и срок действия контракта должен быть более продолжительным, нежели чем срок исполнения предмета (обязательств) по контракту.

3. Срок приемки заказчиком исполнения обязательств поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по контракту.

Срок приемки заказчиком исполнения обязательств поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по контракту представляет собой период времени, в течение которого заказчик должен определить соответствие поставленного товара, результата выполненной работы или оказанной услуги своим потребностям, сформулированным в контракте, и оформить соответствие установленным требованиям или отклонение от них результата реализации предмета контракта документом о приемке.

Федеральный закон о контрактной системе не содержит императивных правил по определению данного вида срока. При формулировании условий проекта контракта о сроке приемки заказчиком исполнения обязательств поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по контракту правоприменитель ориентируется на:

- принцип разумности, в соответствии с которым срок, отводимый на принятие исполнения по контракту, должен соответствовать сути самого контракта;
- объем исполнения по контракту;
- общий срок действия контракта и срок оплаты заказчиком результата исполнения обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя).

Условие о сроке приемки заказчиком исполнения обязательств поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по контракту в случае его договорного (контрактного) урегулирования является оценочным по критерию установления со стороны заказчика и формулируется им на стадии определения поставщика (подрядчика, исполнителя) самостоятельно с учетом вышеуказанных общих положений ГК РФ.

4. *Срок оплаты заказчиком результата исполнения обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя).*

Срок оплаты товара, результата работ, услуг подразумевает под собой срок выплаты аванса, если таковой предусмотрен контрактом, а также сроки окончательных расчетов между сторонами контракта относительно исполнения его предмета.

Федеральным законом о контрактной системе предусмотрено, что по общему правилу срок оплаты поставленного товара, результата выполненной работы, оказанной услуги должен составлять не более 30 дней со дня подписания заказчиком документа о приемке исполнения по контракту.

Вместе с тем, если контрагентом заказчика выступает субъект малого предпринимательства или социально ориентированная некоммерческая организация, то срок оплаты исполнения по контракту, включая срок оплаты исполнения по контракту в рамках отдельного его этапа, не должен превышать 15 рабочих дней со дня подписания заказчиком документа о приемке исполнения по контракту (часть 13.1 статьи 34 федерального закона о контрактной системе).

Применительно к сроку оплаты заказчиком результата исполнения обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя) федеральный закон о контрактной системе содержит императивные правила по его определению в конкретной единице измерения в тексте контракта. Использование общих положений ГК РФ здесь невозможно.

Отправной точкой отсчета срока оплаты исполнения по контракту служит день принятия заказчиком либо поставленного товара, либо результата выполненной работы, либо результата оказанной услуги, что оформляется документом о приемке.

В случае авансирования оплаты исполнения по контракту исчисление срока оплаты исполнения по контракту, как правило, осуществляется от даты заключения контракта до дня непосредственного начала исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) предмета контракта.

Если провести сравнение сроков оплаты предмета исполнения контракта, как в общем порядке – срок, не превышающий 30 календарных дней, так и в специальном – срок, не превышающий 15 рабочих дней, то можно заметить, что на практике продолжительность 15-дневного срока, исчисляемого рабочими днями, немногим меньше продолжительности течения 30-дневного календарного срока. Фактически 15-дневный срок, исчисляемый рабочими днями, равен 21 календарному дню. В этой связи представляется целесообразным законодательное уточнение 30-дневного срока, установленного частью 13.1 статьи 34 федерального закона о контрактной системе, приведение его к порядку исчисления в рабочих днях.

5. Срок предоставления обеспечения исполнения контракта или гарантийного обязательства.

В определенных случаях на поставщике (подрядчике, исполнителе) лежит обязанность предоставить обеспечение исполнения контракта или гарантийного обязательства. Соответственно этому должна быть правовая регламентация вопроса о сроке предоставления поставщиком (подрядчиком, исполнителем) таких обеспечений.

Срок предоставления обеспечения исполнения контракта или гарантийного обязательства являет собой период времени, в течение которого лицо, признанное поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по итогам процедур определения поставщика (подрядчика, исполнителя), должно направить в адрес заказчика подтверждение обеспечения исполнения контракта, обеспечения гарантийных обязательств.

Согласно части 3 статьи 83.2 федерального закона о контрактной системе после завершения электронной процедуры определения поставщика (подрядчика, исполнителя) заказчик должен разместить в единой информационной системе проект контракта, подлежащего подписанию поставщиком (подрядчиком, исполнителем) в течение 5 дней со дня такого размещения и в этот же срок должен, в случае установления заказчиком требования об обеспечении исполнения контракта, предоставить таковое в виде банковской гарантии либо посредством внесения денежных средств на указанный заказчиком счет. При заключении контракта по итогам проведения запроса котировок, запроса предложений или конкурса срок заключения контракта также регламентирован (часть 2 статьи 54, часть 13 статьи 78, часть 17 статьи 83 федерального закона о контрактной системе).

Если со сроком предоставления обеспечения исполнения контракта ситуация с точки зрения правовой регламентации ясна, то со сроком

предоставления обеспечения исполнения гарантийных обязательств существует некая неопределенность.

Так, согласно части 7.1 статьи 94 федерального закона о контрактной системе, если заказчиком на стадии определения поставщика (подрядчика, исполнителя) было установлено требование о необходимости предоставления гарантийных обязательств и, следовательно, установлено требование об обеспечении исполнения таких обязательств, то в ходе исполнения контракта окончательное принятие исполнения по нему – поставленного товара, результата выполненной работы, оказанной услуги – должно осуществляться заказчиком только после того, как им будет предоставлено обеспечение исполнения гарантийных обязательств в порядке и сроки, которые установлены контрактом.

Другими словами, вопрос определения срока предоставления обеспечения гарантийных обязательств протекает в дискреционном русле и возлагает решение данного вопроса к усмотрению заказчика при формулировании им условий проекта контракта. Федеральный закон о контрактной системе кроме как положения о необходимости оформления документа о приемке исполнения по контракту только после предоставления поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обеспечения гарантийного обязательства в установленные контрактном сроки, иного правового регулирования данного вопроса не содержит (часть 7.1 статьи 94).

6. Срок действия предоставленного поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обеспечения исполнения контракта и гарантийных обязательств.

Срок действия предоставленного поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обеспечения исполнения контракта и гарантийных обязательств напрямую связан с институтом обеспечения исполнения контракта и гарантийных обязательств.

Основное обязательство по реализации предмета контракта и следующее за ним гарантийное обязательство поставщика (подрядчика, исполнителя) может быть обеспечено как банковской гарантией, так и денежными средствами, внесенными на счет, указанный заказчиком.

В соответствии с частью 3 статьи 96 федерального закона о контрактной системе срок действия банковской гарантии для каждого из случаев определяется поставщиком (подрядчиком, исполнителем) самостоятельно, но при этом должно соблюдаться условие о том, что коль скоро срок действия банковской гарантии зависит от срока действия обязательств по реализации предмета контракта, срок действия

банковской гарантии должен превышать по продолжительности не менее чем на один месяц срок действия такого обязательства.

Относительно срока действия обеспечения исполнения контракта (основного обязательства) путем внесения денежных средств на счет, указанный заказчиком, федеральный закон о контрактной системе прямого ответа не содержит.

Однако из положений части 27 статьи 34 федерального закона о контрактной системе следует, что срок возврата заказчиком поставщику (подрядчику, исполнителю) денежных средств, внесенных в качестве обеспечения исполнения контракта, не должен превышать 30 дней с даты исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом, а в случае, если контрагентом заказчика является субъект малого предпринимательства или социально ориентированная некоммерческая организация, такой срок не должен превышать 15 дней с даты исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом.

Тем самым, исходя из положений приведенных правовых норм, посредством приемов толкования норм права можно прийти к выводу о том, что срок действия предоставленного поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обеспечения исполнения контракта в виде обеспечительного платежа сопряжен со сроком возврата денежных средств, внесенных в качестве обеспечения исполнения контракта.

Здесь следует обратить внимание на то, что положения части 27 статьи 34 федерального закона о контрактной системе регламентируют обеспечение исполнения основного обязательства, но не обеспечение гарантийного обязательства поставщика (подрядчика, исполнителя). В отношении срока удержания денежных средств, внесенных в качестве обеспечения исполнения гарантийных обязательств, или другими словами, в отношении срока действия обеспечительного платежа по гарантийным обязательствам, федеральный закон о контрактной системе оговорок не содержит.

Ввиду этого существует проблемный аспект в правоприменительной практике, связанный с определением срока действия обеспечения гарантийных обязательств.

Совершенно очевидно, что в решении вопроса определения срока действия обеспечения гарантийных обязательств необходимо отталкиваться от срока действия самих гарантийных обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя). Рассмотрим срок действия гарантийных обязательств более подробно.

7. Срок действия гарантийных обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя) по предмету государственного (муниципально-го) контракта.

В соответствии с частью 4 статьи 33 федерального закона о контрактной системе в извещении об осуществлении закупки заказчик должен установить при необходимости требования к гарантии качества товара, работы, услуги. В свою очередь, после проведения процедуры торгов заложенные в извещении об осуществлении закупки условия о сроке гарантийных обязательств должны быть также указаны в проекте контракта, подлежащем заключению (пункт 1 части 13 статьи 34 федерального закона о контрактной системе).

При определении гарантий качества товара, работы, услуги следует исходить из того, что в отношении предполагаемых к закупке продуктов питания, парфюмерных косметических товаров, медикаментов, товаров бытовой химии и иных подобных товаров устанавливается срок годности, а в отношении товаров, кроме вышепоименованных, результатов работ, услуг – гарантийный срок.

При проведении закупки машин, оборудования заказчиком должно быть установлено требование о продолжительности гарантийного срока на приобретаемые машины и оборудование.

Определение срока продолжительности гарантии качества товара, работы, услуги (гарантийного срока, срока годности) должно осуществляться по правилам, установленным ГК РФ.

Так, согласно пункту 2 статьи 470 ГК РФ, когда договор купли-продажи предусматривает предоставление поставщиком гарантии качества товара, поставщик должен передать заказчику товар, который будет обладать надлежащим качеством в пределах периода времени, установленного контрактом – гарантийный срок. Течение гарантийного срока начинается с момента передачи товара заказчику и принятия его последним.

Если установление требования о минимально необходимой продолжительности гарантийного срока для целей деятельности заказчика, как правило, отводится на усмотрение самого заказчика, то ситуация с установлением при осуществлении закупки продуктов питания, парфюмерных косметических товаров, медикаментов, товаров бытовой химии и иных подобных товаров выглядит несколько иным образом.

Так, в силу пункта 1 статьи 472 ГК РФ срок годности устанавливается в соответствии с нормативным правовым актом. Такого рода актом может выступать, в частности, федеральный закон (федеральный

закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов»⁴), постановление Правительства Российской Федерации (постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении технического регламента о безопасности объектов внутреннего водного транспорта»⁵), технический регламент (ТР ТС 033/2013. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности молока и молочной продукции⁶), государственный стандарт (ГОСТ 31752-2012. Межгосударственный стандарт. Изделия хлебобулочные в упаковке. Технические условия⁷; ГОСТ 34421-2018. Межгосударственный стандарт. Консервы из рапаны и трубача. Технические условия⁸) и др.

Несмотря на то, что срок годности на товары, результаты работ, услуг регламентирован законодательством, для целей осуществляемой закупки заказчиком может быть установлено требование о сроке годности объекта закупки, исходя из потребностей самого заказчика. К примеру.

В соответствии с ГОСТ 31752-2012 «Межгосударственный стандарт. Изделия хлебобулочные в упаковке. Технические условия» на хлебобулочное изделие в упаковке из муки ржаной хлебопекарной срок годности должен составлять 5 суток. Однако с учетом потребностей заказчика поставляемое хлебобулочное изделие в упаковке из муки ржаной хлебопекарной будет потреблено в течение 1 суток. Ввиду этого потребность в установлении срока годности хлебобулочного изделия для целей конкретной закупки в 5 суток не имеет смысла. Напротив, установление сокращенного срока годности данного изделия может способствовать расширению круга потенциальных поставщиков

---

⁴ О качестве и безопасности пищевых продуктов: федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (действ. ред. с учетом изменен. и доп.) // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150.

⁵ Об утверждении технического регламента о безопасности объектов внутреннего водного транспорта: постановление Правительства РФ от 12.08.2010 № 623 (действ. ред. с учетом изменен. и доп.) // СЗ РФ. 2010. № 34. Ст. 4476.

⁶ О техническом регламенте Таможенного союза «О безопасности молока и молочной продукции»: Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 09.10.2013 № 67 (действ. ред. с учетом изменен. и доп.). URL: [Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org](http://www.eurasiancommission.org). Дата публикации: 14.10.2013.

⁷ ГОСТ 31752-2012. Межгосударственный стандарт. Изделия хлебобулочные в упаковке. Технические условия: приказ Росстандарта от 29.11.2012 № 1498-ст. М.: Стандартинформ, 2013.

⁸ ГОСТ 34421-2018. Межгосударственный стандарт. Консервы из рапаны и трубача. Технические условия: приказ Росстандарта от 07.08.2018 № 465-ст. М.: Стандартинформ, 2018.

путем вовлечения в торги лиц, у которых на складе скопились изделия, изготовленные ранее и на момент поставки не будут иметь срок годности в 5 суток, но с учетом потребностей заказчика будут отвечать остаточному сроку годности в 1 сутки.

Относительно исчисления срока годности товара, результата работы, услуги отметим, что срок годности представляет собой отрезок времени, на протяжении которого товар пригоден к использованию, что может обозначаться как периодом времени (3, 5, 7 суток), так и указанием на наступление конкретной даты (годен до 12.12.2021).

Описанное выше применимо и к гарантийным обязательствам подрядчика (исполнителя) на выполненный им результат работ и оказанной услуги.

На основании пункта 1 статьи 722 ГК РФ если законом или контрактом (договором) на результат работ установлен гарантийный срок, то в течение данного срока результат работ должен отвечать предъявленным к нему условиям о качестве. В свою очередь, принимая во внимание, что общее правовое регулирование договор возмездного оказания услуг находит в главе 37 «Подряд» ГК РФ, то на результат оказанных услуг также в определенных случаях может быть установлен гарантийный срок.

Завершая рассмотрение срока действия гарантийных обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя) по предмету государственного (муниципального) контракта, следует отметить, что включение или невключение в проект контракта условия о сроке действия гарантийных обязательств – это всегда право заказчика, predetermined конкретными обстоятельствами каждой проводимой закупки.

В случае если в проект контракта не будут включены положения, касающиеся наличия гарантийных обязательств и соответственно срока их действия, то в силу положений закона, в частности: положений гражданского законодательства, поставщик (подрядчик, исполнитель) не наделен абсолютной свободой от несения гарантийных обязательств.

Применительно к закону о контрактной системе положения пункта 2 статьи 469 ГК РФ говорят о том, что при неуказании в контракте поставки условий о качестве товара поставщик должен передать заказчику товар, который будет пригоден для целей, для которых поставляемый товар обычно используется, а согласно пункту 1 статьи 721 ГК РФ при отсутствии в контракте на выполнение работ условий об их качестве полученный результат выполнения работ (оказания услуг) должен

соответствовать обычно предъявляемым к работам (услугам) соответствующего рода требованиям.

При этом в случае непоименования в контракте гарантийных обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя) исчисление сроков гарантийных обязательств осуществляется в силу положений ГК РФ.

Таким образом, федеральным законом о контрактной системе императивный порядок исчисления срока действия гарантийных обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя) по предмету государственного (муниципального) контракта не установлен, в связи с чем следует руководствоваться положениями ГК РФ и иных законодательных актов.

8. Срок возврата заказчиком поставщику (подрядчику, исполнителю) денежных средств, внесенных им в качестве обеспечения исполнения государственного (муниципального) контракта и гарантийных обязательств.

Выше при рассмотрении вопроса о сроке действия обеспечения исполнения контракта и сроке действия гарантийных обязательств мы уже затрагивали аспекты, связанные со сроком возврата государственным (муниципальным) заказчиком поставщику (подрядчику, исполнителю) денежных средств, внесенных им в качестве обеспечения исполнения государственного (муниципального) контракта или гарантийных обязательств.

В случае со сроком возврата обеспечительного платежа, внесенного в качестве обеспечения исполнения контракта федеральным законом о контрактной системе, предусмотрена четкая правовая регламентация, содержащаяся в части 27 статьи 34 федерального закона о контрактной системе, что невозможно сказать о сроке возврата обеспечительного платежа по гарантийному обязательству. Федеральный закон о контрактной системе не содержит прямого указания на порядок исчисления данного срока. Ввиду этого в сложившейся ситуации уместно воспользоваться таким приемом преодоления пробела в праве, как аналогия закона, в качестве которой может выступить правовая норма, содержащаяся в части 27 статьи 34 федерального закона о контрактной системе. При этом для целей совершенствования контрактной системы представляется необходимым введение порядка правового регулирования срока возврата обеспечительного платежа в отношении гарантийных обязательств, несмотря на существующую правовую позицию Минфина России, выраженную в письме от 19 декабря 2019 г.

№ 24-03-07/89342⁹, о некой правовой урегулированности названной ситуации.

9. *Срок предоставления информации о соисполнителях (субподрядчиках), заключивших договор с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) в рамках исполнения основного государственного (муниципального) контракта.*

В ряде случаев, когда начальная (максимальная) цена контракта превышает предельно установленную величину, в государственный (муниципальный) контракт включается обязательное условие об информировании заказчика о привлеченных к исполнению такого контракта соисполнителях (субподрядчиках) в течение 10 дней с момента заключения им договора субподряда.

Данный срок носит характер нормативно установленного, не требует дополнительного уточнения со стороны заказчика и исчисляется в календарных днях.

Подводя итог изложенному, отметим следующее.

1. Виды сроков, выделение которых возможно в рамках заключенного государственного (муниципального) контракта, увязаны с отдельными правовыми институтами, образующими его структуру: исполнение обязательств по реализации предмета контракта или его отдельного этапа; приемка заказчиком исполнения обязательств поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по контракту; оплата заказчиком результата исполнения обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя); обеспечение исполнения контракта или гарантийного обязательства; предоставление информации о соисполнителях.

2. Правовая регламентация вопросов определения порядка исчисления отдельных видов сроков в рамках государственного (муниципального) контракта в большинстве случаев не носит характер императивного правила, а напротив, отводит решение данного вопроса к дискреционному полномочию заказчика при формулировании условий контракта. При определении продолжительности сроков в рамках отдельных институтов государственного (муниципального) контракта законодатель исходит из диспозитивных начал гражданского права, предоставляя заказчику свободно формулировать условия о сроке с учетом общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации.

3. Федеральный закон о контрактной системе при определении порядка исчисления сроков содержит непоследовательное правовое ре-

---

⁹ Письмо Минфина России от 19.11.2019 № 24-03-07/89342. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

гулирование в части использования в рамках отдельных вышеназванных институтов государственного (муниципального) контракта сочетания таких единиц измерения срока, как рабочий день и календарный день, что представляется неоправданным с точки зрения правоприменительной практики.

Список литературы

1. *Моргунова Н.В., Данилова Д.В.* Срок как существенное условие государственного и муниципального контракта // Профессионал года 2019: сб. ст. 12 Междунар. науч.-исслед. конкурса. Пенза, 2019. С. 49-52.
2. *Нуриев А.М.* О некоторых пробелах в регулировании сроков исполнения государственными (муниципальными) заказчиками обязательств по заключению и исполнению контрактов // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-6. С. 109-111.
3. *Саберова М.Ш.* Административная ответственность за нарушение сроков и порядка размещения отчетов об исполнении государственных контрактов // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности. Научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Н. Новгород, 2016. С. 250-256.
4. *Ацутта П.Г.* Порядок и сроки заключения государственного контракта в Российской Федерации // Феномен человека. 2015. Вып. 3. С. 38-41.
5. *Мансурова Д.Р., Масалимова А.А.* О некоторых вопросах срока обеспечения исполнения обязательств по контракту для государственных нужд и о сроках действия контракта // Академическая публицистика. 2018. № 4. С. 118-122.

Поступила в редакцию 08.02.2021 г.

Поступила после рецензирования 03.03.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторе

Крамской Вадим Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин. Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Тамбов, Российская Федерация; доцент кафедры Гражданского права и процесса. Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4186-7765>, e-mail: vkramskoy@mail.ru

Для цитирования

Крамской В.В. Институт срока в рамках государственного (муниципального) контракта: понятие, виды, проблемы в их определении и исчислении // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 99-116. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-99-116

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-99-116

THE INSTITUTION OF TERM WITHIN THE FRAMEWORK OF A STATE (MUNICIPAL) CONTRACT: CONCEPT, TYPES PROBLEMS IN THEIR DEFINITION AND CALCULATION

Vadim V. Kramskoy^{1,2}

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation

²Tambov State Technical University

106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4186-7765>, e-mail: vkramskoy@mail.ru

Abstract. We consider the institution of term for the purposes of its use in the provisions of state (municipal) contracts concluded for the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs. The main purpose is to systematize the provisions of the legislation on the contractual system concerning legal regulation of setting terms within the framework of state (municipal) contracts and posing the problem of their inconsistent legal regulation, which negatively affects the process of positive law enforcement. At the same time, the research emphasis is made on identifying the differences in the legislative approach to regulating the procedure for calculating certain types of terms within the framework of a state (municipal) contract. In particular, we analyze the selectivity in the issue of choosing the terms duration for the performance of legally significant actions depending on the status of the procurement participant, we investigate the issues of the expediency of using different terms' measurement units, including within the same subinstitutions of the term, etc. We present our own ideas for optimizing legislation in this matter. The methodological basis of the research is made up of analysis and synthesis methods, formal legal, comparative legal methods, a pluralistic approach is taken to highlight the issues involved.

Keywords: contract; term; calendar day; work day; ordering customer; supplier (contractor, effector)

References

1. Morgunova N.V., Danilova D.V. Srok kak sushchestvennoye usloviye gosudarstvennogo i munitsipal'nogo kontrakta [Term as an essential condition of the state and municipal contract]. *Sbornik statey 12 Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa «Professional goda 2019»* [Collection of Works of the 7th International Research Competition "Professional of the Year 2019"]. Penza, 2019, pp. 49-52. (In Russian).
2. Nuriyev A.M. O nekotorykh probelakh v regulirovaniy srokov ispolneniya gosudarstvennymi (munitsipal'nymi) zakazchikami obyazatel'stv po zaklyucheniyu i ispolneniyu kontraktov [On some gaps in the regulation of the timing of the fulfillment of obligations by state (municipal) customers to conclude and execute contracts]. *Sovre-*

- mennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern Trends in the Development of Science and Technology], 2017, no. 2-6, pp. 109-111. (In Russian).
3. Saberova M.S. Administrativnaya otvetstvennost' za narusheniye srokov i poryadka razmeshcheniya otchetov ob ispolnenii gosudarstvennykh kontraktov [Administrative liability for violation of the terms and procedure for posting reports on the execution of government contracts]. *Narod i vlast': vzaimodeystviye v istorii i sovremennosti. Nauchnyy ezhegodnik fakul'teta prava Nizhegorodskogo filiala Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki»* [People and Power: Interaction in History and Modernity. Scientific Yearbook of the Faculty of Law of the Nizhny Novgorod Branch of the National Research University "Higher School of Economics"]. Nizhny Novgorod, 2016, pp. 250-256. (In Russian).
  4. Atsutta P.G. Poryadok i sroki zaklyucheniya gosudarstvennogo kontrakta v Rossiyskoy Federatsii [The procedure and terms for concluding a state contract in the Russian Federation]. *Fenomen cheloveka* [Human Phenomenon]. 2015, Issue 3, pp. 38-41. (In Russian).
  5. Mansurova D.R., Masalimova A.A. O nekotorykh voprosakh sroka obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv po kontraktu dlya gosudarstvennykh nuzhd i o srokakh deystviya kontrakta [On some issues of the term for ensuring the fulfillment of obligations under the contract for state needs and on the duration of the contract]. *Akademi-cheskaya publitsistika* [Academic Journalism], 2018, no. 4, pp. 118-122. (In Russian).

Received 8 February 2021

Reviewed 3 March 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the author

Vadim V. Kramskoy – Candidate of Law, Associate Professor of Legal Disciplines Department. Tambov Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov, Russian Federation; Associate Professor of Civil Law and Procedure Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4186-7765>, e-mail: vkramskoy@mail.ru

For citation

Kramskoy V.V. Institut sroka v ramkakh gosudarstvennogo (munitsipal'nogo) kontrakta: ponyatiye, vidy, problemy v ikh opredelenii i ischislenii [The institution of term within the framework of a state (municipal) contract: concept, types, issues in their definition and calculation]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 99-116. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-99-116 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136

УДК 343

Шифр научной специальности 12.00.08

ФЕНОМЕН АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В.В. Хилюта

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7872-949X>, e-mail: tajna@tut.by

Аннотация. Рассмотрен вопрос о понимании административной преюдиции в уголовном праве. Исследованы онтологические проблемы административной преюдиции в доктрине уголовного права. Цель статьи – рациональное и критическое рассмотрение положений науки уголовного права применительно к вопросу о характеристике и правовой сущности административной преюдиции. Проанализированы аргументы «за» и «против» сохранения административной преюдиции в уголовном законе, рассмотрены сущностные характеристики данного понятия. Констатируется, что административную преюдицию сегодня рассматривают вне состава преступления, отождествляя ее со специфическим средством юридической техники, либо в рамках состава преступления, как элемент объективной стороны или субъекта преступления. Обосновано положение, что административная преюдиция – это признак специального субъекта преступления. Доказано, что при совершении повторного аналогичного правонарушения вести речь необходимо об общественной опасности субъекта, совершившего многократное повторение одного и того же проступка. В таком случае каждое последующее кратное правонарушение должно влечь наступление уголовной ответственности, потому как это правонарушение связано не с деянием, а с деятелем, совершающим противоправное деяние. Предложены меры по улучшению пропозиции административной преюдиции в уголовном законе. Методы исследования: формально-догматический, сравнительно-правовой, инструментальный анализ. Область применения: юриспруденция, правоприменительная практика, правотворчество, законотворчество.

Ключевые слова: преступление; правонарушение; административная преюдиция; общественная опасность; деяние; личность преступника

Вопрос об административной преюдиции в уголовном праве весьма непростой, если не сказать иначе, и в основном все сентенции по этому поводу сегодня состоят из двух диаметрально противоположных

позиций, которые заключаются в обосновании или опровержении института административной преюдиции в уголовном праве. Однако если исходить из формулы – «уровень науки определяется степенью разработанности ее фундаментальных понятий», то административная преюдиция в этом отношении – только «новичок».

Административная преюдиция в науке уголовного права рассматривается по-разному, существует несколько ее доктринальных определений, однако основные черты самого этого понятия можно свести к нескольким принципиальным моментам:

- 1) лицо, совершившее противоправное деяние, привлекается к административной ответственности в первый раз;
- 2) повторное совершение одного или более тождественных деяний (правонарушений) влечет наступление уже уголовной ответственности;
- 3) повторное совершение тождественного противоправного деяния происходит в определенный временной срок [1, с. 204].

Буквально это означает то, что состав преступления образуется за счет признаков административного правонарушения (совокупность двух и более административных правонарушений). То есть, если мы говорим о криминализации общественно опасного деяния, то базовым элементом для него выступает повторное административное правонарушение. Таким образом, административная преюдиция выступает неким «мостиком» между административным и уголовным правом, поскольку повторное (неоднократное) совершение проступка отождествляется в последующем с преступлением, в результате чего возникают уголовно-правовые отношения. Переход от административного к уголовному праву осуществляется на основании констатации второго факта совершения административного правонарушения, как общественно опасного, в результате чего и достигается определенная степень вредоносности деяния, свойственная преступлению. Однако главный вопрос здесь состоит именно в том, что считать основанием для привлечения лица к ответственности: его деяние или же самого субъекта, совершившего такое деяние (потому как в этом случае уже само лицо становится общественно опасным)?

Если вкратце, то все правовые раскладки по этому поводу сводятся к тому, что в уголовном праве в качестве преступления рассматривается только деяние человека, а его личность не может образовывать деяние как таковое. То есть личность не может выступать основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. Личность деятеля учитывается только при назначении наказания, но никак не может пре-

допределять само деяние. Иначе, получается так, что уголовное право карает не сам поступок человека, а лицо, его учиняющее, то есть тогда за основу берется идея опасного состояния личности.

Поэтому, если резюмировать основные доводы *противников* административной преюдиции в уголовном праве, то они примерно сводятся к следующим постулатам:

- уголовно-правовая доктрина не содержит научно-обоснованной концепции, обосновывающей введение административной преюдиции в уголовный закон, в результате чего размываются границы между уголовным и административным правом и происходит отраслевая разсогласованность;

- административная преюдиция представляет собой искусственно созданную законодателем теоретическую конструкцию, основанную на повторяемости правонарушений, а не преступлений (первичное преступление не указывает на общественную опасность повторного);

- фактически административная преюдиция предопределяет правило нести двойную ответственность: лицо при совершении аналогичного правонарушения несет уголовную ответственность за первый административный проступок, вопреки существующему принципу *non bis in idem*;

- преступлением не может считаться общественно опасное деяние, не содержащее само по себе всех признаков состава преступления, независимо от того, сколько бы раз ранее лицо подвергалось мерам административной ответственности (повторное совершение административного проступка не превращает его в преступление ибо общественная опасность таких проступков остается неизменной);

- в настоящее время в доктрине уголовного права отсутствуют единые подходы к криминализации преступлений с административной преюдицией, в результате чего не удается решить вопрос о критериях определения характера и степени общественной опасности деяний с признаками административной преюдиции;

- между преступлением и проступком не количественное, а качественное отличие (основанием уголовной ответственности является совершение преступления, а не правонарушения), поэтому уголовная ответственность не может наступать за особое состояние личности, а должна – за общественно опасное деяние;

- преюдиция допускает возможность привлечения лица к уголовной ответственности на основании принципа объективного вменения, так как у лица отсутствует единый умысел на совершение преступле-

ния (такой умысел на совершение каждого правонарушения у лица возникает самостоятельно и не реализуется в отдельном правонарушении до конца);

– административная преюдиция, являясь «полупреступлением», изменяет основание уголовной ответственности, потому как таким становится не деяние, которое от повторения не меняет своего существования, а личность правонарушителя (в таком случае лицо подвержено объективному вменению);

– административная преюдиция направлена не на гуманизацию уголовного законодательства, а на его репрессивность (если лицо не исправляется, допуская повторное правонарушение, то нужно совершенствовать меры административного взыскания, а не трансформировать проступок в преступление);

– лицо может быть подвергнуто административному наказанию не только по постановлению суда (судебному акту), но и по постановлению должностного лица, в результате чего происходит переложение функций правосудия на внесудебные органы;

– административная преюдиция нивелирует принцип равенства перед уголовным законом, снижает уровень защиты прав и свобод человека и используется как уголовно-правовое средство, в основе которого лежит элемент целесообразности [2, с. 88-91; 3, с. 71; 4, с. 84-87; 5, с. 214-218].

Высказанные аргументы весьма убедительны и имеют солидную теоретическую подоплеку, поэтому доводов в поддержку административной преюдиции в уголовном праве не так много, но они есть. Позиция *сторонников* наличия административной преюдиции в основном сводится к рациональным основаниям борьбы с преступностью в конкретный исторический период времени, опыту законодательства зарубежных государств и необходимости экономии уголовно-правовой репрессии. При этом, главный довод в поддержку законодательного решения о наличии административной преюдиции в уголовном законе заключается все-таки в том, что повторное совершение лицом тождественного деяния повышает его опасность. Основные же теоретические положения примерно можно свести к следующим моментам:

– институт административной преюдиции является элементом не только криминализации, но и декриминализации общественно опасных деяний, позволяет более четко ограничивать преступление от правонарушения, выступать своеобразным средством дифференциации отраслевого законодательства;

– административная преюдиция повышает идею гуманизации проводимой уголовно-правовой политики, актуализирует и конкретизирует уголовно-правовой запрет, ограничивает репрессию только злостными случаями нарушения установленных правовых норм;

– административная преюдиция отражает межотраслевой характер преступления и сдерживает безграничное расширение сферы уголовно-правового принуждения (государство стремится снизить уровень уголовно-правового воздействия и перевести менее значимые деяния в разряд административных правонарушений, сохранив систему межотраслевого взаимодействия);

– первичная превенция проступков влечет за собой предупреждение совершения возможных преступлений в будущем;

– повторное совершение административного правонарушения свидетельствует о повышенной общественной опасности личности лица (при административной преюдиции происходит «накопление опасности»), его допустившего;

– административная преюдиция способствует реализации принципа экономии уголовной репрессии и является эффективным инструментом в деле предупреждения преступности, поскольку повышает профилактический потенциал уголовно-правовых и административно-деликтных предписаний [6, с. 38-40; 7, с. 186-189; 8, с. 21].

Здесь же можно сослаться на пресловутое постановление Конституционного суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «по делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина», в котором отмечается, что «совершение подвергнутым административному наказанию, то есть находящимся в состоянии административной наказанности, лицом однородного или, более того, аналогичного правонарушения свидетельствует, что примененные к нему меры административного принуждения не дают должного предупредительного эффекта, а потому отнесение повторности (неоднократности) административных правонарушений к обстоятельствам, отягчающим административную ответственность за их совершение, к признакам квалифицированных составов административных правонарушений, а при необходимости – и к основаниям криминализации соответствующих деяний не лишено разумной целесообразности».

В некотором роде позиции противников и сторонников административной преюдиции в уголовном праве можно сопоставить с вектором развития уголовного права. Иначе говоря, административная пре-

юдиция является в некоторой степени лакмусовой бумажкой, трансформирующая либо либеральную модель проводимой государством уголовно-правовой политики, либо, напротив, ее репрессивную составляющую, когда проступки могут превращаться в преступления. Тем не менее, есть и более принципиальный вопрос на сей счет. Что важнее для уголовного права и охраны общественного порядка: соблюдение формальных конструкций и отдельных теоретических построений (причем, далеко не бесспорных), сохранение «чистоты» уголовно-правовой сферы и автономного механизма регулирования общественных отношений либо эффективное предупреждение преступлений и пресечение потенциальной возможности их совершения на более ранней стадии?

Итак, если говорить об административной преюдиции с позиции выявления ее природы и обоснования местонахождения в уголовном праве, то в данном контексте принципиальное значение имеет вопрос определения ее юридической сущности. А именно представляет ли административная преюдиция сложное единичное преступление с признаками повторного деяния или же что-то другое, если акцент делается не на самом деянии, а на личности правонарушителя. И в данном случае вопрос уже должен ставиться о специальном субъекте и одном (едином) деянии, учиненным таким лицом.

Некоторые правоведы, наоборот, утверждают о том, что административная преюдиция имеет двойную природу, так как является признаком состава преступления и наряду с этим выступает своеобразным переходом от административной к уголовной ответственности. Однако если признавать административную преюдицию элементом состава преступления, то возникает вопрос: какого именно? С другой стороны, по справедливому замечанию Д.Ю. Фисенко, если составы преступлений с административной преюдицией являются «промежуточным звеном» между правонарушением и преступлением, то характер и степень общественной опасности таких деяний не должна быть высокой [9, с. 165]. Соответственно, возникает вопрос об обосновании общественной опасности подобных деяний.

Положения **первого** подхода базируются на том, что административная преюдиция представляет собой разновидность сложного единичного преступления с повторными деяниями. Основанием для перевода правонарушения в преступление выступает множественность административных правонарушений. То есть такое преступление образует одно – повторное деяние с признаками административного правона-

рушения. При этом эти признаки являются аналогичными, тождественными или однородными по отношению к административному правонарушению. То есть по сути это означает, что административная преюдиция – это преступление со сложной объективной стороной, включающей несколько административных правонарушений [10, с. 83; 11, с. 133]. Такое преступление образуется именно за счет совершения в течение определенного промежутка времени нескольких тождественных или однородных деяний, каждое из которых в отдельности не является преступлением [12, с. 321].

По этой причине некоторые даже проводят аналогию административной преюдиции с институтом неоднократности в уголовном праве [13, с. 146]. Однако при таком подходе нет единства в понимании того, какой объем поведения составляет объективную сторону: все совершенные проступки или же только один – последний факт административного правонарушения при наличии у виновного лица специального правового статуса [14, с. 37-38].

Профессор Н.А. Лопашенко доказывает обратную ситуацию. Она полагает, что преступление с административной преюдицией не обладает признаками сложного единичного преступления и не может быть им признано [3, с. 68]. Такой взгляд основан на том, что при констатации того, что административная преюдиция есть условие наступления уголовной ответственности, мы не можем установить внутреннюю взаимосвязь между отдельными административными правонарушениями, у них отсутствует единый результат и единая вина. И если в основе преступления лежит деяние, которое обладает признаком общественной опасности, то в случае наличия административной преюдиции приходится говорить об опасном состоянии личности, что и выступает основанием криминализации [3, с. 68-69].

В принципе противники административной преюдиции весьма резонно обращают внимание на то, что повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности, поэтому не может изменить и предмет правового регулирования. Сама повторность может определять общественную опасность самого деяния только в том случае, если она сама по себе образует объективную сторону состава преступления [15, с. 122]. А в таком случае она определяет степень общественной опасности деяния, а не субъекта [16, с. 11-12].

Но, с другой стороны, зададимся вопросом: а почему при установлении признаков административной преюдиции нужен общий резуль-

тат и единый умысел? Если отойти от фабулы, что административная преюдиция есть разновидность повторности единичного сложного деяния, то вполне очевидно, что это не продолжаемое преступление и оно не объединено единым умыслом и не направлено на общий преступный результат. Такого единого умысла не может быть у лица по определению, так как такое лицо его и не ставит перед собой и не стремится к реализации некоего общего плана (допустить несколько раз одно и то же административное правонарушение). В такой ситуации основной крен смещен в сторону лица, совершившего противоправное деяние (правонарушение). Именно личность выступает здесь конструктивным компонентом в установлении признаков административной преюдиции, а не характеристика его деяния.

На этом и основывается **второй** подход, который имеет принципиально иные постулаты относительно сути административной преюдиции, поскольку связан с субъектом преступления, а не с элементами объективной стороны состава преступления. В таком случае, конечно, вопрос состоит не столько в понимании административной преюдиции в уголовном праве, сколько в сущностном изменении подхода к самому понятию преступления. И связано это с тем, что общественная опасность преступления при наличии административной преюдиции обуславливается признаками субъекта преступления, его административной наказанностью.

А.И. Лукашов отмечает, что преюдиция – это обязательный признак, характеризующий субъекта преступления в качестве специального и указывающий на его нахождение в состоянии наказанности вследствие предшествующего применения к нему в течение года административного взыскания за такое же правонарушение [17, с. 58]. Таким образом, можно сказать, что существенным отличием составов преступлений с административной преюдицией является субъект – лицо, подвергнутое административному наказанию, именно в связи с тем, что совершившее повторное деяние такое лицо является более общественно опасным, чем лицо, совершившее такое деяние впервые [18, с. 104].

В ряде ситуаций административную преюдицию как основание для криминализации повторно совершенного деяния связывают с юридической характеристикой злостности, «определяющей наличие общественной опасности в личности субъекта повторного деяния» [19, с. 483]. Здесь злостность связывается исключительно с личностью виновного, а не с его деянием. Однако все же основная идея данного подхода состоит в том, что, соединяя в себе социальный и юридический критерии функ-

ционирования, административная преюдиция не относится в чистом виде к институту множественности преступлений, «а имеет, хотя и схожую, но собственную юридическую природу, основой которого выступает не столько деяние, сколько личность правонарушителя» [20, с. 73].

В правовой литературе все чаще за основу предлагают брать **третий** подход, рассматривающий административную преюдицию как прием юридической техники. В этом случае административная преюдиция представляет собой «включение в диспозицию правовой нормы данных о предыдущей административной наказанности лица, выступающих основанием для криминализации повторных деяний с признаками административных правонарушений, являющихся аналогичными, тождественными или однородными по отношению к предикатному административному правонарушению» [21, с. 9]. При таком подходе сущность административной преюдиции отождествляется с особым средством юридической техники, где имеет место тот же фактический состав преступления и все зависит от кратности совершения повторных деяний (административных правонарушений) в определенный временной период и наказуемости лица. Это практически и выступает «специфическим основанием уголовной ответственности» [22, с. 39-40]. Иначе говоря, речь идет о некоей специальной конструкции в составе преступления, которая фиксирует преюдициальную связь между административным правонарушением и преступлением [23, с. 7].

По этому поводу Н.И. Пикуров заявляет, что административная преюдиция – это «особая форма взаимосвязи уголовного и административного права, которая представляет собой предусмотренный законом способ коррекции границы между преступлением и проступком применительно к деянию, представляющему собой завершающий элемент системы последовательно совершаемых сходных по своим объективным и субъективным признакам правонарушений, совершаемых одним и тем же наказанным в административном порядке лицом» [24, с. 235].

Тем не менее, такой подход, даже с учетом специфики средств юридической техники (или особой формы взаимосвязи), никоим образом не объясняет сущность административной преюдиции. Он только может указывать на функциональную связь между уголовным и административным правом и объяснять прерогативы технического перехода от правонарушения к преступлению. Но сама юридическая техника не может в этом отношении объяснить суть административной преюдиции и обосновать ее место в конструкции состава преступления, не говоря уже о «специфическом основании уголовной ответственности».

Особняком стоит позиция Г.А. Есакова относительно административной преюдиции. Ученый полагает, что административная преюдиция, наряду с рецидивом, предикатными преступлениями, судебными решениями, в связи с которыми возникает преступление, является «юридическим» признаком состава преступления. Данные «юридические признаки» включены законодателем в описание состава и составляют, с одной стороны, его неотъемлемую часть, а с другой стороны, не могут быть охарактеризованы ни как объективные, ни как субъективные, поскольку существуют в объективной действительности вне деяния и психики субъекта или связаны с нею наименьшим образом [25, с. 161]. Однако в большей части эти «юридические» признаки напоминают **условия** привлечения лица к уголовной ответственности, к которым можно также отнести возраст, вменяемость, требование потерпевшего по делам частного обвинения и др. Данные объективные условия находятся вне состава преступления, хотя при определенной скрупулезности их можно отнести к признакам субъекта преступления, предмета и т. д., однако определяют наказуемость деяния дополнительными обстоятельствами. Например, состав клеветы или оскорбления будет иметь место лишь при том условии, что потерпевший посчитает себя униженным (оскорбленным) и выразит это соответствующим процессуальным образом. Следовательно, если мы говорим о том, что административная преюдиция есть специфическое условие привлечения лица к уголовной ответственности, то должны это соответствующим образом обосновать. Пока же такой стройной аргументации не наблюдается.

Таким образом, административную преюдицию предлагается рассматривать, с одной стороны, вне состава преступления, отождествляя ее со специфическим средством юридической техники, а с другой стороны, в рамках состава преступления, но пока вопрос не решен, с какими признаками ее необходимо отождествлять: объективной стороны или субъекта преступления.

Очевидно, что когда идет речь об административной преюдиции, то она (преюдиция), в первую очередь, связана с общественной опасностью. Однако, если мы говорим об общественной опасности, то принимаем во внимание не только само деяние человека. Деяние напрямую связано с деятелем. Сегодня это простой аксиоматичный факт, и его нельзя отрицать. Сам деятель и определяет в ряде ситуаций уровень общественной опасности деяния, хотя согласимся, что и не всегда в полном объеме. Следовательно, общественная опасность оп-

ределяется не только сугубо совершенным деянием, но и тем, какой эффект может воспроизвести многократно повторяемое деяние в рамках запрещаемой модели поведения.

При этом речь не идет только о специальном субъекте преступления, когда уровень и степень общественной опасности преступления формулирует уголовно-правовой запрет. Поднимать же вопрос в таком случае о теории «опасного состояния личности» и «специальной защиты» не совсем корректно, поскольку никакого отношения эта ситуация к административной преюдиции не имеет. В качестве примера можно привести институт рецидива в уголовном праве, различные виды сложного единичного преступления – повторности, неоднократности, систематичности. Именно кратность совершаемых действий повышает уровень общественной опасности такого преступления. И здесь количество непременно превращается в качество, о чем и свидетельствует известный закон диалектики.

Однако если даже это не так, и стараться в некоторой степени не замечать «накопление» общественной опасности и ее трансформацию, то уж никак нельзя отрицать факт, указывающий на изменение лица, допустившего такой административный рецидив и вновь совершившего правонарушение. Поэтому контраргументом известной метафоры Н.Ф. Кузнецовой о том, что «сто кошек не может превратиться в тигра», может служить и иное выражение: «однако одновременный укус ста кошек будет гораздо опаснее одного укуса тигра». Иначе говоря, даже если количество не перерастает в качественно иное состояние, то административная преюдиция указывает на то, что, совершив неоднократно тождественные правонарушения, новое качество приобретает лицо, их допустившее.

Конечно, при повторном совершении одного и того же проступка – административного правонарушения, само деяние качественно не меняется, оно продолжает оставаться таковым, как и было. Однако если мы говорим об общественной опасности такого деяния, то должны говорить об общественно опасном состоянии лица, допустившего неоднократные (повторные) действия и игнорирующего меры административного воздействия на него. Если один и тот же человек неоднократно нарушает установленные запреты, разве не становится его поведение более опасным, а его отношение к обществу – более циничным и пренебрежительным?

Например, правоприменительная практика по уголовным делам за мелкое хищение свидетельствует о том, что более чем в 70 % случаев

лица, допускающие повторные административные правонарушения за мелкие хищения, ранее привлекались к уголовной ответственности или были судимы за преступления против собственности. Это обстоятельство свидетельствует не столько об общественной опасности совершенного деяния, сколько об опасности личности такого правонарушителя.

В данном случае, формулируя составы с признаками административной преюдиции, многое зависит от уровня вредоносности совершенного административного правонарушения. Понятно, что речь должна идти о наиболее опасных проступках, административные меры реагирования на которые уже не носят эффективного характера и не способны предупреждать совершение лицом новых противоправных действий. Если, например, лицо несколько раз в нетрезвом состоянии управляло автомобилем, то понятно, что меры административного характера не возымели никакого действия на такое лицо. Нужны в таком случае иные, более радикальные. Соответственно, если такое лицо демонстративно игнорирует существующие предписания и сознательно их нарушает, противопоставляя себя окружающим, то речь уже необходимо вести не столько об опасности совершенного деяния (оно все равно остается проступком, независимо от того, кто конкретно его совершил и в каком случае), сколько об опасности лица, многократно его совершающего.

Многие исследователи утверждают, что теория общественной опасности личности недопустима при конструировании уголовно-правовых запретов. Однако это утверждение порождает закономерный вопрос: почему? Почему неоднократности и преюдиции нет места в уголовном законе?

На наш взгляд, такое положение дел обусловлено сугубо нормативистским пониманием сути и содержания преступления и его признаков. Тем не менее, если мы говорим об общественной опасности, то понятно, что чисто формальный подход к определению преступления не может оставаться всеобъемлющим и единственно правильным, потому как общественная опасность связана не только с деянием, но и с личностью деятеля. Укоренившийся в сознании исследователей еще с советских времен относительно административной преюдиции как разновидности повторности (а иногда и рецидива) не может решить задачи понимания общественной опасности сугубо в плоскости совершения деяния, оставляя без внимания лицо, которое всегда стоит за этим деянием.

В этой связи вызывает недоумение простое обстоятельство. Личность правонарушителя не может являться обстоятельством, с которым бы связывалось наступление уголовной ответственности, а вот обстоятельством, на основе которого бы происходила дифференциация уголовной ответственности (то есть выступать квалифицирующим признаком состава преступления), – может. Чем же обоснован такой довод? Если при дифференциации уголовной ответственности учитываются опасные свойства личности, то почему этот же подход нельзя применять при криминализации общественно опасных деяний? Законодатель все же в ряде ситуаций криминализирует деяние исходя из определенного состояния лица. Например, в статье 264 УК РФ таким основанием для криминализации общественно опасного деяния явилось состояние опьянения лица. При этом нельзя не заметить, что это признак характеризует личность, а не опасность самого деяния.

Переход от административного правонарушения к преступлению необходимо связывать не с преобразованием количества в качество, а с личностью виновного, то бишь субъекта преступления. Это лицо приобретает принципиально новое качество. При этом вовсе не стоит делать упор на характеристике личности и его позитивных или негативных чертах, как это зачастую происходит в уголовно-правовой литературе. Это не имеет никакого отношения к сути рассматриваемой проблемы. Важно совсем иное, так как при установлении преступления с признаками административной преюдиции в расчет принимаются только те черты личности, которые определяют его противоправное поведение. Поэтому, как отмечает Т.В. Серкова, «личность преступника – это совокупность социально-значимых черт (свойств) и качеств лица, которые будут отражаться в субъективной причине совершенного лицом преступления» [13, с. 82-83].

Нельзя не заметить, что в данном контексте для уголовного права характерна иная тенденция, а именно постепенный уход от деяния к деятелю. И в сложившейся ситуации никак нельзя игнорировать признаки личности преступника и не учитывать их при криминализации общественно опасного поведения. Согласимся, что при такой постановке вопроса очень важно найти баланс между этими извечными постулатами «деяние – деятель». Однако если рассматривать административную преюдицию именно как средство раннего предупреждения возможности совершения преступлений, то здесь очевиден профилактический подход, и это средство применяется в первую очередь к лицу, совершающему деяние, так как деяние производно от деятеля.

Подобные случаи могут свидетельствовать лишь о нежелании таких лиц соблюдать установленные правила в демонстративном их пренебрежении. Иначе получается, что общественная опасность такого рода деяния и лиц, их совершивших, достигая определенной точки в момент констатации преступления (второй раз), затем вдруг падает (в третий раз) при совершении виновным лицом очередного тождественного административного правонарушения (притом, что еще в этом случае не истекли сроки судимости). Такой круг представляется порочным и сводит на нет весь предшествующий превентивный эффект уголовного закона. Представляется, что в этом случае мы должны говорить об общественной опасности субъекта, совершившего многократное повторение одного и того же проступка. И в таком случае каждое последующее кратное правонарушение должно влечь наступление уголовной ответственности.

Итак, предложения по улучшению пропозиции административной преюдиции в уголовном праве могут заключаться в реализации следующих мер: а) определение категорий преступлений, когда может быть допустима административная преюдиция (преступления, не представляющие большой общественной опасности, или преступления небольшой тяжести) и одновременное закрепление положения в административно-деликтном праве о возможности перехода только злостных административных правонарушений в разряд преступлений; б) законодательное закрепление срока (один год), в течение которого допустимо применение норм уголовного закона в случае первичного совершения лицом административного правонарушения и его повторного допущения; в) на законодательном уровне следует упорядочить описание признаков преступлений с административной преюдицией и юридическую технику конструирования уголовно-правовых норм сделать единообразной; г) правоприменителем следует точно установить и указать на однородное или одновидовое определение круга охватываемых ситуаций совершения предикатных правонарушений, при описании признаков административной преюдиции словосочетанием «*те же деяния*» (аналогичные деяния).

Список литературы

1. Добров А.Н., Баранова С.А. Институт административной преюдиции: понятие, сущность, техника // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2. С. 202-208.
2. Синельщиков Ю.П. Административная преюдиция в современном уголовном судопроизводстве: теория и практика // Государство и право. 2020. № 1. С. 86-92.

3. *Лопащенко Н.А.* Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64-71.
4. *Сабитов Р.А.* Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1. С. 84-89.
5. *Тимошенко Ю.А.* Уголовно-наказуемое деяние с административной преюдицией – преступление или административное правонарушение? // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1. С. 214-219.
6. *Капинус О.С.* Административная преюдиция в уголовном праве: российский и белорусский опыт // Предварительное расследование. 2019. № 2. С. 36-45.
7. *Малков В.П.* Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 185-191.
8. *Незнамова З.А.* Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 20-25.
9. *Фисенко Д.Ю.* Проблемы правовой регламентации института административной преюдиции в действующем уголовном законодательстве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы 22 Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск, 2019. С. 164-167.
10. *Капинус О.С.* Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78-86.
11. *Сидоренко Э.Л.* Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 125-133.
12. *Бабий Н.А.* Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. 663 с.
13. *Серкова Т.В.* Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 220 с.
14. *Пудовочкин Ю.Е.* Преступления с административной преюдицией: проблемы отграничения множественности преступлений от сложного единичного деяния // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 4. С. 36-47.
15. *Кибальник А.Г.* Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 119-125.
16. *Ковалев М.И.* Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 10-14.
17. *Лукашов А.* Уголовная ответственность за преступления с административной или дисциплинарной преюдицией // Юстиция Беларуси. 2007. № 8. С. 57-60.
18. *Макеева И.С., Обухова Т.В.* Особенности общественной опасности преступлений с административной преюдицией // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 96-102.
19. *Богданов А.В.* Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России // Человек: преступление и наказание. 2018. № 4. С. 482-486.

20. *Мирошниченко Д.В.* Уголовная преюдиция и рецидив преступлений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4. С. 71-75.
21. *Богданов А.В.* Административная преюдиция в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 28 с.
22. *Маркунцов С.А.* О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 31-42.
23. *Грунтов И.О.* Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1985. 23 с.
24. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. М., 2017. 470 с.
25. *Есаков Г.А.* «Юридические» признаки состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 13 Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2016. С. 161-164.

Поступила в редакцию 01.02.2021 г.

Поступила после рецензирования 27.02.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторе

Хилюта Вадим Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7872-949X>, e-mail: tajna@tut.by

Для цитирования

Хилюта В.В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 117-136. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136

PHENOMENON OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN THE CONTEXT OF UNDERSTANDING THE ESSENCE OF CRIME

Vadim V. Khiluta

Yanka Kupala State University of Grodno

22 Ozheshko St., Grodno 230023, Republic of Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7872-949X>, e-mail: tajna@tut.by

Abstract. We consider the issue of understanding the administrative prejudice in criminal law. We investigate the ontological problems of administrative prejudice in the doctrine of criminal law. The purpose of the work is a rational and critical consideration of the criminal law science provisions in relation to the question of the characteristics and legal essence of administrative prejudice. We analyze the arguments “for” and “against” the preservation of administrative prejudice in the criminal law, consider the essential characteristics of this concept. We state that administrative prejudice is now considered outside the corpus delicti, identifying it with a specific means of legal technique, or within the corpus delicti, as an element of the objective side or subject of the crime. We substantiate the position that administrative prejudice is a sign of a special subject of a crime. We prove that when committing a repeated similar offense, it is necessary to talk about the public danger of the subject who has committed multiple repetitions of the same offense. In this case, each subsequent multiple offense should entail the onset of criminal liability, because this right violation is not associated with the act, but with the figure committing the unlawful act. We propose measures to improve the proposition of administrative prejudice in the criminal law. Research methods: formal-dogmatic, comparative-legal, instrumental analysis. Scope of application: jurisprudence, law enforcement practice, law-making, legislation.

Keywords: crime; offense; administrative prejudice; public danger; act; identity of the offender

References

1. Dobrov A.N., Baranova S.A. Institut administrativnoy preyuditsii: ponyatiye, sushchnost', tekhnika [Institute of administrative prejudice: concept, essence, technique]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2020, no. 2, pp. 202-208. (In Russian).
2. Sinelshchikov Y.P. Administrativnaya preyuditsiya v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika [Administrative prejudice in modern criminal proceedings: theory and practice]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2020, no. 1, pp. 86-92. (In Russian).
3. Lopashenko N.A. Administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave – net! [Say no to administrative prejudice in criminal law!]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury*

- Rossiyskoy Federatsii – Herald of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation*, 2011, no. 3, pp. 64-71. (In Russian).
4. Sabitov R.A. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: za i protiv [Administrative prejudice in criminal law: for and against]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2019, no. 1, pp. 84-89. (In Russian).
  5. Timoshenko Y.A. Ugolovno-nakazuyemoye deyaniye s administrativnoy preyuditsiyey – prestupleniye ili administrativnoye pravonarusheniye? [Criminal offense with administrative prejudice – a crime or an administrative offense?]. *Rossiyskiy zhurnal pravovyykh issledovaniy – Russian Journal of Legal Studies*, 2016, no. 1, pp. 214-219. (In Russian).
  6. Kapinus O.S. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: rossiyskiy i belorusskiy opyt [Administrative prejudice in criminal law: Russian and Belarusian experience]. *Predvaritel'noye rassledovaniye – Preliminary Investigation*, 2019, no. 2, pp. 36-45. (In Russian).
  7. Malkov V.P. Neodnokratnost' pravonarusheniya i administrativnaya preyuditsiya kak sredstva kriminalizatsii i dekriminalizatsii sodeyannogo v rossiyskom ugovnom prave [Repeated offenses and administrative prejudice as a means of criminalization and decriminalization of offenses in Russian criminal law]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Scientific Notes of Kazan Law Institute of Mia of Russia*, 2016, no. 2, pp. 185-191. (In Russian).
  8. Neznamova Z.A. Prestupleniya s administrativnoy preyuditsiyey v Ugolovnom kodekse RF: kollizii mezhhotraslevogo regulirovaniya [Crimes with administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation: conflicts of intersectoral regulation]. *Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka – Russian Law: Education, Practice, Research*, 2015, no. 6, pp. 20-25. (In Russian).
  9. Fisenko D.Y. Problemy pravovoy reglamentatsii instituta administrativnoy preyuditsii v deystvuyushchem ugovnom zakonodatel'stve [Problems of legal regulation of the institution of administrative precedence in the current criminal legislation]. *Materialy 22 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki»* [Proceedings of 22 International Research and Practice Conference “Actual Problems of Combating Crime: Issues of Theory and Practice”]. Krasnoyarsk, 2019, pp. 164-167. (In Russian).
  10. Kapinus O.S. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: problemy teorii i praktiki [Administrative prejudice in criminal law: problems of theory and practice]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, 2019, no. 6, pp. 78-86. (In Russian).
  11. Sidorenko E.L. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: problemy pravoprimeneniya [Administrative prejudice in criminal law: law enforcement problems]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, 2016, no. 6, pp. 125-133. (In Russian).
  12. Babiy N.A. *Ugolovnoye pravo Respubliki Belarus'. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Republic of Belarus. Common Part.]. Minsk, SIMST BSU Publ., 2010, 663 p. (In Russian).
  13. Serkova T.V. *Neodnokratnoye prestupnoye povedeniye: teoretiko-prikladnoye issledovaniye: dis. ... kand. jurid. nauk.* [Repeated Criminal Behavior: An Applied Theoretical Research. Cand. jurid. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2016, 220 p. (In Russian).

14. Pudovochkin Y.E. Prestupleniya s administrativnoy preyuditsiyey: problemy otgrani-cheniya mnozhestvennosti prestupleniy ot slozhnogo edinichnogo deyaniya [Crime with administrative prejudice: issues of distinguishing the plurality of crimes from a complex single act]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2018, no. 4, pp. 36-47. (In Russian).
15. Kibalnik A.G. Nedopustimost' administrativnoy preyuditsii v ugovnom zakonodatel'stve [Inadmissibility of administrative prejudice in criminal legislation]. *Biblioteka kriminalista [Forensic Library]*, 2013, no. 2, pp. 119-125. (In Russian).
16. Kovalev M.I. Prestupleniya i prostupok [Crime and misconduct]. *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usileniyu bor'by s pravonarusheniyami [Problems of Improving Legislation to Strengthen Law and Order and Strengthen the Fight against Offenses]*. Sverdlovsk, 1982, pp. 10-14. (In Russian).
17. Lukashov A. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya s administrativnoy ili disiplinarnoy preyuditsiyey [Criminal liability for crimes with administrative or disciplinary precedence]. *Yustitsiya Belarusi – Justice of Belarus*, 2007, no. 8, pp. 57-60. (In Russian).
18. Makeyeva I.S., Obukhova T.V. Osobennosti obshchestvennoy opasnosti prestupleniy s administrativnoy preyuditsiyey [Peculiarities of social danger of crimes with administrative prejudice]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2020, no. 3, pp. 96-102. (In Russian).
19. Bogdanov A.V. Osobennosti sub'yekta prestupleniy, sodershashchikh administrativnuyu preyuditsiyu, v deystvuyushchem ugovnom zakone Rossii [Features of the subject of crimes containing an administrative prejudice in the current criminal law of Russia]. *Chelovek: prestupleniya i nakazaniye – Human: Crime and Punishment*, 2018, no. 4, pp. 482-486. (In Russian).
20. Miroshnichenko D.V. Ugolovnaya preyuditsiya i retsidiv prestupleniy [Criminal prejudice and recidivism]. *Uchenyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata – Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*, 2017, no. 4, pp. 71-75. (In Russian).
21. Bogdanov A.V. *Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Administrative Prejudice in the Criminal Law of Russia. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]*. Moscow, 2019, 28 p. (In Russian).
22. Markuntsov S.A. O ponimaniy administrativnoy preyuditsii kak osobogo sredstva yuridicheskoy tekhniki i rasshirenii eye ispol'zovaniya v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii [On the understanding of administrative prejudice as a special means of legal technique and the expansion of its use in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, no. 4, pp. 31-42. (In Russian).
23. Gruntov I.O. *Ugolovno-pravovyye normy s administrativnoy preyuditsiyey: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Criminal Law Norms with Administrative Prejudice. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]*. Minsk, 1985, 23 p. (In Russian).
24. Pudovochkina Y.E., Pikurova N.I. (eds). *Vzaimodeystviye ugovnogo i administrativno-deliktnogo prava [Interaction of Criminal and Administrative-Tort Law]*. Moscow, 2017, 470 p. (In Russian).
25. Esakov G.A. «Yuridicheskiye» priznaki sostava prestupleniya [“Legal” signs of corpus delicti]. *Materialy 13 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Ugolov-*

noye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke» [Proceedings of 13 International Research and Practice Conference “Criminal Law: Development Strategy for the 21st Century”]. Moscow, 2016, pp. 161-164. (In Russian).

Received 1 February 2021

Reviewed 27 February 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the author

Vadim V. Khiluta – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7872-949X>, e-mail: tajna@tut.by

For citation

Khiluta V.V. Fenomen administrativnoy preyuditsii v kontekste ponimaniya sushchnosti prestupleniya [Phenomenon of administrative prejudice in the context of understanding the essence of crime]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 117-136. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-137-147

УДК 347.9

Шифр научной специальности 12.00.15

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТОЖДЕСТВА ИСКОВ ПРИ ПОВТОРНОМ ОБРАЩЕНИИ В СУД ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

А.В. Гончарова^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1

²ООО «Южная Энергетическая Компания»

354068, Российская Федерация, г. Сочи, ул. Донская, 10

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-8544>, e-mail: annyru@inbox.ru

Аннотация. Работа посвящена актуальной проблеме многократного рассмотрения судами общей юрисдикции аналогичных споров вопреки принципам процессуальной экономии и правовой определенности. При написании работы использовались основные научные методы: диалектико-материалистический метод научного познания, формально-логический метод, метод анализа и синтеза. Подвергнуты научному анализу элементы иска как средства его индивидуализации. Подробно изучены взгляды ученых на предмет иска, фактические и юридическое основание иска, стороны и содержание иска как объекты индивидуализации исков при установлении их тождества. Пристальное внимание уделено применению альтернативных оснований иска в спорах, возникающих из длящихся правоотношений. Изучены способы искусственного изменения нового иска с целью преодоления законной силы судебного решения, принятого по первоначальному иску. Сформулировано предложение о временном ограничении предъявления новых исков по спорам, характеризующимся длящимися правоотношениями, а также обоснована целесообразность введения в научный оборот понятия «фактическое тождество» исков. В заключение обозначены приемы недобросовестного преодоления тождества исков, среди которых манипуляции с легитимацией сторон спора, интерпретация существовавших на момент рассмотрения первоначального иска обстоятельств дела в качестве нового основания иска, формальное изменение требований истца.

Ключевые слова: тождество спора; тождество исков; элементы иска; длящиеся правоотношения; специальные предпосылки права на предъявление иска

В настоящее время назрела насущная проблема высокой нагрузки на судебную систему, обусловленная возрастающим количеством подлежащих рассмотрению гражданских дел. Ряд из предъявляемых исков

уже являлся предметом судебного разбирательства, однако стороны добиваются иного процессуального результата и вновь обращаются в суд. Теоретико-практическую значимость приобретает вопрос повышения эффективности применения предпосылок права на предъявление иска. Цель настоящей работы заключается в поиске способов ограничения предъявления в суд необоснованных исков, тождественных ранее рассмотренным судом.

Успешная реализация права на обращение за судебной защитой обусловлена наличием у заинтересованного лица права на предъявление иска, которое устанавливается судом исходя из наличия или отсутствия необходимых предпосылок. Одной из предпосылок является отсутствие вступившего в законную силу решения суда по тождественному спору. Судя по пункту 2 части 1 статьи 134 Гражданского процессуального кодекса РФ¹ тождество спора определяется по предмету, основаниям и сторонам. Препятствием для повторной подачи искового заявления по тождественному спору служит также прекращение производства по делу по причине отказа истца от иска или утверждения между сторонами мирового соглашения, оформленное соответствующим определением суда. Данная предпосылка согласуется с исключительностью, как свойством законной силы судебного решения. Действие исключительности означает невозможность принятия повторного искового заявления и рассмотрения тех же требований по тем же основаниям, а также оспаривания юридических фактов, установленных в судебном решении (часть 2 статьи 209 ГПК РФ). Н.Б. Зейдер указывал, что помимо аналогичных исковых требований исключается возможность вторичного рассмотрения того же заявления или бесспорного требования [1, с. 136]. В случае нарушения запрета на повторное предъявление тождественного иска суд отказывает в принятии искового заявления (статья 134 ГПК РФ). Таким образом, закон оперирует понятиями «спор между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям» и «те же исковые требования, на том же основании» (пункт 2 части 1 статьи 134, часть 2 статьи 209 ГПК РФ). Это заставляет задуматься над соотношением категорий «тождество спора» и «тождество иска». Данный вопрос неоднократно становился предметом научного анализа. Объектами сравнения тождественных исков являются элементы иска: предмет, основание и стороны. Если в отношении использования предмета и основания иска как объектов сравнения

---

¹ Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 (далее ГПК РФ).

исков мнения правоведов совпадают, то стороны и содержание иска – это спорный элемент индивидуализации иска [2, с. 106].

Г.Л. Осокина обосновывает позицию о существовании внутреннего и внешнего тождества исков. Внутреннее тождество представляет собой идентичность первоначального иска и иска измененного во время судебного разбирательства. Внутреннее тождество устанавливается исходя из анализа иска и содержания, вынесенного по нему судебного решения. Внешнее тождество означает процесс идентификации вновь заявленного иска и иска, ранее рассмотренного судом, по основанию, предмету, сторонам [3, с. 125-135].

Установление тождества иска и тождества спора по одним и тем же критериям видится Л.А. Зеленской не вполне обоснованным. Она полагает, что сосуществование понятий «иск» и «спор», имеющих аналогичные структурные элементы, нецелесообразно. В связи с этим ученый предлагает выделять в качестве элементов спора материально-правовое отношение, нарушение прав, субъектов спора. Соответственно, тождественными будут споры, возникшие из общего материального правоотношения в связи с одним и тем же нарушением с участием одних и тех же субъектов [4, с. 80-81]. Суждения в том же русле высказывает Ю.А. Борисова, расширяя представления о понимании тождества споров. По ее мнению, идентификацию спора следует проводить по:

- сторонам (истцу и ответчику);
- предмету спора, который включает в себя предмет исковых требований, заявленных истцом и третьим лицом, предмет встречного иска, заявленного ответчиком, а также требования, разрешенные судом самостоятельно;
- основанию спора, объединяющему фактическое основание иска, встречного иска, основание возражений на иск, другие юридические факты, имеющие значение для дела и отраженные в судебном решении [5, с. 7].

Несомненно, тождество споров имеет больше элементов для сравнения, чем тождество исков. Но расширение круга идентифицируемых объектов, строго говоря, приводит к сужению количества полностью тождественных споров из-за вариативности обстоятельств дела и поведения сторон в процессе в части распоряжения диспозитивными правами. Как видно из анализа понятия «тождество спора», его установление возможно путем применения вышеописанных объектов сравнения после вынесения судебных решений по делам, рассмотренным судом. На стадии возбуждения гражданского судопроизводства вновь заяв-

ленный иск сравнивается с ранее рассмотренным иском по содержанию вынесенного судебного решения. Таким образом, при проверке отсутствия судебного акта, вступившего в законную силу, по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям сравнивается не иск и спор, а два иска, то есть устанавливается внешнее тождество исков.

Предмет иска как основной элемент для сравнения подразумевает нарушенное субъективное право или охраняемый законом интерес, о защите которого предъявлено требование истца к ответчику. Требование, сформулированное в просительной части искового заявления, должно соответствовать предусмотренному законом способу защиты права. Заявленное исковое требование, отражающее вид требуемой у суда защиты, М.А. Гурвич считал содержанием иска и относил к его элементам [6, с. 10]. Однако применять содержание иска как средство индивидуализации при установлении тождества нецелесообразно, поскольку истец может неправильно избрать способ судебной защиты либо намеренно его изменить при предъявлении нового иска с целью создания искусственных отличий от иска, ранее рассмотренного судом. Правильное применение норм материального права возложено на суд, который при вынесении судебного решения определяет верный способ судебной защиты, при этом суд не вправе выйти за пределы заявленных требований, за исключением предусмотренных законом случаев. Способу судебной защиты в идеале должно соответствовать юридическое и фактическое основание иска.

Тождество основания исков означает совпадение обстоятельств, на которых истец основывает свои требования. Его использование для индивидуализации исков имеет свои существенные особенности. Г.Л. Осокина выделяет альтернативное и безальтернативное основание иска. Альтернативное основание формирует совокупность юридически значимых обстоятельств, на основании которых возникают, изменяются или прекращаются субъективные права или законные интересы. Внешнее тождество отсутствует, если суд отказал в удовлетворении исковых требований по одному основанию, а новое требование предъявлено по другому основанию, не являвшемуся предметом судебного рассмотрения. По мнению автора, альтернативные основания имеются в исках о лишении родительских прав, об установлении отцовства и др. [7, с. 23].

Остановимся подробнее на анализе альтернативных оснований исков о лишении родительских прав. Статья 69 Семейного кодекса РФ

предусматривает ряд оснований для лишения родительских прав, которые могут применяться в совокупности при наличии достаточного юридического состава и виновного поведения родителей. Возможность предъявления нового иска, не тождественного прежнему иску, во многом зависит от того, существовали ли обстоятельства нарушения права на момент рассмотрения первоначального иска, либо они возникли после вынесения судебного решения. Предположим, обстоятельства существовали, однако либо не были изложены в исковом заявлении, либо по какой-то причине не исследовались судом. Приведем пример, основанный на реальных событиях рассмотрения судом иска о лишении родительских прав. Мать троих несовершеннолетних детей Н. О. предъявила иск о лишении родительских прав отца Н. С.

Суд первой инстанции исследовал обстоятельства, составляющие фактическое основание иска, а именно факты злоупотребления отцом своими родительскими правами, осуществление психического насилия над детьми, злоупотребление спиртными напитками, совершение умышленного преступления против здоровья матери детей, повлекшего причинение легкого вреда здоровью. Суд отказал в удовлетворении исковых требований, сославшись на недоказанность наличия оснований для лишения родительских прав. В суде второй инстанции выяснилось, что в силу юридической неграмотности истец не указала в иске на злостное уклонение отца от уплаты алиментов и наличие задолженности по алиментам более 600 тысяч рублей. Это обстоятельство не было предметом судебного рассмотрения в суде первой инстанции. Само по себе возникновение этой ситуации свидетельствует о том, что суд недостаточно тщательно исследовал обстоятельства дела. Согласно части 3 статьи 70 Семейного кодекса РФ суд должен был поставить вопрос о взыскании алиментов с родителя, в отношении которого заявлено требование о лишении родительских прав, независимо от того, просит ли истец взыскать алименты. При исследовании данного вопроса суд мог бы обнаружить, что алименты уже были взысканы с ответчика, и он злостно уклоняется от их уплаты, а затем предложить истцу представить дополнительные доказательства, подтверждающие наличие задолженности.

По правилам рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, новые доказательства не принимаются, если они существовали на момент разбирательства в суде первой инстанции и не были представлены в суд по неуважительной причине. Таким образом, суд апелляционной инстанции отверг представленный матерью детей расчет задол-

женности по алиментам. Наличие альтернативного основания в виде злостного уклонения от уплаты алиментов в статье 69 Семейного кодекса РФ не исключает возможность повторного обращения Н. О. в суд с новым иском о лишении родительских прав. Однако высока вероятность того, что при отсутствии новых обстоятельств нарушения прав несовершеннолетних отцом, злостное уклонение от уплаты алиментов будет оценено судом как недостаточное основание для применения крайней меры семейно-правовой ответственности. Иные обстоятельства судом исследовались и являются преюдициально установленными решением суда, принятым по первоначальному иску. Таким образом, поочередное использование альтернативных оснований может препятствовать достижению истцом желаемого результата по защите нарушенных прав. Шансы на удовлетворение второго иска повысятся при условии изменения фактического основания иска, то есть при выявлении новых нарушений прав несовершеннолетних. Однако отсутствие внешнего тождества исков и сохранение права на повторное обращение в суд в данном случае обусловлено длящимися семейными отношениями, в которых находятся участники спора. В статических отношениях, где обстоятельства нарушения прав истца остаются неизменными, повторное предъявление иска недопустимо, поскольку фактическое основание тождественно основанию ранее рассмотренного иска.

На избирательность применения правил о тождественности исков и отказа в принятии искового заявления указал Верховный суд РФ в Обзоре судебной практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного суда РФ 20 июля 2011 г.). Исходя из того, что правоотношения по воспитанию детей имеют длящийся характер, нельзя отказывать в принятии искового заявления по пункту 2 части 1 статьи 134 ГПК РФ по спору между теми же сторонами о том же предмете при изменении фактических обстоятельств дела по сравнению с ранее предъявленным иском². Согласно данному подходу внешнее тождество отсутствует в силу отличий основания исков. Несмотря на логичность такого вывода, он создает почву для неограниченного обращения в суд с аналогичными исками при наличии ранее вынесенных судебных решений. А. Бычков описывает ситуацию с беспрепятственным предъявлением нового иска об определении места жительства ребенка с одним из родителей, вопреки состоявшемуся су-

---

² Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного суда РФ 20.07.2011 г.) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2012. № 7.

дебному решению, по которому место жительства ребенка уже определено [8]. Принятие нового искового заявления оправдано изменением ситуации и появлением новых фактических обстоятельств, влияющих на права и законные интересы ребенка. При неизменности основания иска повторное рассмотрение фактически тождественного иска влечет нарушение принципов процессуальной экономии и правовой определенности, дестабилизирует урегулированные судебным решением отношения. В качестве средства ограничения безосновательного предъявления тождественных исков в делящихся правоотношениях следует предусмотреть временный отказ в принятии искового заявления как специальную предпосылку права на предъявление иска. Аналогичные специальные предпосылки известны российскому законодательству. Это ограничение права на предъявление мужем требования о расторжении брака без согласия супруги во время ее беременности и до достижения ребенком одного года (статья 17 Семейного кодекса РФ), установление срока на предъявление в суд иска о лишении родительских прав после ограничения в родительских правах (статья 73 Семейного кодекса РФ). Полагаем, что новые иски в делящихся правоотношениях должны предъявляться не ранее чем через три месяца после вынесения судебного решения по первоначальному иску, за исключением случаев, не терпящих отлагательств. Такое правило обусловит возможное изменение фактического основания нового иска и, вполне вероятно, позволит снизить уровень конфликтности ситуации с течением времени.

Н.А. Бортникова поднимает очень актуальную для судебной практики проблему преодоления законной силы судебного решения в ситуации, когда истец неудовлетворен результатами судебного процесса и предъявляет новый иск с альтернативным требованием к тому же ответчику по тем же основаниям, в связи с чем возникает риск вынесения противоречивых решений. В качестве предполагаемого способа борьбы с этим явлением ученый предлагает использовать критерий внутреннего и внешнего тождества с тем, чтобы определять тождество вновь поданного иска по сравнению с предыдущим по неизменности защищаемого субъективного права или законного интереса. Однако сама исследователь ставит под сомнение действенность данного критерия по причине возможных злоупотреблений. В данном случае возникает проблема установления «фактического» тождества исков и его обоснования. Н.А. Бортникова называет случаи, при которых ранее рассмотренный и вновь заявленный иски не будут считаться тождественными:

– при появлении новых обстоятельств дела, формирующих фактическое основание иска, если они возникли после вынесения судебного решения по ранее заявленному иску;

– при появлении нового правового основания, возникшего вследствие принятия нового закона, если он распространяется на ранее существовавшие отношения;

– в случае предъявления иска ответчиком после отказа истца от ранее заявленного иска [9, с. 17-19].

Проведенный анализ демонстрирует проблему многократного рассмотрения судом аналогичных исков, искусственно измененных с целью завуалировать внешнее тождество. Для таких ситуаций целесообразно использовать оборот «фактическое тождество» исков, то есть установление совпадения элементов иска с учетом их намеренной деформации истцом. В качестве приемов недобросовестного преодоления тождества исков следует назвать манипуляции с легитимацией сторон спора, интерпретацию существовавших на момент рассмотрения первоначального иска обстоятельств дела в качестве нового основания иска, формальное изменение требований истца. Полученные выводы обладают высокой степенью научной новизны, поскольку ранее поставленная проблема не исследовалась в заданном направлении. Теоретическую и практическую значимость результатов работы обусловливает перспективность дальнейших научных разработок и реалистичность внедрения сделанных предложений в гражданское процессуальное законодательство.

Список литературы

1. *Зейдер Н.Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юрид. лит., 1966. 192 с.
2. *Банников Р.Ю.* Отсутствие судебного акта по тождественному иску как предпосылка права на предъявление иска // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. № 5. С. 101-109.
3. *Осокина Г.Л.* Иск (теория и практика). М., 2000. 186 с.
4. *Зеленская Л.А.* К вопросу о соотношении понятий «тождество споров» и «тождество исков» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 79-83.
5. *Борисова Ю.А.* Тождество в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.
6. *Гурвич М.А.* Учение об иске (состав, виды). М., 1981. 40 с.
7. *Осокина Г.Л.* Понятие, виды и значение тождества иска (исков) // Российская юстиция. 1995. № 3. С. 22-23.
8. *Бычков А.* Тождество исков // ЭЖ-Юрист. 2015. № 30. С. 13.

9. *Бортникова Н.А.* Определение тождества исков // Научно-практический юридический журнал «Общество. Закон. Правосудие». 2016. № 1. С. 13-19.

Поступила в редакцию 03.02.2021 г.

Поступила после рецензирования 01.03.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторе

Гончарова Анна Вадимовна – соискатель кафедры гражданского процесса. Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация; заместитель генерального директора. ООО «Южная Энергетическая Компания», г. Сочи, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-8544>, e-mail: annyru@inbox.ru

Для цитирования

Гончарова А.В. Преодоление тождества исков при повторном обращении в суд по гражданским делам // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 137-147. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-137-147

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-137-147

OVERCOMING THE IDENTITY OF CLAIMS WHEN RE-APPLYING TO THE COURT IN CIVIL CASES

Anna V. Goncharova^{1,2}

¹Saratov State Law Academy

1 Volskaya St., Saratov 410056, Russian Federation

²LLC “South Energy Company”

10 Donskaya St., Sochi 354068, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-8544>, e-mail: annyru@inbox.ru

Abstract. The work is devoted to the actual problem of repeated consideration by courts of general jurisdiction of similar disputes contrary to the principles of procedural economy and legal certainty. The main scientific methods are used: the dialectical-materialistic method of scientific knowledge, the formal-logical method, the method of analysis and synthesis. We subject the elements of the claim to scientific analysis as a means of its individualization. We examine in detail the views of scientists on the subject of the claim, the actual and legal basis of the claim, the parties and the content of the claim as objects of individualization of claims when establishing their identity. Close attention is paid to the use of alternative grounds of claim in disputes arising from ongoing legal relations. We study the ways of artificially changing the new claim in order to overcome the validity of the court decision made on the original claim. We formulate a proposal for a temporary restriction on the fil-

ing of new claims in disputes characterized by continuing legal relations, and also justifies the expediency of introducing the concept of “actual identity” of claims into scientific circulation. In conclusion, we mark the dishonest methods of overcoming of identity claims, among which manipulation of the legitimation of the parties to the dispute, interpretation existed at the time of consideration of the initial claim of the circumstances of the case as a new cause of action, the formal change of the plaintiff.

Keywords: the identity dispute; the identity of claims elements of claim; lasting relationship; the special prerequisites of the right to sue

References

1. Zeyder N.B. *Sudebnoye resheniye po grazhdanskomu delu* [Judgment in a Civil Case]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1966, 192 p. (In Russian).
2. Bannikov R.Y. Otsutstviye sudebnogo akta po tozhdestvennomu isku kak predposylka prava na pred'yavleniye iska [Absence of a judicial act on an identical claim as a prerequisite for the right to bring a claim]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo – Moscow University Law Bulletin. Series 11. Law*, 2009, no. 5, pp. 101-109. (In Russian).
3. Osokina G.L. *Isk (teoriya i praktika)* [Lawsuit (Theory and Practice)]. Moscow, 2000, 186 p. (In Russian).
4. Zelenskaya L.A. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «tozhdestvo sporov» i «tozhdestvo iskov» [To the question of the relationship between the identity “identity of disputes” and “identity of lawsuit”]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskkiye i obshchestvennyye nauki – Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2020, no. 1, pp. 79-83. (In Russian).
5. Borisova Y.A. *Tozhdestvo v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Identity in Civil Proceedings. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2009, 25 p. (In Russian).
6. Gurvich M.A. *Ucheniye ob iske (sostav, vidy)* [The Doctrine of the Claim (Composition, Types)]. Moscow, 1981, 40 p. (In Russian).
7. Osokina G.L. Ponyatiye, vidy i znachenkiye tozhdestva iska (iskov) [The concept, types and meaning of the identity of the claim (claims)]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*, 1995, no. 3, pp. 22-23. (In Russian).
8. Bychkov A. Tozhdestvo iskov [Identity of claims]. *Ezh-Yurist [EJ-Lawyer]*, 2015, no. 30, pp. 13. (In Russian).
9. Bortnikova N.A. Opredeleniye tozhdestva iskov [Determination of the identity of claims]. *Nauchno-prakticheskiy yuridicheskiy zhurnal «Obshchestvo. Zakon. Pravosudiye»* [Scientific and Practical Legal Journal “Society. Law. Justice”], 2016, no. 1, pp. 13-19. (In Russian).

Received 3 February 2021

Reviewed 1 March 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the author

Anna V. Goncharova – Competitor of Civil Procedure Department. Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation; Deputy General Director. LLC “South Energy Company”, Sochi, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-8544>, e-mail: annyru@inbox.ru

For citation

Goncharova A.V. Preodoleniye tozhdestva iskov pri povtornom obrashchenii v sud po grazhdanskim delam [Overcoming the identity of claims when re-applying to the court in civil cases]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 137-147. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-137-147 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-148-160

УДК 347.9

Шифр научной специальности 12.00.15

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В.В. Назаров, А.Д. Золотухин

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4051-4853>, e-mail: kafgptsp@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7925-5572>, e-mail: kafgptsp@yandex.ru

Аннотация. Авторы, исследуя процесс доказывания в гражданском судопроизводстве, пришли к выводу о том, что суд в процессе доказывания является определяющим субъектом. Этот вывод следует из содержания правил деятельности суда по определению предмета доказывания. Определяя предмет доказывания, суд тем самым определяет и организует деятельность лиц, участвующих в деле, по доказыванию тех обстоятельств, на которые он указал в предмете доказывания, независимо от мнения лиц, участвующих в деле по поводу обстоятельств, которые они просили включить в предмет доказывания, но суд этого не сделал. Определяющая роль суда в процессе доказывания подтверждается и установленным законодателем правом применения правил допустимости доказательств, представленных лицами, участвующими в деле, к исследованию в судебном заседании, а также правом предложения лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства. Авторы пришли к выводу о том, что правила, применяемые судом для определения допустимости доказательств, представляют определенную совокупность. Эта совокупность включает в себя, кроме общего правила определения допустимости доказательств, правило, согласно которому допустимость доказательств устанавливается путем определения их относимости и достаточности к обстоятельствам предмета доказывания. В совокупность входят и правила по определению процессуальной формы представляемых доказательств, включая правила их получения. Авторы считают, что законодатель должен исключить действующее в настоящее время правило о признании нарушений процессуальной формы получения доказательств формальными, как не соответствующее требованиям принципа законности.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; процесс доказывания; предмет доказывания; определяющий субъект процесса доказывания; относимость доказательств; достаточность доказательств; средства

доказывания; процессуальная форма получения доказательств; совокупность правил допустимости доказательств

Возможный положительный результат в процессе реализации права на судебную защиту, в том числе и в порядке гражданского судопроизводства, определяют доказательства. Наличие доказательств – это одна из предпосылок права на удовлетворение иска, о существовании которого в науке гражданского процессуального права нет единого мнения¹. Для того чтобы суд принял решение в пользу лиц, участвующих в деле, им необходимо убедить суд в наличии тех обстоятельств, на которые они ссылаются как на основание своих требований или возражений. Формирование убеждения суда в наличии обстоятельств, на которые ссылаются лица, участвующие в деле, осуществляется в процессе доказывания. Лица, участвующие в деле, обязаны раскрыть собранные ими доказательства и представить их суду. Суд, принимая представленные ему доказательства, определяет возможность допустимости или недопустимости их для исследования в судебном заседании. Определение возможности допустимости или не допустимости тех или иных доказательств для их исследования – задача довольно сложная, решение которой порождает определенные проблемы, требующие разрешения, что и определяет необходимость представленного исследования.

В науке гражданского процессуального права существуют различные точки зрения о роли суда в процессе доказывания². Процесс доказывания в современном гражданском судопроизводстве сконструирован таким образом, что деятельность лиц, участвующих в деле в процессе собирания, раскрытия, представления, исследования доказательств относительно обстоятельств, входящих в предмет доказывания конкретной ситуации, требующей разрешения, определяется судом. Этот вывод можно сделать из установленных законодателем правил определения предмета доказывания. При определении предмета доказывания каждому из субъектов гражданских процессуальных правоотношений, участвующих в рассмотрении дела, законодателем отведена своя определенная роль. Лица, участвующие в деле, указывают суду на обстоятельства на основании своих требований или возражений. Суд, исследуя эти обстоятельства, в окончательном варианте определяет, «какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надле-

---

¹ Подробнее см. об этом: *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М.: Юристъ, 2003. С. 531-540.

² Подробнее об этом см.: *Гражданский процесс / под общ. ред. Н.М. Коршунова.* М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 189-192.

жит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались» (часть 2 статьи 56 ГПК РФ). Из этого следует, что предмет доказывания определяется судом или, по крайней мере, он с ним «согласовывается». Роль суда в процессе определения предмета доказывания указывает на то, что суд среди других субъектов процесса доказывания можно считать определяющим субъектом процесса доказывания. Суд, устанавливая обстоятельства предмета доказывания, определяет и организует процессуальное поведение лиц, участвующих в деле, по доказыванию именно тех обстоятельств, на которые он указал, независимо от мнения лиц, участвующих в деле, в отношении обстоятельств, на которые они указывали, предлагая включить их в предмет доказывания, но суд этого не сделал.

Определяющим субъектом процесса доказывания суд является еще и потому, что законодатель возложил на него деятельность по определению допустимости доказательств, представленных лицами, участвующими в деле, для возможного исследования их в судебном заседании. Деятельность суда по определению допустимости доказательств заключается в праве суда определять, какие доказательства могут быть предметом исследования в судебном заседании, а какие нет. Эта деятельность суда осуществляется на всех стадиях рассмотрения дела в суде первой инстанции и при рассмотрении дела в суде второй инстанции, при представлении доказательств лицами, участвующими в деле. Раскрытие собранных лицами, участвующими в деле, доказательств и представление их суду не означает, что эти доказательства обязательно будут предметом их исследования в судебном заседании. Какие доказательства будут предметом исследования в судебном заседании, а какие нет, окончательно определяет суд.

Общее правило допустимости доказательств сформулировано законодателем следующим образом: «Обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами» (статья 60 ГПК РФ). Определенные обстоятельства, входящие в предмет доказывания, должны быть подтверждены только теми средствами доказывания, которые для их подтверждения определил законодатель. Правила допустимости доказательств не ограничиваются только этими требованиями и должны рассматриваться как определенная совокупность.

При определении допустимости того или иного доказательства к исследованию судом должны оцениваться установленные законодате-

лем свойства доказательств. Этими свойствами являются свойство относимости доказательств и свойство достаточности доказательств.

Формулируя правила относимости доказательств, законодатель предлагает следующую конструкцию, согласно которой «суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела» (статья 59 ГПК РФ). Предлагаемая законодателем редакция указанного правила достаточно сложна для применения. В соответствии с этими правилами, лица, участвующие в деле, должны убедить суд в том, что представленные ими доказательства взаимосвязаны с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, вследствие чего эти доказательства и должны быть предметом исследования. Окончательно относимость доказательств определяет суд. По мнению И.В. Решетниковой, суд признает относимыми доказательства, «если они содержат сведения о фактах, подлежащих установлению в целях разрешения гражданского дела или совершении отдельных процессуальных действий»³. При решении вопроса о взаимосвязи доказательств с предметом доказывания имеет значение и правильное определение судом предмета доказывания. Так, М.К. Треушников считает, что неправильное определение судом «круга относимых по делу фактов, то есть объективной основы, может привести к неверному решению вопроса об относимости доказательств» [1, с. 126]. Определение относимости доказательств по отношению к обстоятельствам предмета доказывания усложняется в зависимости от представляемых лицами, участвующими в деле, различных видов доказательств. Например, при предоставлении лицами, участвующими в деле, косвенных доказательств. Ошибки при применении правил определения относимости доказательств могут быть допущены судом не только при неправильном определении обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Определение относимости доказательств требует также и хорошей профессиональной подготовки судей. Ненадлежащая профессиональная подготовка судей может привести к неправильному применению судом правил относимости доказательств. Так, суд при определении относимости доказательств может не допустить к исследованию отдельные фактически относимые доказательства. В результате этой ошибки не будут установлены определенные обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Возможна также ситуация, когда суд вообще не применяет правила определения относимости доказательств,

---

³ Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе. М.: Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2010. С. 77.

допуская до исследования всю совокупность доказательств, представленных ему лицами, участвующими в деле, что влечет неоправданную потерю времени рассмотрения дела.

С допустимостью доказательств связано и другое свойство доказательств, обозначенное как достаточность доказательств. Для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, лица, участвующие в деле, могут представить одно или совокупность доказательств при этом одного или различных видов. В этом случае суд оценивает не только относимость представленных доказательств к искомым обстоятельствам, но и их достаточность или недостаточность для установления этих обстоятельств. При этом если относимость представленных доказательств для исследования зависит от определения судом их связи с искомыми обстоятельствами, то определение их достаточности или недостаточности суд определяет в процессе исследования уже допустимых к исследованию доказательств. Определение достаточности доказательств формирует у суда убеждение о доказанности или недоказанности обстоятельств, определенных им в предмете доказывания. Проблема состоит в установлении того, в каком объеме представленные доказательства могут убедить суд в наличии или отсутствии искомых обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Для разрешения проблемы определения достаточности или недостаточности доказательств законодатель закрепил за судом право предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства (часть 1 статьи 57 ГПК РФ). Это право суда также подтверждает вывод об определяющей роли суда в процессе доказывания по отношению к другим субъектам процесса доказывания.

Определение достаточности или недостаточности доказательств судом соотносится и с основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке, которое обозначено законодателем как недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела (пункт 2 части 1 статьи 330 ГПК РФ).

Содержание правил допустимости доказательств, кроме относимости доказательств и достаточности доказательств, включает в себя и требования к процессуальной форме доказательств, представленных к исследованию. В гражданском судопроизводстве законодатель установил определенные правовые конструкции, обозначив их как средства доказывания. Средства доказывания – это процессуальные формы, которые содержат сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, входящих в определенный

судом или согласованный с ним предмет доказывания по конкретному делу. К средствам доказывания относятся: объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов (часть 1 статьи 55 ГПК РФ). Каждому средству доказывания соответствует установленная законодателем определенная процессуальная форма его получения и исследования.

В совокупности правил допустимости доказательств, кроме общего правила, закрепленного в статье 60 ГПК РФ, существует и правило, согласно которому обстоятельства, подлежащие доказыванию, могут быть подтверждены только теми средствами доказывания, которые в качестве таковых определены законодателем в абзаце 2 части 1 статьи 55 ГПК РФ. Суд не может ссылаться на средства доказывания, которые законодателем не определены в качестве таковых. В этой связи существует проблема применения этого правила. В гражданском судопроизводстве законодатель для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи, при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств предусмотрел возможность привлечения для участия в деле специалистов. Законодатель предусмотрел и определенную процессуальную форму их участия (статья 188 ГПК РФ). По сравнению с арбитражным судопроизводством в гражданском судопроизводстве консультация специалиста не определена законодателем в качестве средства доказывания (часть 2 статьи 64 АПК РФ).

Законодатель установил правило, согласно которому в случае, если в процессе рассмотрения дела возникнут вопросы, требующие специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, то для разрешения этих вопросов законодатель предусмотрел возможность назначения судом экспертизы, результатом проведения которой является получение заключения эксперта (статья 79 ГПК РФ). Заключения экспертов являются одним из средств доказывания, которое имеет свою процессуальную форму получения и исследования. На практике лица, участвующие в деле, исходя из того, что проведение экспертизы требует, в том числе, и значительных материальных затрат, как правило, не заявляют ходатайств о назначении экспертизы. Вместо этого участвующие в деле лица представляют в суд для исследования заключения лиц, которые они получают от них по своей инициативе или по предложению суда в различных организациях, которые в на-

стоящее время специализируются в этой области деятельности. Этих лиц следует считать специалистами, но в отличие от специалистов, занимающихся консультационной деятельностью и оказанием непосредственной технической помощи, они дают заключения, которые формулируют на основании проводимых исследований. Несмотря на это, их нельзя считать экспертами, так как законодатель не относит их к таковым. Правовое положение специалистов, дающих заключения, законодателем в настоящее время не определено. Заключение специалиста законодателем не определено и в качестве средства доказывания.

Отсутствие процессуальной формы получения и исследования заключения специалиста порождает в гражданском судопроизводстве проблему, которая заключается, во-первых, в определении возможности или невозможности допустимости заключения специалиста к исследованию; во-вторых, если суд допускает заключение специалиста к исследованию, то в какой процессуальной форме оно будет исследоваться? На практике заключение специалиста допускается судьями к исследованию в качестве доказательства. Оно исследуется и оценивается судом наряду с другими доказательствами. Однако, ввиду того, что законодатель не предусмотрел самостоятельной процессуальной формы исследования заключения специалиста, как средства доказывания, оно исследуется с применением процессуальной формы, которая предусмотрена законодателем для исследования письменных доказательств, то есть заключение специалиста следует рассматривать как письменное доказательство [2, с. 205]. В этой ситуации возникает противоречие, содержание которого заключается в применении определенного средства доказывания по отношению к обстоятельствам, для установления которых законодатель предусмотрел другое специальное средство доказывания. Сложившаяся практика предполагает, что заключение специалиста признается письменным доказательством, отвечающим на вопросы, требующие специальных знаний, однако для получения ответов на вопросы, требующих специальных знаний, законодатель предусмотрел специальную процессуальную форму. Эта процессуальная форма определяется законодателем как заключения экспертов. Законодатель для получения ответов на вопросы, требующие специальных знаний, в форме заключений экспертов определил довольно сложную процессуальную форму ее получения и исследования исходя из того, что экспертизу проводит сведущее лицо, которое никакого отношения к суду не имеет. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что заключение специалиста, как письменное средство

доказывания, не может быть доказательством обстоятельств, для установления которых требуются специальные знания.

В совокупность правил допустимости доказательств входит еще одно правило, которое можно определить, как деятельность суда по проверке процессуальной формы получения доказательств лицами, участвующими в деле. В случае, если суд установит нарушения процессуальной формы получения доказательств, то эти доказательства не должны быть допущены судом к исследованию. Для каждого определенного средства доказывания законодателем предусмотрена своя процессуальная форма их получения. Применение этих правил лицами, участвующими в деле, обеспечивает достоверность доказательств, представляемых для исследования. Нарушение процессуальной формы получения доказательств вызывает сомнение в достоверности этих доказательств. В соответствии со статьей 50 Конституции Российской Федерации: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением Федерального закона». Основной Закон Российской Федерации обязывает суды Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел, в том числе и в порядке гражданского судопроизводства, проверять процессуальную форму получения доказательств, придавая особое значение ее соблюдению. Проверять процессуальную форму получения доказательств суду следует каждый раз в процессе представления доказательств лицами, участвующими в деле, и обсуждения их ходатайств об исследовании доказательств в судебном заседании.

В ГПК РФ законодатель закрепляет конституционные положения о соблюдении процессуальной формы получения доказательств. Так, статьей 55 ГПК РФ законодатель определяет условие, согласно которому доказательства, которые лица, участвующие в деле, представляют суду, должны быть получены в предусмотренном законом порядке, и положение о том, что «доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда».

Нарушение процессуальной формы правил получения доказательств соотносится и с основаниями отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке. В соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 330 ГПК РФ к таковым относятся «нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права». Нарушения процессуальной формы правил получения доказательств следует отнести к основаниям, которые определены законода-

телем как нарушение или неправильное применение норм процессуального права. В части 4 статьи 330 ГПК РФ законодатель конкретно указал, какие процессуальные нарушения в любом случае являются основаниями отмены решения суда первой инстанции. Нарушения процессуальной формы правил получения доказательств к таким нарушениям законодатель не относит.

Нарушения процессуальной формы получения доказательств могут стать основаниями для изменения или отмены решения суда первой инстанции в случае, когда эти нарушения привели или могли привести к принятию неправильного решения, и к такому выводу пришел суд (часть 3 статьи 330 ГПК РФ). По смыслу этой статьи, суд апелляционной инстанции, установив нарушение процессуальной формы правил получения доказательств, которые были допущены к исследованию судом первой инстанции, должен дать им оценку и определить, привели эти нарушения или могли привести к принятию неправильного решения. Суды апелляционной инстанции уделяют недостаточное внимание оценке доказательств, полученных с нарушением процессуальной формы и допущенных судом первой инстанции до исследования с целью определения того, привели эти нарушения или могли привести к принятию неправильного решения. Например, это относится к нарушениям судом первой инстанции установленных законодателем правил назначения экспертизы (статья 79 ГПК РФ). Этим нарушениям суд апелляционной инстанции, как правило, не придает значения. Такому положению способствует закрепленное в гражданском процессуальном праве правило, согласно которому «правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним только формальным соображениям» (часть 6 статьи 330 ГПК РФ). При этом законодатель не определяет, что он понимает под «формальным соображением». Признание судом нарушений правил получения доказательств, допущенных к исследованию судом первой инстанции, формальными, является особенностью процессуальной формы гражданского судопроизводства. Суд, устанавливая нарушения процессуальной формы правил получения доказательств, которые были допущены к исследованию судом первой инстанции, как правило, относит их к формальным нарушениям, что дает ему возможность не оценивать эти нарушения с целью определения того, привели эти нарушения или могли привести к принятию неправильного решения. Такая ситуация не соответствует требованиям принципа законности в гражданском судопроизводстве.

В Российской Федерации принцип законности определен в качестве основного принципа деятельности суда. В науке гражданского процессуального права законность предполагает то, что деятельность суда должна соответствовать нормам как материального, так и процессуального права. Определяя значение принципа законности, А.Т. Боннер делает вывод о том, что «реализация всех принципов, норм и институтов гражданского процессуального права в значительной степени может быть сведена к осуществлению принципа законности в гражданском судопроизводстве» [2, с. 16]. По мнению Д.А. Фурсова «законность нас интересует как основание гражданской процессуальной формы и способ ее мобильного существования, адекватного видоизменения сообразно меняющимся условиям, обеспечивающего полную, реальную, своевременную и эффективную защиту нарушенного права не только в абстрактной правовой модели процессуальных отношений, но и реальной деятельности по отправлению правосудия» [3, с. 42]. А.С. Федина считает, что содержание принципа законности «составляют требования строгого и неукоснительного соблюдения судом установленного порядка разрешения правовых споров, вынесения законных решений, а также возможность надлежащего их исполнения. Сюда же входит обязанность сторон и других участников процесса строго соблюдать правила гражданского процесса, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им правами, проявляя уважение к правам и законным интересам других участников процесса» [4, с. 15]. Право суда апелляционной инстанции определять нарушения правил получения доказательств, допущенных к исследованию судом первой инстанции формальными, определяет возможность суда не рассматривать эти нарушения в качестве оснований для изменения или отмены решения суда. Законодателю следует исключить из ГПК РФ правило, закрепляющее право суда признавать нарушения процессуальной формы правил получения доказательств, формальными. Это будет способствовать тому, что апелляционный суд, все установленные нарушения процессуальной формы правил получения доказательств, допущенных к исследованию судом первой инстанции, будет обязан оценивать в качестве возможных оснований для изменения или отмены решения исходя из того, что эти нарушения привели или могли привести к принятию неправильно решения. Законность решения суда определяется не только законным применением норм материального права, но и законным применением норм процессуального права. Этот вывод определяется правом лиц, участвующих в деле, на справедливое судебное разбирательство.

Совокупность правил допустимости доказательств судом к исследованию в судебном заседании содержит следующие правила. Допустимость доказательств определяется соблюдением правил, которые устанавливают их относимость и достаточность по отношению к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания. Суд может допускать к исследованию только те средства доказывания, которые определены законодателем. Для установления определенных обстоятельств суд может допустить до исследования только те средства доказывания, которые законодатель определил только для установления этих определенных обстоятельств. При определении допустимости доказательств суд обязан проверить установленную законодателем процессуальную форму правил получения доказательств.

Допустимость доказательств – категория, которая относится к процессу доказывания. Она применяется как при рассмотрении дел судом первой инстанции, так и при производстве в суде второй инстанции. Повторно рассматривая дело, суд апелляционной инстанции проверяет соответствие доказательств, которые были предметом исследования судом первой инстанции правил допустимости доказательств.

В апелляционной инстанции законодатель ограничил возможность предъявления к исследованию новых доказательств. Суд апелляционной инстанции может принять к исследованию новые доказательства, но при условии обоснования причин того, почему эти доказательства невозможно было представить в суд первой инстанции (пункт 3 части 2 статьи 322 ГПК РФ). Принимая новые доказательства к исследованию, суд апелляционной инстанции также должен определить возможность их допустимости к исследованию. При этом установленное законодателем правило необходимости обоснования заинтересованными лицами невозможности представления доказательств в суд первой инстанции, как обязательное условие их представления в апелляционную инстанцию в качестве новых доказательств, следует рассматривать как дополнительную составляющую содержания правил допустимости доказательств применительно к апелляционной инстанции.

Список литературы

1. *Треушников М.К.* Судебные доказательства. М.: Изд. дом «Городец», 2005.
2. *Боннер А.Т.* Принцип законности в советском гражданском процессе. М.: ВЮЗИ, 1989.
3. *Фурсов Д.А.* Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. М.: Статут, 2009.

4. *Федина А.С.* Принцип законности в гражданском процессе. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.

Поступила в редакцию 14.01.2021 г.

Поступила после рецензирования 27.02.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторах

Назаров Валентин Васильевич – кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4051-4853>, e-mail: kafgptsp@yandex.ru

Золотухин Александр Дмитриевич – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7925-5572>, e-mail: kafgptsp@yandex.ru

Для цитирования

Назаров В.В., Золотухин А.Д. К вопросу о допустимости доказательств в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 148-160. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-148-160

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-148-160

**ON THE ISSUE OF EVIDENCE ADMISSIBILITY
IN CIVIL PROCEEDINGS**

Valentin V. Nazarov, Aleksandr D. Zolotuhin

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4051-4853>, e-mail: kafgptsp@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7925-5572>, e-mail: kafgptsp@yandex.ru

Abstract. We investigate the procuring evidence in civil proceedings, we come to the conclusion that the court in the procuring evidence is the determining subject. This conclusion follows from the content of the rules of the court's activity to determine the subject of evidence. By determining the subject of evidence, the court thereby determines and organizes the activities of the persons participating in the case, to prove the circumstances to which it indicated in the subject of evidence, regardless of the persons' opinion participating in the case regarding the circumstances that they asked to be included in the subject of evidence, but the court did not. The decisive role of the court in the procuring evidence is also confirmed by the legislator's right to apply the rules of evidence admissibility presented by the persons participating

in the case for examination in the court session, as well as the right to offer the persons participating in the case to submit additional evidence. We conclude that the rules applied by the court to determine the evidence admissibility represent a specific set. This set includes, in addition to the general rule for determining the evidence admissibility, the rule according to which the evidence admissibility is established by determining their relevance and sufficiency to the circumstances of the subject of evidence. The set also includes rules for determining the procedural form of the evidence presented, including the rules for obtaining them. We believe that the legislator should exclude the current rule on the violations recognition of the procedural form of obtaining evidence as formal, as not complying with the requirements of the legality principle.

Keywords: civil proceedings; procuring evidence; subject of evidence; determining the subject of procuring evidence; evidence relevance; evidence sufficiency; evidence of practice; procedural form of obtaining evidence; set of rules for evidence admissibility

References

1. Treushnikov M.K. *Sudebnyye dokazatel'stva* [Forensic Evidence]. Moscow, "Gorodets" Publishing House, 2005. (In Russian).
2. Bonner A.T. *Printsip zakonnosti v sovetskom grazhdanskom protsesse* [The Principle of Legality in the Soviet Civil Procedure]. Moscow, ACLI Publ., 1989. (In Russian).
3. Fursov D.A. *Sovremennoye ponimaniye printsiptov grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa* [Modern Understanding of the Principles of Civil and Arbitration Process]. Moscow, Statut Publ., 2009. (In Russian).
4. Fedina A.S. *Printsip zakonnosti v grazhdanskom protsesse* [The Principle of Legality in Civil Proceedings]. Tver, Tver State University Publ., 2002. (In Russian).

Received 14 January 2021

Reviewed 27 February 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the authors

Valentin V. Nazarov – Candidate of Law, Professor, Professor of Civil and Arbitration Procedure Department of Law and National Security Institute. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4051-4853>, e-mail: kafgptsp@yandex.ru

Aleksandr D. Zolotuhin – Candidate of Law, Associate Professor, Head of Civil and Arbitration Procedure Department of Law and National Security Institute. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7925-5572>, e-mail: kafgptsp@yandex.ru

For citation

Nazarov V.V., Zolotuhin A.D. K voprosu o dopustimosti dokazatel'stv v grazhdanskom sudoproizvodstve [On the issue of evidence admissibility in civil proceedings]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 148-160. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-148-160 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Парамонов А.В., Харин В.В., 2021

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-161-170

УДК 34.09

Шифр научной специальности 12.00.01

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

А.В. Парамонов, В.В. Харин

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3288-3341>, e-mail: paramonowtmb@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2841-709X>, e-mail: vadimka.va@mail.ru

Аннотация. Информационная среда в настоящее время выступает обязательной составной частью жизнедеятельности общества и государства. Виртуальное пространство и новые технологии не только облегчают и улучшают жизнь современного человека, но и содержат реальные и серьезные угрозы национальной безопасности. Виртуальная (несуществующая) среда оказывает большое воздействие на реальную (практическую) жизнь личности, общества и государства. Опасность заключается в том, что государство в лице своих органов и должностных лиц не успевает вовремя создавать и корректировать законодательную базу противодействия. Было выявлено, что единые меры, а также единство политики в сфере обеспечения информационной безопасности в мире на уровне Деклараций и Конвенций ООН так и не были приняты, в связи с чем противодействие виртуальным угрозам, а также обеспечение безопасности информационной среды возлагается на региональные и государственные системы обеспечения национальной безопасности. При анализе основополагающих документов обеспечения национальной безопасности РФ в виртуальной сфере было выявлено, что законодатель основной акцент делает на угрозы информационного воздействия со стороны иностранных государств, не охватывая и не раскрывая весь объем и современное состояние возможных негативных явлений и угроз в данной сфере.

Ключевые слова: цифровая среда; информационная безопасность; национальная безопасность; противодействие новым угрозам

Современное общество невозможно представить без информационной среды. Цифровая реальность настолько интегрировалась в общественные отношения, что в настоящее время можно наблюдать постепенное вытеснение «классических» взаимоотношений и обществен-

ных процессов в виртуальное пространство. С одной стороны, данные веянья соответствуют «духу времени»: жизнь и взаимоотношения усложняются, важной характеристикой человека становится его мобильность и возможность «быть на связи». Новые технологии и изобретения направлены на облегчение жизнедеятельности человека: помощь с целью сокращения каждодневных хлопот, разнообразие развлекательных продуктов для отдыха, новые возможности для профессиональной деятельности и т. д.

С другой стороны, такое бурное развитие информационной среды и внедрение новых технологий несет в себе существенную опасность как для общества, так и для государства. Высокий уровень интегрированности и зависимости современного человека позволяет манипулировать им, а современные технологии (которые направлены на замену человека во многих сферах) также несут определенную угрозу для повседневной жизнедеятельности общества [1, с. 17]. В связи с этим бурное развитие новых технологий следует рассматривать как актуальную угрозу национальной безопасности государства.

Стоит отметить быстрое развитие информационных технологий и, как следствие, бурное развитие новых угроз. Это выступает одной из первых характеристики новых технологий как угрозы национальной безопасности. Опасность заключается в том, что государство в лице своих органов и должностных лиц не успевает вовремя создавать и корректировать законодательную базу противодействия, что представляет опасность для всей системы национальной безопасности в целом [2, с. 165]. В начале 2000-х гг. информационные технологии только начинали входить в обиход общества и серьезных проблем и угроз не представляли (несли скорее положительные эмоции и полезный функционал). В то время вопросы безопасности в цифровой сфере не были столь актуальны и представляли интерес исключительно для узкоспециализированных специалистов. За 20 лет цифровая среда очень сильно эволюционировала, став важной составной частью общества и государства, а проблемы виртуальной среды приобрели характер глобальных, в связи с чем большое количество как научных деятелей, так и практикующих специалистов в IT-сфере стремятся решить насущные проблемы в области обеспечения безопасности информационных систем [3, с. 113].

В современных условиях информация (данные), а также среда, в которой она реализуются, представляет особый интерес для человечества. В связи с этим вопросы обеспечения безопасности как техниче-

ского, так и гуманитарного характера приобретают статус актуальных: не только государства, но и широкие массы (аудитории) рядовых граждан заинтересованы в обеспечении безопасности [4, с. 70].

Согласно данным, которые были оглашены в рамках Всемирного экономического форума, в настоящее время человечество переживает четвертую (информационную) революцию: информация становится главным ресурсом, а информационные технологии и новшества коренным образом изменяют модели экономической деятельности, социальные взаимодействия субъектов, вносят изменения в политическую сферу¹. Согласно данным «TheBostonConsultingGroup», в современном мире компьютерная сеть Интернет выступает одной из наиболее перспективных и эффективных площадок для коммуникации, деятельности, взаимодействий и т. д., вытесняя при этом эффективность и нужду в реальных связях².

В связи с вышеуказанным стоит отметить, что, казалось бы, виртуальная (несуществующая) среда оказывает большое воздействие на реальную (практическую) жизнь личности, общества и государства. В связи с этим можно сделать вывод о том, что проблематика и угрозы виртуального пространства несут весомую угрозу для практической (реальной) жизнедеятельности и функционирования общества и государства.

Важность и роль цифровой среды в современном обществе осознают многие субъекты международной арены. Осознание всего потенциала управления, владения и возможностей внесения изменений в виртуальные процессы выступает современным и весьма интересным геополитическим инструментом, завладеть и реализовать который стремятся многие государства. Можно сказать, что между современными державами идет ожесточенная борьба за роль в новой информационной революции, ведь в современных условиях обывательское выражение «кто владеет информацией, тот владеет миром» приобретает характер целей и задач для современных государств. Практические реализации данных противостояний стали приобретать все более острый характер: наличие «информационных войн», создание ведущими государствами киберподразделений в составе вооруженных сил и т. д. [5, с. 92].

---

¹ The World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/> (дата обращения: 17.01.2021).

² Россия онлайн? Догнать нельзя отстать: доклад / The Boston Consulting Group (BCG). 2017. 25 марта. С. 18.

Новой и серьезной угрозой информационной среды выступают кибератаки. Опасность заключается в том, что реализуются данные атаки небольшим количеством людей – специалистов IT-сферы, однако негативные последствия успешных кибератак приводят к серьезным финансовым потерям, нарушениям функционирования инфраструктур, реальным жертвам и т. д. Ярким примером выступает распространение в 2017 г. компьютерных вирусов “WannaCry” и “Petya”, которые пронизывали работу огромного количества коммерческих и государственных организаций в более чем 150 странах, что принесло серьезный ущерб экономической сфере. Также стоит отметить целенаправленные возможности использования кибератак государствами для достижения своих геополитических целей в цифровой среде [6, с. 98].

Проблема противодействия информационным угрозам и поддержания безопасности в информационной сфере в международных масштабах обсуждается на международной арене с начала XX века. Здесь можно отметить и отдельные двусторонние соглашения, и многосторонние инициативы. Так, в рамках инициативы Российской Федерации в 2003 г. была создана «Группа правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (ГПЭ). Также стандарты и нормы регламентации безопасности информационной среды острого реализуются в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [7, с. 84].

Однако стоит отметить, что единые меры, а также единство политики в сфере обеспечения информационной безопасности в мире на уровне Деклараций и Конвенций ООН так и не были приняты. Основной причиной данного серьезного пробела международного права выступает противоречие в видении системы обеспечения безопасности информационной сферы ряда государств: европейские державы во главе с США, с одной стороны, Россия, Китай и их партнеры в сфере обеспечения информационной безопасности – с другой. В данном случае можно проследить и геополитические причины, так как каждая сторона пытается реализовать системы безопасности во главе со своим государством с целью воздействия на международное информационное пространство и контроля за его деятельностью [8].

В связи с данным положением стоит отметить, что противодействие виртуальным угрозам, а также обеспечение безопасности информационной среды возлагается на региональные и государственные сис-

темы обеспечения национальной безопасности, где государства самостоятельно выстраивают свою политику и системы обеспечения, в том числе и на законодательном уровне [9, с. 191].

В России законодатель осознает значение и угрозу манипулирования информационной сферы в рамках обеспечения национальной безопасности. При анализе Стратегии национальной безопасности РФ, в разделе II «Россия в современном мире» можно встретить упоминания о нарастающих угрозах в виртуальном пространстве: «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» (21); «появляются новые формы противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий. Обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности» (22)³. Однако говорить о полноценном осознании роли и важности цифровой среды в жизнедеятельности современного общества со стороны законодателя не приходится, так как в ключевых позициях – «национальные интересы и стратегические национальные приоритеты» – такая категория как защита и обеспечение безопасности функционирования информационной среды отсутствует.

Более детально основные угрозы и основы обеспечения безопасности в информационном пространстве представлены в Доктрине информационной безопасности РФ, которая по своему функционально-практическому характеру является логическим продолжением Стратегии национальной безопасности, но со смещением в информационную сферу. Данный документ содержит национальные интересы в информационной сфере, стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности, организационные основы обеспечения безопасности в данной сфере⁴. Однако при детальном анализе, на наш взгляд, положения Доктрины информационной безо-

---

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 212.

⁴ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5.12.2016 № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

пасности РФ основной акцент делают на угрозы информационного воздействия со стороны иностранных государств, не охватывая и раскрывая весь объем и современное состояние возможных негативных явлений и угроз в данной сфере [10, с. 162].

При пересмотре и переоценивании дестабилизирующих факторов, которые могут оказать разрушительное воздействие на российское общество и государство, а значит имеют статус угрозы национальной безопасности РФ, следует отметить то обстоятельство, что современные конфликты, а также вмешательства в суверенные дела государств сопровождаются именно в виртуальном пространстве.

Данная тенденция была задана еще в начале XX века: стоит вспомнить ожесточенное противостояние США и Ирана в рамках ядерной политики (которое, между прочим, продолжается и сейчас), в рамках которого военные специалисты IT-сферы в начале 2010 г. пытались реализовать вредоносные программы для воздействия на ядерную инфраструктуру Ирана [8].

Начальные этапы и координирование действий оппозиционных движений в рамках «цветных революций» с целью свержения легитимных властей также зарождается и развивается в виртуальном пространстве: основным инструментом выступают в основном социальные сети и другие виртуальные платформы социальных коммуникаций. Так осуществляется пропаганда «нестабильности» и «очернения» легитимных властей, вследствие чего нарастает реальное неудовлетворение и склонность к революционным действиям. Данные возможности информационной сферы были апробированы и показали свою эффективность в рамках «цветных революций» в Африканских государствах, а также наблюдались в ходе государственных переворотов и попыток таких переворотов в странах Европы и СНГ.

Более того, некоторые специалисты говорят о наличии и активной деятельности международных субъектов, целью которых является «расшатывание» внутригосударственных обстановок, развитие конфликта между обществом и государством, поддержка оппозиционных движений посредством виртуальной среды. В связи с этим можно говорить о появлении и развитии цифровых революционных транснациональных корпораций, которые представляют собой угрозу не только для отдельных государств, но и для всей системы международной (коллективной) безопасности в целом⁵.

---

⁵ Цифровая контрреволюция как угроза национальной безопасности России. URL: <https://russtrat.ru/analytics/18-yanvarya-2021-0010-2709> (дата обращения: 20.01.2021).

Также специалисты говорят о наличии и возможности применения «кибероружия», которым, по разным данным, могут обладать более 30 государств. В связи с возрастающей ролью информационной среды в жизни современного общества и государства данное оружие постепенно вливается в триаду оружий массового поражения: атомное, химическое и биологическое. В данный момент возможности применения и реализации «кибероружия» рассматриваются относительно несерьезно, но с все большей интеграцией общества и государства в виртуальную сферу (а такие процессы сейчас активно происходят) угрозы и деструктивное воздействие применения такого оружия будут только возрастать [8].

В связи с вышеперечисленным следует проанализировать угрозы виртуального пространства более подробно. Соответствующие угрозы целесообразно выделять в качестве отдельного дестабилизирующего фактора. При этом каждый из других перечисленных факторов в настоящий период усугубляется использованием информационной среды и информационных технологий в деструктивных целях, милитаризацией мирных информационных технологий, а также легкостью, внезапностью и быстродействием как информационно-технологического, так и информационно-психологического оружия.

Список литературы

1. *Шабаева О.А.* Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1. С. 16-20.
2. *Самородов В.Ю.* Цифровизация в современной культуре правотворчества: тренд на обновление и позитивная тенденция правовой жизни // Актуальные проблемы государства и права. 2020. № 14. С. 165-179. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-14-165-179.
3. *Матевосова Е.К.* Тенденции и приоритеты развития российского законодательства в эпоху глобализации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 4. С. 111-117.
4. *Есаулов В.Т.* Противодействие информационным угрозам как важное направление политики национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2009. С. 69-72.
5. *Полякова Т.А., Савенкова Д.Д.* Актуальные проблемы юридической ответственности в сфере обеспечения информационной безопасности (понятие, основания возникновения, виды) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 3. С. 88-94.
6. *Плотникова Т.В., Харин В.В.* Киберпреступность как угроза международной безопасности // Актуальные проблемы государства и права. 2018. № 8. С. 96-107. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-8-96-107.
7. *Сивоволов Д.Л.* Новые угрозы национальному суверенитету России в сфере информационной безопасности // Социум и власть. 2015. № 6. С. 82-88.

8. *Павлова Н.Н.* Угрозы в информационных технологиях. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018005038> (дата обращения: 09.01.2021).
9. *Картов Р.А.* Национальная безопасность РФ в условиях информационной войны // *Власть*. 2017. № 7. С. 191-192.
10. *Молчанов Н.А., Матевосова Е.К.* Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (новелла законодательства) // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 2. С. 159-165.

Поступила в редакцию 31.01.2021 г.

Поступила после рецензирования 27.02.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Информация об авторах

Парамонов Андрей Валерьевич – кандидат педагогических наук, зав. кафедрой специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: paramonowtmb@mail.ru

Харин Вадим Витальевич – контролер Управления безопасности. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2841-709X>, e-mail: vadimka.va@mail.ru

Для цитирования

Парамонов А.В., Харин В.В. Некоторые аспекты обеспечения национальной безопасности в информационной сфере // *Актуальные проблемы государства и права*. 2021. Т. 5. № 17. С. 161-170. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-161-170

DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-161-170

SOME ASPECTS OF ENSURING NATIONAL SECURITY IN THE INFORMATION SPHERE

Andrey V. Paramonov, Vadim V. Kharin

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3288-3341>, e-mail: paramonowtmb@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2841-709X>, e-mail: vadimka.va@mail.ru

Abstract. The information environment is currently an indispensable part of life of society and state. Virtual space and new technologies not only make life easier and better for modern people, but also pose real and serious threats to national security. The virtual (non-existent) environment has a great impact on the real (practical) life of the individual, society and state. The danger lies in the fact that the state, represented by its bodies and officials, does not have time to create and correct the legislative framework for counteraction in

time. We reveal that unified measures, as well as the unity of the policy in the field of information security in the world at the level of the UN Declarations and Conventions, have not been adopted, therefore, countering virtual threats, as well as ensuring the security of the information environment, is imposed on regional and state systems ensuring national security. When analyze the fundamental documents for ensuring the national security of the Russian Federation in the virtual sphere, it is revealed that the legislator places the main emphasis on threats of informational influence from foreign states, without covering and not disclosing the entire volume and current state of possible negative phenomena and threats in this area.

Keywords: digital environment; information security; national security; countering new threats

References

1. Shabayeva O.A. Pravo v usloviyakh tsifrovoy real'nosti: postanovka problemy [Law in the context of digital reality: problem statement]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Herald*, 2019, no. 1, pp. 16-20. (In Russian).
2. Samorodov V.Y. Tsifrovizatsiya v sovremennoy kul'ture pravotvorchestva: trend na obnovleniye i pozitivnaya tendentsiya pravovoy zhizni [Digitalization in the modern culture of law-making: a trend for renewal and a positive trend in legal life]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 14, pp. 165-179. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-14-165-179 (In Russian).
3. Matevosova E.K. Tendentsii i priority razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva v epokhu globalizatsii [Trends and priorities of development of the Russian legislation in the era of globalization]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina – Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, 2018, no. 4, pp. 111-117. (In Russian).
4. Esaulov V.T. Protivodeystviye informatsionnym ugrozam kak vazhnoye napravleniye politiki natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Countering information threats as an important direction of the national security policy of the Russian Federation]. *Vlast' [Authority]*, 2009, pp. 69-72. (In Russian).
5. Polyakova T.A., Savenkova D.D. Aktual'nyye problemy yuridicheskoy otvetstvennosti v sfere obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti (ponyatiye, osnovaniya vozniknoveniya, vidy) [Topical problems of legal responsibility in the sphere of providing information security (concept, basis of emergence, types)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of the South Ural State University Series "Law"*, 2018, no. 3, pp. 88-94. (In Russian).
6. Plotnikova T.V., Kharin V.V. Kiberprestupnost' kak ugroza mezhdunarodnoy bezopasnosti [Cybercrime as a threat to international security]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 8, pp. 96-107. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-8-96-107. (In Russian).
7. Sivovolov D.L. Novyye ugrozy natsional'nomu suverenitetu Rossii v sfere informatsionnoy bezopasnosti [New threats to the national sovereignty of Russia in the sphere of information security]. *Sotsium i vlast' – Society and Power*, 2015, no. 6, pp. 82-88. (In Russian).
8. Pavlova N.N. *Ugrozy v informatsionnykh tekhnologiyakh* [Threats in Information Technology]. (In Russian). Available at: <https://scienceforum.ru/2018/article/201805038> (accessed 09.01.2021).

9. Karpov R.A. Natsional'naya bezopasnost' RF v usloviyakh informatsionnoy voyny [The national security of the Russian Federation in terms of the information war]. *Vlast'* [Authority], 2017, no. 7, pp. 191-192. (In Russian).
10. Molchanov N.A., Matevosova E.K. Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (novella zakonodatel'stva) [The doctrine of information security of the Russian federation (new law)]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 2, pp. 159-165. (In Russian).

Received 31 January 2021

Reviewed 27 February 2021

Accepted for press 30 March 2021

Information about the authors

Andrey V. Paramonov – Candidate of Pedagogical Sciences, Head of Special Training and National Security Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3288-3341>, e-mail: paramonowtmb@mail.ru

Vadim V. Kharin – Security Management Controller. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2841-709X>, e-mail: vadimka.va@mail.ru

For citation

Paramonov A.V., Kharin V.V. Nekotoryye aspekty obespecheniya natsional'noy bezopasnosti v informatsionnoy sfere [Some aspects of ensuring national security in the information sphere]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 161-170. DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17-161-170 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(Выдержки. Полный текст приведен на сайте журнала <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html> (на русском языке), <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html> (на английском языке))

Научно-практический юридический рецензируемый журнал «**Актуальные проблемы государства и права**» (“Current Issues of the State and Law”) основан в феврале 2017 г.

Учредитель, издатель, редакция журнала – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340.

Индексируется CrossRef. DOI 10.20310/2587-9340.

Выходит 4 раза в год. Тираж 1000 экземпляров.

Подписной индекс 80661 в каталоге АОА «Роспечать», ООО «УП Урал-Пресс».

Территория распространения журнала: Российская Федерация и зарубежные страны. Реализуется на конференциях, выставках, через редакцию, вузы-партнеры.

Общее руководство по формированию и изданию научного журнала осуществляет редакционная коллегия во главе с главным редактором. **Главный редактор журнала** – к. ю. н., доцент Владимир Юрьевич Стромов. **Заместитель главного редактора** – к. ю. н., доцент Шуняева Вера Анатольевна.

Тематика журнала

Журнал посвящен современным и дискуссионным вопросам юриспруденции, вопросам законодательства и правоприменительной практики, их научным исследованиям по теории государства и права, материальному и процессуальному праву, включая аспекты национальной безопасности, государственного и муниципального устройства.

Основные рубрики журнала

- Общая теория и история права и государства (12.00.01)
- Материальное право (12.00.03, 12.00.08)
- Процессуальное право (12.00.15)
- Национальная безопасность (12.00.08)
- Обзор законодательства и правоприменительной практики (12.00.01, 12.00.03, 12.00.08, 12.00.15)
- Юридическое сообщество (рецензии, персоналии, информация о научно-практических мероприятиях) (12.00.01, 12.00.03, 12.00.08, 12.00.15)

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются.

Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Авторами журнала являются ученые из разных российских научных и образовательных организаций, а также из стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья. Изда-

ние рассчитано на научных работников, преподавателей высшей школы, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов и всех, кто интересуется достижениями современной российской науки, включая и международное научное сообщество.

Используемые языки публикаций: русский, английский. Возможны по согласованию с редакцией публикации на немецком, французском и китайском языках.

Полнотекстовые сетевые версии вышедших номеров журнала «Актуальные проблемы государства и права» размещены в свободном доступе на платформах Научной Электронной Библиотеки, на сайте журнала на русском и английском языках.

Политика журнала

Цель журнала – эффективная взаимосвязь между юридической наукой, образованием и практикой, рубрики журнала являются площадками для обсуждения актуальных вопросов совершенствования законодательства и правоприменения на внутригосударственном, межгосударственном и международном уровнях. Статьи представляются для публикации членами редакционной коллегии или непосредственно Редактором журнала, которые несут персональную ответственность за их содержание, научную ценность и новизну.

Миссия журнала заключается в популяризации результатов передовых правовых научных исследований, представлении их широкому кругу читателей.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Прием статей осуществляется по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, институт права и национальной безопасности.

Телефон: +7 (4752) 72-34-34 доб. 3117.

Электронная почта: lexnauka.tgu@yandex.ru

Ответственный секретарь журнала – к. ю. н. Р.В. Зелепукин.

ПОРЯДОК НАПРАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1.1. Рукопись статьи должна быть представлена лично автором или послана по электронной почте непосредственно в редакцию (lexnauka.tgu@yandex.ru) или любому из членов редакционной коллегии. Для отправки необходимо подготовить:

1) электронный вариант статьи в текстовом редакторе MS Word в соответствии с Правилами для авторов, устанавливаемыми редколлегией журнала, тематикой журнала. Вся текстовая часть представляется в одном файле. Файл должен быть назван по фамилии первого автора;

2) электронный вариант статьи с подписями всех авторов на последней странице в формате PDF;

3) отдельный файл в текстовом редакторе MS Word (для публикации в журнале), содержащий сведения о каждом авторе на русском и английском языках:

Имя и Отчество, ФАМИЛИЯ полностью

Ученая степень

Ученое звание

Должность

Место работы (полное название организаций, к которым приписан автор, с обязательным указанием статуса организации (аббревиатура перед названием) и ведомственной принадлежности; почтовый адрес организации с указанием города, страны, управление, отдел, кафедра)

Почтовый служебный адрес, служебный телефон (с кодом города)
ORCID, E-mail каждого автора

Для аспирантов и докторантов – наименование специальности. Аспиранты, адъюнкты, соискатели вправе представить отзыв научного руководителя.

Необходимо также указать автора, ответственного за переписку с редакцией, и адрес его электронной почты. По электронному адресу авторам высылаются pdf-файл опубликованной статьи бесплатно.

1.2. Необходимо также ознакомиться с Авторским договором (публичной офертой), подписать и прислать в редакцию Согласие (см. на сайте журнала).

1.3. Авторы материалов несут ответственность за оригинальность текста, а также за то, что в статьях не содержится данных, не подлежащих открытой публикации. Редакция может запросить акт экспертизы.

1.4. Поступившая рукопись рассматривается редакцией на предмет соответствия профилю журнала, установленным требованиям к оформлению, регистрируется, о чем редакция информирует автора по электронной почте lexnauka.tgu@yandex.ru.

На указанный автором адрес электронной почты будут высылаются уведомления об изменении статуса статьи (результат рецензирования, ориентировочные сроки опубликования и т. д.).

Если формальные требования к материалам на публикации не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Редакция оставляет за собой право отклонения статей в случае неспособности или нежелания автора учесть пожелания редакции.

1.5. Обязательным условием публикации статьи в журнале является соблюдение публикационной этики журнала. Все представленные рукописи проходят проверку в системе «Антиплагиат». Статьи должны обладать высоким процентом оригинальности (в совокупности с цитированием не ниже 70%), остальной процент публикации должен быть оформлен как цитаты (в кавычках, с обязательным указанием источника из списка литературы). Самоцитируемость свыше 10%, равно как и цитирование без указания авторства (плагиат, самоплагиат) не допускается.

В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами СОРЕ.

Если автор направил статью в другие издания, необходимо сообщить об этом во избежание множественных публикаций.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

2.1. Статьи в обязательном порядке рецензируются с целью их экспертной оценки. После проверки на плагиат редакция направляет статью двум рецензентам. В качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты других организаций, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению и имеющие в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

2.2. Рецензирование «двустороннее слепое»: автору не сообщаются данные о рецензентах и наоборот. Автор получает по электронной почте рецензию без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

Рецензенты в течение двух месяцев выносят заключение о возможности публикации статьи, необходимости ее доработки или отклонении. Рецензент оценивает соответствие статьи научной тематике журнала, ее актуальность, новизну, теоретическую и (или) практическую значимость, наличие выводов, соответствие установленным правилам оформления с целью их экспертной оценки.

Рецензентам запрещается снимать копии с рукописей для своих нужд и отдавать часть рукописи на рецензирование другому лицу без разрешения редакции.

Оригиналы рецензий в течение 5 лет хранятся в редакции журнала.

2.3. В случае положительного заключения рецензентов редакционная коллегия журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала, а также с учетом сроков поступления рукописи в редакцию.

В том случае, если рукопись возвращается на доработку, автор может представить вновь статью с сопроводительным письмом – ответом рецензенту о внесенных изменениях на повторное рецензирование в течение двух месяцев. Датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи.

Материалы, получившие отрицательный отзыв рецензента, не публикуются и не возвращаются, автору направляется мотивированный отказ. Рукописи, прошедшие рецензирование, не возвращаются. Редакция не хранит рукописи, не принятые к печати.

2.4. Результаты рецензирования обсуждаются на заседаниях редакционной коллегии, где принимается окончательное решение о публикации работы.

Если у автора и рецензента возникли неразрешимые противоречия относительно статьи, редколлегия вправе послать статью другому рецензенту. В конфликтных ситуациях окончательное решение о публикации принимает главный редактор.

Редакция обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования РФ и в экспертные советы ВАК при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Публикуются научные статьи объемом до 1,0 п. л. (8–20 страниц).

Статья должна быть набрана в программе Microsoft Word, формат А4, поля по 2 см с каждой стороны. Шрифт Times New Roman. Размер шрифта 14. Выравнивание по ширине. Межстрочный интервал полуторный (1,5). Абзацный отступ – 0,7. Переносы включены. Все страницы рукописи с вложенными таблицами, рисунками, подписями к рисункам, списком литературы должны быть пронумерованы. Шрифтовые выделения в самом тексте статьи допускаются в виде *курсива* или **полужирным шрифтом**.

В верхнем левом углу листа проставляется код **УДК**, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (<http://teacode.com/online/udc/>).

На следующей строке необходимо указать код специальности согласно номенклатуре научных специальностей ВАК, предполагаемую рубрику.

Далее по центру жирным шрифтом печатается **название статьи** (прописная буква только первая), ниже обычным шрифтом – **имя и отчество** (сначала! полностью), **ФАМИЛИЯ автора(ов)**, строкой ниже – **полное название организации с ее юри-**

дическим адресом на русском и английском языке (данные об аффилировании авторов – author affiliation).

В отношении организации(й) необходимо, чтобы был указан официально принятый английский вариант наименования.

ORCID, E-mail каждого автора

Ниже через строку помещается текст аннотации на русском и английском языке.

Аннотация (150–200 слов) в обязательном порядке должна включать актуальность и цель исследования, методы, основные результаты (например, Обосновано..., доказано..., проанализировано..., сформировано... и т. п.), выводы. Аннотация должна отражать цели, задачи, методы и результаты исследования, их важность.

Затем приводятся **ключевые слова** на русском и английском языке (не более 10 ключевых слов или словосочетаний, отражающих предметную область работы и служащих ключом при поиске соответствующей информации).

Еще через строку помещают основной текст статьи.

Рекомендуемая структура научной статьи (возможна рубрикация):

– введение: постановка проблемы в общем виде и ее связь с исследованиями в данной области и публикациями с обязательными ссылками в тексте на используемую литературу (также все заимствования в статье должны быть корректно оформлены);

– постановка задачи: формулировка целей и методов исследования рассматриваемой темы;

– результаты: изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов;

– выводы: научная новизна, теоретическое или практическое значение исследования, а также перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении;

– **список литературы (обязательно)**. Список литературы должен включать 10 и более источников;

– References (пристатейный библиографический список в романском алфавите (латинице) – полное транслитерирование источников и их перевод на английский язык);

– благодарности и ссылки на номера грантов.

В конце статьи должна быть надпись *Статья публикуется впервые. Проверено системой антиплагиат. Уникальность текста ...%* – ставится дата и подписи авторов.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации и ключевых слов ответственность несет автор (авторы) статьи.

Пристатейные библиографические списки цитируемой литературы

Список литературы является **ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ** атрибутом любой научной статьи. Указание в списке всех цитируемых работ обязательно.

Библиографические ссылки в списках литературы оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и даются в порядке очередности цитированных источников, например, [1, с. 25], или [3; 4], или [5–12].

В список литературы **не включаются** неопубликованные работы, учебники, учебные пособия, диссертации, нормативно-правовые акты, судебно-арбитражная практика и архивные материалы, статистические сборники, примечания и пояснения автора(ов), которые оформляются в виде подстрочных библиографических ссылок.

Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье сведений, цитат и правильность указания названий книг и других источников.

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5. – № 17. – 176 с. – ISSN 2587-9340. – DOI 10.20310/2587-9340-2021-5-17

Научно-практический юридический журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
AKTUELLE FRAGEN DES STAATES UND RECHTS
国家和法律的现实问题

Том 5

№ 17

2021

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
Телефон редакции (4752) 72-34-34 (доб. 3117)

Главный редактор: В.Ю. Стромов

Прием статей:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209
Институт права и национальной безопасности
Тел.: (4752) 72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html>

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, И.В. Ильина, М.А. Сенина*

Редактор английских текстов *В.В. Клочихин*

Компьютерное макетирование *Т.Ю. Молчановой*

Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*. Администратор сайта *М.И. Филатова*

Подписано в печать 31.03.2021. Выход в свет 07.04.2021

Формат В5 (70×108 1/16). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 11,0. Усл. печ. л. 15,4. Тираж 1000 экз. Заказ 21080. Цена свободная.

Распространяется бесплатно и по подписке.

Индекс 80661 в каталоге АОА «Роспечать», ООО «УП Урал-Пресс»

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати

Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru